

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

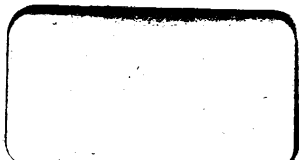
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ИВАНЪ ТОВИЛЕВИЧЪ (Карпенко-Карый).

Драмы и Комедіи.

Томъ V.

ПОЛТАВА.

Типографія Г. И. Маркевича, Бульваръ Котляревскаго,
Панскій рядъ.

1905.

WID-LC

PG

3948

.T6

D7

X

1905

тсм 5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 января 1905 г.

ТОВИЛЕВУСН

=

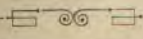
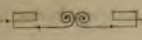
"ДРАМУ

5

"

1425
131

ИВАНЪ ТОБИЛЕВИЧЪ (КАРПЕНКО-КАРЫЙ).

Digitized by Google

ИВАНЪ ТОБИЛЕВИЧЪ
КАРПЕНКО-КАРЫЙ

Передне слово.

Иванъ Карповычъ Тобилевычъ, бильшь видомый пидъ псевдонимомъ—Карпенко-Карый, займае середъ діячивъ украинського пысьменства й театру выразно означене мисце. Драматычни його творы—добре видоми на Вкраини и зъ театральныхъ выставъ, и зъ чытання—раз-у-разъ выкликають вѣлыке зацикавлення не тилькы середъ людей, що спеціально украинськымъ пысьменствомъ цикавляться, але й середъ звычайной публикы. Имя Карпенка-Карого належить до найпопулярнишыхъ у насъ на Вкраини имень.

И. К. Тобилевычъ побачывъ свить 29 серпня р. 1845 въ родыни селянына-чыншовыка, що проживавъ у Херсонщыни, близько Елысавету. Батько його, Карпо Адамовычъ (померъ р. 1904), хочъ бувъ чоловикъ наскрызъ старосвитський, проте добре тямывъ, яку вельку вагу для жыття мае освіта, тымъ-то зъ останнього тягся, абы даты дитей своихъ въ науку. Талановыта ро-

дына Тобилевычівъ польшыла глибокій слидъ въ исторіи українського театру: зъ неї бо выйшли такі артисты, якъ Мыкола Садовський и Опанасъ Саксаганський, молодши браты нашого драматурга, та сестра ихъ, видома свого часу артистка Марія Садовська, що дуже рано померла й не встыгла своїхъ артистычныхъ сыль у-повни розвернуты

И. К. Тобилевычъ побиравъ науку въ пови-товій школи въ невеличкому мисти Бобрынци (въ Херсонщыни), та не довелось йому довго вчытыся. Ще молодымъ хлопцемъ бувшы, мусивъ винъ самъ на себе заробляты службою—спершу въ миській управи въ Бобрынци-жъ такы, а потимъ пры полиціи въ Елысавети. Але „службовыка“ зъ молодого Тобилевыча не выйшло: канцелярськи обставыны й товариство не прыгасылы въ йому тіей, мовлявъ, искры Божой, що була въ його души змалечку заложена, и молодой урядовець зъ кныжокъ та видъ розумныхъ людей (якъ отъ видомый Дмитро Пыльчыкывъ, Стрыжевський, тд-що) набирався живої сылы на борню зъ свитовымъ лыхомъ та вчылся, якъ жыты по правди. Разомъ зъ тымъ служба дала йому багато матеріялу для творивъ, що колысь малы повстаты зъ його творчої фантазіи. Середъ канцелярської темрявы яснымъ проминемъ для д. Тобилевыча бувъ театр, и жива натура тягла його зъ канцелярії въ иншой свить—на сцену. Ще р. 1863-го, за часивъ своєї службы, винъ разомъ зъ товаришемъ своимъ Маркомъ Кропывныцькымъ, теперъ тежъ драматургомъ и славнымъ артистом, организуе театральни выставки въ Бобрынци и Елысавети, виддаючысь цій справи зъ запалою молодої щырої души. Въ кинци 70-хъ роки сталася прыгода, що примусыла д. Тобилевычъ зовсимъ зальшыты службу й безъ поворс

вступити на ту стежку, яка здавна була його любово мрією. Перебидувавши потімъ зъ примусу килька рокивъ у Новочёркаському та прожившы ще на хутори у себе до мисяця грудня 1888 року, д. Тобилевычъ зъ того часу неподильно слухать ридній літератури й театрови, выступаючи якъ артистъ въ найкращій українській труппи—спершу д. Саксаганського, а опісля д.д. Саксаганського та Садовського.

Перши літературни спроби д. Тобилевыча належать тежъ до того часу, якъ винъ бувъ ще на служби. Пидъ впливомъ доктора Мыхалевыча почавъ винъ зъ оповидань та перекладивъ зъ російської мовы (напр., „Подлиповцы“ Решетныкова, „Книжка чековъ“ Успенського, тд-що), тилькы що зъ тыхъ першыхъ літературныхъ творивъ його мало щд побачыло свить. Надруковане було тилькы одне, якъ що не помыляюсь, оповидання—„Новобранецъ“ (въ збирныку „Рада“ за 1883 р.); решта, на превелький жаль, попропадала за часивъ того літературного та громадського лыхолиття нашого, колы не було де и якъ друкувати українськихъ творивъ*). Р. 1883 д. Тобилевычъ напысавъ першу свою драму „Бурлака“ (въ первистній редакції вона звалася „Чабанъ“) и видъ-тоди працює выключно въ цій сфері, якъ що не личыты частыны зъ спомынивъ—„Наталка-Полтавка“ (въ „Літературному Збирныкови на спомынъ про Ол. Кониського“). Драматычныхъ творивъ нашого заслуженого пысьменныка й артиста выходыть оне вже пятый томъ; краци середъ ихъ— „Бурлака“, „Мартынъ Боруля“, „Сто тысячъ“, „Гаймычка“, „Безталанна“, „По-надъ Днипромъ“, „Сва Чалый“, „Хазяинъ“, „Суета“.

Мижъ иншымъ пропала десь повисть „Безталанна“, въ якій розроблено авторомъ той самыи сюже що опісля давъ матеріалъ до драмы „Безталанна“.

Найбільша заслуга д. Тобилевыча на полі нашого драматичного письменства лежить у тому, що він перший рішуче порвав з традиційною хибою українських драматургів. Попередники його оберталися переважно в сфері інтимних родинних відносин, дуже рідко, і то злегенька, торкаючись інших більш широких сторін життя. Коханя пид усякими соусами та приправами становило немов якась зачарована коло, з якого не малы сылы выбытыся українськи драматурги старшої генерації. В творах д. Тобилевыча коханя одійшло на друге місце, а натомість центр ваги перенесено имъ в сферу суспільно-громадських відносин, і тут талановитий, на життєвий досвід багатий драматург дав гарни початки справжньої серйозної комедії та драми. Знаючи народне життя дуже добре, прислухаючись чутко до нових середь народу напрямів, уміючи підхопыти ихъ и в артистичній формі перенести на папір—д. Тобилевыч поставив наше драматичне письменство на нову певну стежку. Де-яки чисто технічні хыбы його творивъ не зменьшають ихъ високої артистичної й громадської вартості, зникаючи передь глибокимъ, поважнимъ змістомъ, идейністю та іншими гарними прикметами; яскравий юморъ та дотепність вытворили багато „крылатыхъ словъ“, які переходять в широку публику й робляться такъ немов приказками. Найбільша сила нашого драматурга лежить в надзвичайно виразному, закругленому змальованні типівъ: килька характерныхъ сливъ, дві-три дрибненькі рысы—и передь вами на цільй свій зрість стоять зъ усима деталями повни життя фігуры. Мартына Борулю, Калытку, Пенъонжку, Банавентуру, пысаря Омельяна Грыгоровыча, Пузыря и ще багато-багато іншихъ

тыпівъ певне кожний памятає, хто читавъ або въ театри бачивъ видповидни пьесы. Часто навить другорядни особы въ творахъ д. Тобилевыча обмальовано такъ артыстычно-выразно и выблыскують вони такымы свижими блыскучымы фарбамы, що перетягають на себе мымо воли увагу чытача або глядача. Найбільше вдатно выходять з-пидъ пера д. Тобилевыча негативни тыпы, надто зъ добре видомои автору сферы глытайства, експлоатаціи та нажывы; слабши взагали позитивни особы, якыхъ не разъ змальовано тилькы легенькымы рысамы або натяканнямы.

Якъ артысть, д. Тобилевычъ доповняє свою славу драматычного пысьменныка. Надзвычайна простота й докладне розроблювання всихъ деталівъ, для данной особы характерныхъ, надають гри цього вызначного артыста велькои сылы; жыття-кермує й артыстомъ, якъ и драматургомъ. Що бильше бачышь його въ театри, то бильше почынаєшь пиддаватися чарамъ його глыбокого артыстычного хысту. Бильше зъ натуре своей комикъ, винъ проте добре грає й драматычни роли въ своихъ и чужыхъ творахъ. Возный, Боруля, Калытка, Пузырь, Хома Нерукъ, Потоцькый и зновъ багато-багато иныхъ сценичныхъ образивъ пересовується передъ очыма. складаючи цилый артыстычный винокъ въ репертуари талановытого артыста.

Въ коротенькому огляди неможливо росказаты докладно про вси заслугы, якымы въ исторіи украинського пысьменства й театру запысавъ свое имя на довги вики д. Тобилевычъ. Драматычни творы його збагатылы украинську литературу й постачылы театрови цилый репертуаръ гарныхъ пьесъ; артыстычна гра його дала зразкы сценичного выконання своихъ и чужыхъ творивъ. Цымъ винъ протоптавъ таку выразну

стежку, що йдучы нею його наступныкы, певне, пиднимуть украинський театр на высокій ступинь розвытку. Пидъ той вельчный будынокъ, що колысь зъ украинського театру повстаты мае, наймицниши пидвалыны положывъ помы—И. К. Тобилевычъ.

Сергій Ефремовъ.

ГАНДЗА.

Драма зъ часивъ Руины.

(1663—1687).

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Ханенко—гетьманъ польської частини правобережної України.

Грицько Дорошенко—полковникъ у гетьмана другої частини правобережної України—Дорошенка.

Пелехъ—кошовый атаманъ пры Ханенкови.

Богаченко
Биленький } осаулы.

Лобель—комендантъ Билоцеркивської кріпости.

Жозефина—його жінка.

Гандзя—дивчина зъ лівого берега Дніпра.

Зинько—її коханець.

Грыцько—її братъ.

Пыво-Запольський—полковникъ компанійського полку въ Дымери.

Нянька у замку Пыво-Запольського.

Катерина
Алинка
Дивчина } покойовки въ замку.

Уласъ
Явтухъ } старши козаки въ полку Пыво-Запольського.

Янкель-Иванъ—жидъ-козакъ, шинкаръ.

Рывка-Одарка—його жінка.

Борохъ—їхъ родычъ.

Запорожець.

Хома.

1 и 2 чоловіки.

Прочане—бабы й чоловіки, дівчата й козаки.

Дія І.

Середына корчмы. Рывка, одягнена по-украинськы, порається биля барыла.

ЯВА І.

По паузи 1 и 2 чоловікы зъ посудю въ рукахъ.

1-й чоловікъ *(подає посуду й личить гроши).*

На. Кварту! *(Рывка точе й оддає).* Прощай!
Перебыраємось на той бикъ Днипра, тамъ
спокійнише *(вийшовъ).*

2-й чоловікъ *(подає посуду и гроши).*

Око! На тимъ боци горилка дорога.

Рывка *(вточившы дає).*

То чого-жъ вы туды тикаете?

2-й чоловікъ.

Туроць сюды йде и всихъ въ неволю
забере. Чоловикивъ, кажуть запорожци,
попрыкуе на вику до галерь!.. А жи-
нокъ гарныхъ, отъ якъ ты, соби визьме,
а поганыхъ одгодуе и продасть людойидамъ!
Прощай...

Рывка (*перемывает посуду*).

Тикать бы й намъ звидсиля, а Янкель мій переодягся козакомъ и каже, що винъ никого не боиться! Охъ, ажъ страшно, якъ подумаю—що турокъ мене визьме!..

Я В А П.

Входе Янкель, одягнений козакомъ, пры брони.

Янкель (*удає зъ себе рубашу*).

Гей, шынкарко, горилкы!

Рывка.

Ой!.. Тю, це Янкель! Якъ ты мене злякавъ!

Янкель.

Що то козаць!.. Глянь! (*высольное саблю и махає*).

Рывка.

Янкель, ты сказывся! Захочай саблю, бо ты не вмєшь нею махать и самъ себе заряджешь!

Янкель.

Що ты тямьшь! Все думаютъ, що я справжній козаць (*ховає саблю*).

Рывка.

Ты такой страшный безъ бороды, що я тебе боюся! Жыдомъ тоби краще було; теперь и я переодяглася, и ты переодягся, неначе подурилы... и на бисового батькѧ тоби це здалося?

Янкель.

Рывко, ты дурна! Жыдомъ теперь не можна жыть на свити, бо жыда й за чоловіка не личать. Жыдови въ ци часы треба такъ робыть: татарынъ пануе—будь татарыномъ; ляхъ запанувавъ—робыся ляхомъ; козаки замисть ляхивъ панують—будь козакомъ! Отъ я й одягся козакомъ, перенявъ козацьку вдачу й мени добре! Сьогородни я вже бувъ одного посполытого, а якъ бы я бувъ одягнений жыдомъ, то винъ бы бувъ мене!

Рывка.

То ты вже такъ и зостанешся козакомъ?

Янкель.

Ото! Де треба быть жыдомъ—я тамъ буду жыдомъ.

Рывка.

А дежъ ты одразу достанешъ пейсы й бороду?

Янкель.

Ой, балабусте! (*Цилуе Рывку*). Гарна зъ тебе молодыця, тилькы ты ничего не розуміешъ. На вищо мени пейсы й борода? Я скажу, що запорожци на смихъ одризалы и пейсы, й бороду, и вси повирять. А теперь я—Иванъ, а ты—Одарка!

Рывка.

Ну, ну—нехай! А тилькы козаки й посполыти до мене залыцяються!

Янкель.

А ты жартуй зь ными, то вони бильше пытымуть горилкы. Сьогодни буде у насъ торгъ—сыла прочанъ переправляється на той бикъ, а тилькы ихъ не пустять. Грыцько Дорошенко и черкаськый полковникъ Грыгоровычъ заступылы весь берегъ Днипра.

Рывка.

Знаешъ, Янкель,—и мени страшно тутъ zostаватысь; може бь и мы втыкалы, бо якъ прыйдуть сюды туркы...

Янкель.

То мы зробимось туркамы и будемъ имъ помагать.

Рывка.

Ой, страшно!

Янкель.

Я туркивь не боюсь, а отъ я тривожусь що Бороха и доси нема зь Дымера... бо тутъ пропадае добрый заробитокъ.

Рывка.

Бидный Борохъ, може його тамъ вбыто, що такъ довго нема. Скажы мени, Янкель, яку вы Гандзю шукаете й на биса вона вамъ здалася?

Янкель.

Таку Гандзю, що колы мы ии приве-земь до гетьмана въ Чыгрынь, то маты-мемь 1000 таляривь!

Рывка.

Ну, то на вищо ии шукаты въ Ды-мери? за 200 таляривь можна тутъ знайти дви Гандзи: Орунь же находить гарныхъ дивчатъ и продае туркамъ по 500 таля-ривь!

Янкель.

Такои, якъ мы шукаемо, другои немае въ цилимъ свити.

Рывка.

Така бь то гарна!

Янкель.

Якъ сонце! Ии десь доставъ Орунь и подарувавъ нашому гетьману, а гетьманъ збирався одислатъ ии султанови въ дару-нокъ. Це не взявся польскый полковникъ, голо. ~~Ризъ~~ Пыво - Запольскый, побачывъ ту Гандзю въ Чыгрыни и вкравъ ии. А вкравшы, утикъ зъ Гандзею въ польскый Дымеръ, на Полисса, и гетьманъ обещавъ 1000 таляривь тому, хто выкраде Гандзю назадъ.

Рывка.

То хйба Борохъ може ии выкрасы видъ пана? Ты на смерть його пославъ... грихъ тоби буде, якъ Бороха уб'ють.

Янкель.

Уб'ють, то однимъ жыдомъ буде меньше. Мало ихъ теперь убывають? А якъ достане Гандзю, будемъ мать 1000 таляривъ... Я зъ тобою забалакався, а тамъ прочане коней продають за пивъ цины; пиду, може що куплю, а якъ ихъ не пустять на той бикъ, то ти сами, що заразъ продають, будутъ купуваты знову коней и заплатять мени у-двое, бо не можна жъ пишому зоставатысь! *(вышовъ)*.

Я В А Ш.

Входятъ Запорожець и Хома.

Запорожець.

Людей багато, гудуть, якъ въ улыку бжолы, и вси тверези. Ходывъ, ходывъ — никто й не почастувавъ. Почастуй хочъ ты, Рывко!

Рывка.

Вы вже сьогодни четвертый кухлыкъ выпылы видъ мене и не пам'ятаете, якъ мое им'я? Пыйте п'ятый, побачу, яка у васъ пам'ять *(подае)*.

Запорожець *(выпывъ, постоявъ зъ кухлыкомъ и мовъ нагадавъ)*.

Одарка!

Рывка.

Ну, то у васъ ще е пам'ять. *(Запорожець засмѣявшись сивъ на лави й тягне мюлку. Входе Хома зъ посудю)*.

Хома.

А ну, Рывко, вточы око горилкы й мени.

Рывка.

Слухай, Хомо, я Одарка! Тямышь— Одарка!

Хома.

Невже?.. А чоловікь—Янкель?

Рывка.

Ни, Ивань! А щобъ ты не забудь и всимъ казавъ: идить въ оранду до шинкаркы Одаркы,—на выпый!

Хома.

Давай! За твое здоров'я—Одарко! А знаешь ты добре зробыла, що выхрестылась, и така жъ гарна зъ тебе молодыця, що ажъ любо глянуты! Отака була у мене жинка, та магометякы въ полонъ взяли. Слухай—тикаймо, Одарко, зо мною, бо сюды туркы йдуть, то й тебе визьмутъ. Магометякы люблять гарныхъ молодыць.

Запорожець.

Не слухай його, перебырайся до насъ на Сичь! Нихто тебе тамъ не зачепе, ты побчастуешъ добре и вси пам'ятатымутъ, о ты Одарка.

Рывка.

Такъ, якъ вы? Покры пытымутъ, доты пам'ятатымутъ! (Запорожець сміється).

Хома.

Що тамъ шукать мисця, куды тикать,—тикай, куды попало! Я вже третій разъ тикаю на той бикъ Днипра. Пидниметься тутъ заверюха—я туды, затыхне—сюды въ старе гнздо, якъ що не спалять, а спалять—мостю нове, якъ черногузь!.. Погане жыття! Бида! Не знаешъ, хтò тутъ пань: чы Дорошенко, чы Ханенко, чы Самойловичъ, чы татарынъ, чы ляхъ, чы запорожець! Йй-Богу! Послухай ляха—свои б'ють та ще й татаръ наведуть, а ти въ полонъ всихъ забирають; послухай Дорошенка—Ханенко б'е; послухай Ханенка—Дорошенко б'е! По трычи на рикъ присягаемъ и зражаемъ—то одному, то другому, то третьому! Геть распаскудылы народъ...

Запорожець.

А вы не слушайте ни одного, ни другого, ни третьего и никому не присягайте!

Хома.

Отакъ, якъ бачышъ! З'явившысь сюды, запорожци научають никого не слушать! А мырь колотыться й колотыться...

Запорожець.

А вы не слушайте й запорожцивъ: выберите гетьманомъ нашего Сирка,—той всихъ розжене!

Хома.

Тай вернеться на Сичь, а насъ знову за чуба! Ни, теперь переберуся на той бигъ та ажъ у Московщину подамся. Чутка, е, що тамъ багато нашихъ оселылося на слободахъ. Утичемо, Одаржо?

Запорожець.

Шкода, сьогодни не втечешъ! Никого не пустять на той бигъ, скризъ кордоны стоять. Наобисило вже возытысь зъ вами: то сюды, то туды переправляетесь. И звидсиля не пустять, и тамъ не прыймутъ,—такий универсаль выйшовъ видъ Дорошенка!

Хома.

Ого! Я—рыбалка, визьму ситку, сяду на човень, нибы рыбу ловыть, та й подамся... Чуешъ—гамъ який: то наблыжаються прочане (*йде до вкна*). И, Господы, яка сыла людей! Тилькы выдко, що тутъ не стануть, прямують до Днипра. Лейба, бачышь, розбывъ бия Днипра ятку, а теперь бигае на биди помижъ людей и выгукую: «до мене, до мене! шистъ шагивъ кварта горилкы!» Мабуть, розведена!

Рывка.

Бодай йому у барыло зъ горилкою чорты смолы налылы!

Хома.

Не ремствуй, народу сыла—и въ тебе куплять. Прощай, Одарко! (*выйшовъ*).

Запорожець.

Пиду жъ и я до прочанъ, може хто почастье, а я буду пидбывать, щобъ не слухалы уряду та сылою рвалысь на той бикъ. Ну, прощай... Отъ тоби й маешъ—забувъ им'я!

Рывка (*сміється*).

Яка у васъ коротка пам'ять!

Запорожець.

Одбылы кыями за те, що въ гречку скакавъ часто.

Рывка.

Що зъ вами робить... (*подає*). Якъ и за цымъ разомъ забудете, бильше не дамъ.

Запорожець (*выпивъ*).

Одарка! Спасыби, що почаствовала. А якъ будуть у мене гроши, то ты видъ мене добре уторгуешъ! (*входе Янкель и Борохъ*). Прощай, Одарко! (*выйшовъ*).

Я В А І V.

Рывка, Янкель и Борохъ.

Рывка.

Борохъ, Борохъ! Яка я рада, що ты вернувся; мы думалы, що тебе повисыл въ Дымери.

Борохъ.

Трохы не повисылы, насылу втикъ!

Янкель.

Ну, розказуй—чого ты такъ довго барывся въ Дымери? Може й Гандзю выкравъ и одвизъ вже у Чыгрынь и 1000 таляривъ самъ узявъ?

Борохъ.

Де тамъ! Я радъ, що самъ утикъ,— не до Гандзи мени було... Такé вже мое щастя. Въ той самый день, якъ я въ Дымеръ прыйхавъ, Гандзя втикла зъ Дымера.

Янкель.

Куды втикла, якъ утикла? Що ты брешышь!

Борохъ.

Якъ утикла?.. Такъ утикла, якъ и я утикавъ.

Янкель.

Ну, розказуй же!

Борохъ.

Чого ты крычышь! Я й такъ мовъ у пропасныци цилый рикъ лежавъ, бо перецканий на смерть, а винъ крычыть... Я прыйхавъ у Дымеръ спокойно. Спытавъ дного-другого жыда,—кажуть: чулы, що Гандзя, що паць полковныкъ хоче на й женыться! Тоди я взявъ крамъ и пи-

шовъ у замокъ продавать дивчатамъ стричкы, бо у пана полковныка багато е дивчатъ. Пидійшовъ до ворить, чую—росказують, що Гандзя тилькы що втикла на трьохъ арабськыхъ жеребцяхъ зъ двома козаками, й мало не сто душъ побиглы ии доганяты! Я ажъ затрусывся и ночавъ, роспытувать— якъ утикла? що то за козаки?.. а одынъ сипака за рукавъ мене халъ! Ухъ! Я на крыгу змерзъ! Се шпыгъ, каже! Ходимъ до пана... То я зъ переляку такъ сипнувся, що й рукавъ зостався у нього въ рукахъ. Кынувъ имъ кошыкъ зъ крамомъ, винъ розбывсь, вси кынулысь жакувать крамъ, а я побигъ, видъ нихъ скилькы духу... Бигъ, якъ арабськый жеребець! Скакавъ черезъ ровы, падавъ, вѣтававъ и знову бигъ. Погубывъ патынкы, шапка упала зъ головы, гроши твои выпалы з-за пазухы, нарешти вскочывъ у балку та полавъ у викныну и ледви-ледви высипався на другый день. Уй, уй! и теперь страшно!

Янкель.

А бодай чорты взяли твого батька!.. Якый же ты жыдъ? дила нѣякого не зробывъ, и гроши мои загубывъ, и ничего не знаешъ про Гандзю! Бодай и тебе чорты взяли!.. Чомъ же ты не вернувся у Дымеръ и не роспытавъ до ладу?

Борохъ.

Страшно було вертаться.

Янкель.

Бо ты жыдъ!

Борохъ.

Тай ты жъ жыдъ!...

Янкель.

Брешышь! Я—козакъ, запорожець! а щобъ доказать, що не жыдъ—буду жыдивъ ризать!... Чувъ?

Рывка.

Янкель, опам'ятайся, мени страшно зъ тобою жыть... ты збожеволивъ, що ты говоришь?...

Янкель.

Шынкаръко, гей горилки! Чого сыдышь, псяюхо, очи вытрищыла, якъ сова! Геть видъ бочки, я самъ соби вточу, а решту выпустю на землю и буду въ горилци танцювать! (*Борохъ злякався, спустывся зъ лавъ й сивъ на земли. Янкель маха шаблюю*). Де жыдъ Борохъ? Подайте мени Бороха! (*Борохъ полизъ тидъ лаву*).

Рывка.

Янкель, Янкель! Погынь шаблю—ты самъ себе покаличышь.

Янкель.

Мовчы, жыдивко! Ага! (*тляне Бороха з-тидъ лавы*). Не сховаешся! Давай гроши, псявиро!

Борохъ *(вытягивает гроши з-за пазухи)*.

Нате, пане Иване! *(даст гроши)* Тилькы выпустить мене зъ хаты, бо у мене щось погано въ середыни.

Рывка *(тикает до дверей)*.

Скаженный! Гвалтъ, рятуйте!

Янкель *(стае на дверяхъ)*.

Ша! *(регоче скільки силы)* Рывко! це я жар-туючы козакувавъ.

Рывка.

А сто чортивъ твой матери зъ твоимъ козакуваннямъ! Ты мене перелякавъ на смерть, а Борохъ онъ лежить мертвый...

Янкель.

Чортъ його не визьме! Я навмысне його лякавъ, щобъ винъ виддавъ мои гроши, и отъ бачышь—виддавъ, а казавъ, що загубывъ!

Борохъ *(встае)*.

У, гой! Якъ бы у мене була шабля и пистоль, то й я бъ крычавъ, якъ скаженный!

Янкель *(выймае пистоль)*.

На.

Борохъ.

Нехай йому чортъ,—може тамъ пуля!

Янкель.

То-то бо й е!... Ни, що не кажить, у мене козача кровь... мабуть такы мал согришыла!

Борохъ.

Гой!

Рывка.

Свиняча у тебе кровь! Такихъ дурныхъ козакивъ я ще не бачыла.

Борохъ.

Гой!

Янкель (*реюче*).

Ото не обманюй. Якъ бы ты гроши виддавъ, то я бъ тебе не лякавъ.

Борохъ.

Гой! (*входятъ Уласъ и Явтухъ*).

Я В А V.

Ти жъ, Уласъ и Явтухъ.

Уласъ (*до Бороха*).

А хто тутъ шынкаръ?

Янкель.

Я.

Уласъ.

Ты? Чудасія: вже замистъ жыдивъ козакы горилкою торгують.

Янкель.

А на чорта намъ жыды?

Уласъ.

И то правда, хочъ иноди безъ жыда обійдешся: розумни й на хытрощи *здат*

ни! А цей же тутъ чоґо сыдыть— на насин-
ня, чы цо?

Янкель.

Це мій наймыть.

Уласъ.

Отце такъ! Добре, ій-Богу добре.

Явтухъ.

Еге! Гарна поведенція пишла: жыды у
козакивъ наймытамы стали! Дай, Боже,
щобъ скрызъ отаке завелось.

Борэхъ.

Бодай ты не дикдавъ, дурный гою!

Рывка.

Може ще ты у жыдивъ будешъ въ по-
кояхъ грубы топыты.

Уласъ.

А це бия барыла—жинка?

Янкель.

Еге.

Уласъ.

Дай же намъ, гарна шынкарочко, го-
рилкы! *(Рывка точыть горилку).*

Янкель.

А вы, здається, не тутешни?

Уласъ. *(n'e).*

Ни. *(йистъ хлѣбъ и сало).*

Янкель.

А звидѣлиля?

Явтухъ (*n'e*).

Зъ Дымера. (*Борохъ піднявся й вытягнувъ голову на всю шю*).

Янкель.

Зъ Полиссия?

Улась.

А ты тамъ бувъ?

Янкель.

Ого! ты спытай у Янк... де Иванъ не бувавъ? Носылы мене чорты скризь.

Улась.

А ще й не старый!

Янкель.

Якъ бы бувъ старый, то въ записку бѣ кашлявѣ... Чы не видѣ полковныка Пыво-Запольського йидете?

Улась.

А ты хйба знаешъ и полковныка?

Янкель.

Прислугувавъ, якъ кравъ винъ у гетьмана Дорошенка Гандзю.

Улась (*до Явтуха.*)

Отце чоловичокъ такый, якъ намъ треба.

Явтухъ.

Не довирайся видразу.

Янкель.

А вы про Гандзю ничего хйба не знаете?

Уласъ.

Про яку Гандзю?

Янкель.

Ну, якъ що вы ии не знаете, то на вищо я буду быты языка объ зубы. *(Мовчать. Уласъ и Явтухъ йидять. Борохъ заховавъ голову въ шю. Янкель до Рывки тыхо).* Воны шукають Гандзю по горячому слиду. *(Раптомъ повертається до Уласа).* И такъ такы й не знайшлы Гандзи?

Уласъ.

Нема... Га? ты, здається, шось спытавъ — я не дочувъ!...

Янкель.

Та то я до жинкы балакавъ.

Уласъ.

Ага *(до Явтуха)*. Хытра людына!

Явтухъ.

Еге.

Уласъ.

Чы не побалакать зъ нымъ прямо;
Выдко, шо винъ бувъ на кони и пидъ конемъ.

Явтухъ.

Та намъ бы треба розумного жыда, а де ты його тутъ знайдешъ, колы воны у наймыты пишлы до козакивъ? Балакай зъ нымъ, бо, знаешъ, мени здається, що винъ тежъ зъ жыдивъ: дуже щось крутитися и на мисци не встоить...

Улась.

Еге *(вытершы губы, пидійшовъ до Рывки)*. А дай ще горилкы. А ты не хочешъ.

Янкель.

На потуху? Чому ни! *(Шють)*.

Улась.

Пидкрепылысь! *(до Янкеля тыхо)*. Намъ треба побалакаты зъ тобою самъ на самъ.

Янкель *(до Рывки й Борожа)*.

А выйдить на часыну зъ хаты. *(Ти виходять)*.

Я В А VI.

Янкель, Улась и Явтухъ.

Улась.

Слухай, козаче, ты шынкаръ, а пры т кимъ дили чого чоловикъ не знае!...

Янкель.

Ого-го! Тутъ треба бутъ и жыдомъ, и закономъ, и шляхтычемъ!

Уласъ.

Правда. Такъ отже знай: колы ты намъ
поможешъ, то матымешъ 500 таляривъ.

Борохъ *(за дверима)*.

Уй!

Уласъ.

Що тамъ?

Янкель *(одчыняе двери и б'е Бороха въ лобъ)*.

Борохъ *(хватається за голову)*.

Уй! с-с-с?

Янкель.

Якого ты чорта крычышь?

Борохъ.

Ударывъ по голови, та ще хочешъ,
щобъ мовчавъ?

Янкель.

Пишовъ геть на станю, тамъ твое
мисце *(зачыняе двери)*.

Уласъ.

Мы шукаемо трьохъ арабськихъ жереб-
цивъ.

Янкель.

И Гандзю.

Уласъ.

И Гандзю... На тыхъ трьохъ жереб-
цахъ утикла Гандзя зъ Дымера—середъ би-

ЛОГО ДНЯ ЗЪ ДВОМА КОЗАКАМИ, И СЛІДЪ Е
СЮДЫ... ЧЫ НЕ ЧУВЪ ТЫ ЧОГО?

Янкель.

Чувъ чы не чувъ, а дайте мени впе-
редъ 100 таляривъ, тоди будемо балакаты.

Уласъ.

На (дае).

Янкель.

А хто іи укравъ?

Уласъ.

Думаемъ—Дорошенкови козаки.

Янкель.

Ну, то вертайтесь назадъ.

Уласъ.

Добра рада! То за ци два слова «вер-
тайтесь назадъ»—ты взявъ 100 таляривъ?

Янкель.

А що жъ мы зробимо зъ Дорошенкомъ?

Уласъ.

И то правда. А що жъ ты порайшь?

Янкель.

А я вамъ скажу, що на мою думку не
Дорошенко Гандзю вкравъ, а хтось другый,
и по моему вони будуть прямувать на той
бикъ Днипра, а на той бикъ никого теперь

не пускають, — такой универсаль выпустивъ Дорошенко, и вже третій день берегъ Днипра стереже цилый полкъ козакивъ. Колы ранише Гандзя не перескочыла, то вона тутъ, мижъ прочанамы, а прочанъ сыла. Йидьте мижъ люде, роспытуйте й розглядайте. Вы жъ певно пизнаете тыхъ двоухъ козакивъ и своихъ коней?

Уласъ.

А якъ-же.

Янкель.

Йидьте жъ заразъ! И я пиду, — буду роздывлятысь. Арабськыхъ коней я пизнаю.

Уласъ *(до Явтуха)*.

Гайда, Явтуше, на коней *(выходять)*. Мы жъ найдемо!

Янкель *(у двери)*.

Борохъ, Рывко! *(ти входять)*.

Я В А VII.

Борохъ, Рывка и Янкель.

Борохъ.

Я все чувъ.

Рывка.

И я чула.

Янкель.

Я знаю, що вамъ не позакладало, бо вы жъ стоялы пидъ дверыма. Сидай же заразъ у биду и йидь до Днипра... розпы

тайся, де гетьманивъ братъ полковныкъ Грыцко, и прыйдешъ сказать мени.

Борохъ.

Мени страшно: богато п'яныхъ, щобъ, буває, зъ биды не стягнулы. Дай мени хочъ 5 таляривъ—може прыйдеться кому мого-рычъ поставыть, щобъ видчепывся.

Янкель.

Перше заробы! Ну! *(береться за пистоль)*.

Борохъ.

У, гой! *(вийшовъ)*.

Янкель.

Рывко, и я заразъ йиду тежъ шукаты гетьманового брата Грыцька,—винъ тутъ зъ полкомъ прыдержуе прочанъ,—и наведу Грыцька на слідъ сыхъ двоухъ козакпвъ. Мени не прыходыться имъ помагаты: взявъ 100 таляривъ и край, бо колы Дорошенко довидається, що я имъ помагавъ—повисыть. А ты, Рывко, тутъ пыльный: чы не запримитышь чого... *(входе Хома)*. Чортяка сього прынесла! Винъ надто балакучый и буде тутъ стоять на перешкоди *(вийшовъ)*.

Я В А. VIII.

Рывка а Хома.

Хома.

Здорова, Одарко! Бачъ, якъ я тебе полюбовъ: не купувавъ у Лейбы, а до тебе.

Рывка.

Спасыби.

Хома.

Ну й клятый, выдно, твій чоловікъ— рудько: такъ, якъ вовкъ, баньками свитыть... а ты гарна молодыця, и якъ ты зъ нымъ живешъ?

Рывка.

Бо винъ добрый.

Хома.

Якъ бы бувъ добрый, давно бь собаки зйили. (*Дае посуду*). Наточы, вып'емъ зъ горя. Не пустылы насъ, Одарко на той бикъ Днипра! Женуть усихъ назадъ, якъ овецъ туркамъ на заризь.. Гетьманивъ братъ Грыцько та черкасський полковныкъ заступылы весь берегъ и не пускають никого на той бикъ Днипра... А все такы я цiei noci утечу крадькома. Я вже не разъ тикавъ. (*Оглядається*). Рудого нема, то я зъ тобою побалакаю. Тикаймо, Одарочко, зо мною! Чоловикъ у тебе рудый, злый; прыйдуть туркы, то й такого не буде—зйидять, а тебе визьмутъ магометякы, й-Богу визмутъ! Тикаймо!

Рывка (*сміється*).

Тикайте самы.

Хома.

Самому сумно, а жінку татары взяли я-жъ тоби казавъ.

Рывка.

Такъ вы жениться.

Хома.

Нема, серденько, дивчатъ зовсимъ,— хочъ бы тоби на насиння зоставылы кляти магометякы: выловылы всихъ и забралы. Може, тамъ де й е, а у нашій околыци хочъ бы поганенька—нема! Якъ же його безъ жинкы тикать? Занудышся! На кого жъ я буду гроши зароблять, хто жъ мени дозолыть такъ до печинокъ, якъ жинка!

Рывка.

А на вищо жъ вамъ така жинка?

Хома.

Прывыкъ. У мене була гарна жинка! Така жинка, що вси козаки хвалылы, а вона була до всихъ прывитна, а тилькы до мене ни, и все робыла й говорыла наперекирь. Отце я, напрыкладъ, скажу: «холодно сьогодни!» То вона: «чы ты не здуривъ—душно!» Знову кажу: «дощъ иде!» то вона: «хиба це дощъ? Мряка!» Кажу: «собаки гавкають!» То вона: «вороны крякають!»... Я до ней завжды зальцявся, а вона одно—пхека! «Я, каже, тебе шаную и шмаття тоби шью й мью, и йисты тоби варю, бо ты, каже, робитныкъ добрый: ты й рыбалка, и швецъ, и ткачъ, и музыка—не тымъ, то тымъ заробышь, и я пры тоби—дани. А

якъ бы, каже, ты бувъ тончый та выщый, то я бь тебе ще й кохала.»—Чого жь ты йшла за мене? «пытаю.—«Абы выйты, каже: вильнише гулять.»—Жаль мене визьме за сердце. Мучусь, мучусь, а потимъ и день, и ничь працюю, а вона гуляе зь козаками! Зароблю грошей та въ Чыгрынь. Накуплю ий намыста, перстень, сережки, чоботы таки, що хочъ бы й королевни, плахту, квитчату хустку—и прынесу. «Отъ те перь, каже, ты заробывъ коханья!» и почынае мене кохать. Умила кохать! Тилькы найбильше тыждень покохае, и знову за свое!... А щобъ тебе магомetyаки взялы! А теперь отъ взялы, остався самъ, и сумь обгортае. Утичемо, Одарко! Зь выду ты скыдаешся на мою Устю—и я тебе буду на рукахъ носыть, а ты тилькы кохай—це жь работа не важка!

Рывка.

Та що це ты здуривъ, чы що? Я кохаю свого чоловика и за грихъ личу навить таку розмову, а терплю тилькы черезъ те, шо я шынкарка. Йдять соби геть зь хаты!

Хома.

Чого жь гниватысь? Не гнивайся! Я жь тебе не сылую, а тилькы просю!... Добре твоему чоловику, шо ты його кохаешъ. Така гарна—и кохаешъ рудька! И-и добре, а мени жь то? Лукава була Устя, тай ту взялы шельмовськи магомetyаки (входе Грыцько).

Я В А IX.

Ти жъ и Грыцько.

Грыцько.

Помагай-Бигъ!

Рывка.

Спасыби!

Хома.

Не хоче помагать! Отъ ніякъ не переберемося на той бикъ.

Грыцько.

Бида! Мы зъ того боку, насъ два браты, и зъ намы стара, слаба маты. Булы отце въ гостяхъ, провидувалы старшу сестру—вона въ Чыгрыни замижемъ: а теперь не пускають и насъ на той бикъ до-дому.

Хома.

А за кымъ же сестра замижемъ?

Грыцько.

А вамъ хйба не однаково?

Хома.

Та я, бачышь, усихъ знаю, черезъ те й пытаю.

Грыцько.

А мене знаете?

Хома.

Щось не по знаку... А якъ тебе на им'я?

Грыцько.

Грыцько.

Хома.

У-перше бачу.

Грыцько.

Ну, то не всихъ же знаете!

Хома.

Гострый!

Грыцько.

Вы краще порадьте, якъ перебраться на той бикъ,—заробите таляра.

Хома.

Можна.

Грыцько.

О?! безъ жартивъ?

Хома.

Далеби можна.

Грыцько.

Якъ же?

Хома.

А такъ. Я рыбалка: и човенъ у мене, и ситка пры мені. Отъ мы у-вечери на Днипръ и гайда рыбу ловить.

Грыцько.

Такъ, кажутъ, и на тимъ боци теперь не пускають.

Хома.

А, що тамъ не пускають? Мы й сами пройдемъ. То колы багато людей, то можна запырмытыть гуртъ и не пустыть; а якъ ты встерешь одного чы й трьохъ? Не буде жъ варта и день, и ничъ стрпчкою стоять по-надъ Днипромъ.

Грыцько.

Це правда. Такъ згода?

Хома.

Згода. Я й самъ тикаю. Тильки отъ моя умова.

Грыцько.

Кажить—яка?

Хома.

Таляра я не хочу.

Грыцько.

Дамъ два.

Хома.

Ни, и двоухъ не визьму, а ты повиненъ на тимъ боци знайти мени таку дивку, щобъ пишла за мене замижъ и щобъ кохала.

Грыцько.

Можна! Вы ще молоди и, здається, не калика, то й двоухъ знайду.

Хома.

Я не магометяка—на що мени дви? Дви загрызуть, а здвохъ я выберу одну... Коли жъ не знайдешъ ни одной, то мусышь за мною слидкомъ ходыть и лаяться цилый день погы не оженюся.

Грыцько.

А бытъ же васъ можна?

Хома.

Якъ подужаешъ, то чомъ же! Тильки не дуже бый, щобъ не покалычывъ.

Грыцько.

Ну, дядку, гараздъ! Жарты жартами, а дило диломъ. Скажите навспражки, перевозете?

Хома.

Кажу жъ тобі, що й самъ ціен ночи тикаю, а ты мени принавъ до серця, то хочъ бы тамъ що, а переправлю.

Грыцько.

Слушайте, шынкарко! Дозвольте намъ стару матирь привесты сюды, щобъ пересидилы до вечера, погы настане часъ.

Рывка.

Заходьте. Якъ довго будете сыдять, займать мисце, то заплатите 2 злоты.

Грыцько.

Заплатю. А вы, дядьку, сюды приходьте надь вечерь. Безь жартивь кажу— я й жинку вамь достану на тимь боци, и грошей дамь, бо я, бачыте, боюся, щобь часомь маты ще туть не померлы, а вь нась же тамь хазяйство и старый батько жде й тривожаться за нами. Мы хазаины давни, й побачыте, якь вамь буде добре у нась... а женимо вась, то й хату вамь збудуемо.

Хома.

Будь певень, надь вечерь зайду сюды. Хома не збреше: що скаже, те й зроби!

Грыцько.

И я такый: закладь до рукь дамь, що не збрешу!

Хома.

Вирю! Я бачу, що ты хорошего роду. Пиду жь я, бо мени треба розпрощатысь— мы туть близьенько гуляемо зь товаришамы. Отеперь, Одарко, и я знайду соби жинку— свать у мене промитный, а тебе визьмуть магометякы, побачышь! *(выйшовъ)*.

Я В А Х.

Грыцько и Рывка, а потимь Борохъ.

Грыцько.

Вы жь, титко, не гнивайтесь, колы часомь маты будуть стогнать.

Рывка.

Давайте ще злота, и нехай стогне.

Грыцько.

Спасыби вамъ. Натѣ жъ вамъ гроши (дае). А попойнысты у васъ знайдеться що-небудь?

Рывка.

Есть хлибъ, смажена рыба е.

Грыцько.

Отъ и гараздъ. А то на двори сыла людей, нема де спокійно прымостыты хвору (входе Борохъ). Такъ я зараздъ (вийшовъ).

Рывка.

Ну, що тамъ робыться?

Борохъ.

Гвалтъ стоить: старшына велыть, щобъ верталыся на свои осели, а запорожци пидмовляють, щобъ не слухалы. Де-хто вернувся, а пидъ возамы сыдыть сыла людей—полуднують.

Рывка.

А чомъ же воны горилки не купують?

Борохъ.

Мабуть, имъ не до горилки.

Рывка.

Накупылысь певно у проклатого Лейбы, бодай його пархы осилы! Ну, що жъ ты бачывъ тамъ?

Борохъ.

Кажу жъ тобі—гармыдерь тай годи!
И б'ються, и сміються, и плачуть, и тан-
цюють—цилий ярмарокъ! А дивчать ни
одной не бачывъ, сами бабы.

Рывка.

А Янкель де?

Борохъ.

Литае на кони то сюды, то туды!
Винь—якъ скаженный запорожець. Я його
боюся! *(Входе Грыцько, Зинько и Гандзя пов'язана плат-
комъ и по очинку, и пидъ бороду, такъ що лице зовсимъ
закрите; ии ведуть пидъ руки, вона стогне).*

Я В А ХІ.

Ти жъ, Грыцько, Зинько и Гандзя.

Зинько *(тыхо)*.

Нема никого. Отуть ажъ спочынемо.
Не забувай же, Гандзю, що ты и хвора, и
стара *(голосно)*. Сидайте отуть, матусю, въ
куточку!

Грыцько.

Ни, до столу веды, може воны йисты
хотять, бо я хочу. Спасыби, шынкарка
обищала дать хлиба й рыбы. *(Ведуть Гандзю за
стило)*. Давайте жъ намъ, шынкарко, попойсты.

Рывка.

Дайте злотъ, бо якъ часомъ людей
наб'ється багато, то я забуду, що кому
давала.

Грыцько *(дае)*.

Нате.

Гандзя *(за столомъ до Зинька)*.

Мени такъ душно, що я умливаю.

Зинько. *(тыхо)*.

Терпы, голубко!

Гандзя.

Хочъ бы зъ лоба платокъ зняты, бо ій-Богу зомлію.

Грыцько.

Не можна, люба матусю, бо не дай Богъ продме, то ще гірше голова болитыме.

Гандзя.

Ой, Боже мій, що жъ то буде, якъ я зомлію.

Грыцько *(тыхо)*.

Тоди вынесемо на витеръ, а якъ розбутаешся, заразы пизнають, бо Гандзю певно скрызъ шукають.

Зинько.

Може бъ на витеръ вынесты матусю, бо щось імъ млосно въ хати.

Грыцько.

Шынкарко! Чы нема у васъ хливця якого, або ванькирыка? Мы бъ соби тамъ мисце знайшлы, а то матери душно въ хати.

Рывка.

То нехай роздягнетъся.

Грыцько.

Не можна: зубы сыльно боляць и голова.

Рывка.

Есть повитка, але тамъ скоро коней поставлять.

Гандзя (до Зинька).

Покры коней нема, я бѣ тамъ развѣзалася, може жѣ хочѣ трохи лекше мени буде.

Грыцько (до Бороха).

Ты тутешній.

Борохъ.

Тутешній.

Грыцько (до Рывки).

То нехай винъ насъ проведе шцѣ повитку, покы ще коней нема.

Рывка.

Дайте ще 10 шагивъ, бо то окремене мисце; може бѣ хто коней поставивъ, а вы тамъ будете сыдѣть.

Грыцько (дае).

Нате.

Рывка (до Бороха).

Поведы ихъ у повитку. Нехай тамъ сидѣть, де стоить бида и повозка. А якъ будете сино шцѣ себе стелыть, то дасте ще 5 шагивъ.

Грыцько.

Якъ будемо, то дамо. Ходимъ, матусю.
Зинько и Грыцько берутъ Гандзю пидъ руки й выводятъ
з-за столу. Входятъ Уласъ, Явтухъ и Янкель.

Я В А XII.

Ти жъ, Уласъ, Явтухъ и Янкель.

Уласъ.

Ніякого слиду: и арабы, и Гандзя—
якъ у воду канулы!

Гандзя.

Ой!.. Чувъ?

Грыцько.

Це насъ шукають.

Гандзя.

Ходимъ мерщій, покы не пизналы.

Грыцько.

Не можна жъ бигты,—удавай хвору.

Янкель.

Проскочылы ранише на той бикъ.

Уласъ.

Грыцько!

Зинько (*про себе*).

Уласъ и Явтухъ! пропалы!

Грыцько.

Якый тамъ у бисового батька Грыцько!
Видчепысь, я тебе у-перше бачу... Тутъ

ось ледви дыха маты, а винъ дорогу заступае.
Зійды зъ дороги, намъ треба вывесты
хвору на повітря, бачъ задыхається!

Уласъ.

Стій.

Зинько.

Геть зъ дороги! *(Штовгає такъ, що Уласъ
поточився).*

Явтухъ *(Стає на дверяхъ и выйма шаблю).*

Борохъ.

Уй!

Янкель.

Цыть! Бижы заразъ до полковныка
Грыцька Дорошенка,—винъ на могыли,—
скажи йому, що Гандзя тутъ! *(Борохъ пишовъ).*

Грыцько *(до Явтуха).*

Одійды видъ дверей!

Явтухъ.

Стій, рубатыму! Вы насъ обпоплы
чымсь, украли трьохъ арабивъ въ Дымери,
а мы за васъ въ одвити передъ паномъ!

Грыцько.

Брешышь, якъ собака! Мы зроду въ
Дымери не булы и тебе першый разъ
бачымо.

Уласъ *(выймає шаблю и стає на порози).*

Не пустымо! Це Гандзя зъ вами.

Гандзя.

Ой, умливаю.

Грыцько *(выхоплюе зъ-пидъ полы пистоль)*.

Не доводьте до гриха, пустить, — маты умирае.

Янкель.

Чуете, на що вамъ ця суперечка? Розвяжить матирь, нехай подывляться, що стара баба, тоди побачуть, що вони помыляються.

Зинько *(Заступае Гандзю и выхоплюе нижъ)*.

Пропустить матусю на витерь! Уб'ю першого, хто шляхъ заступе! *(Бере Гандзю за руку)*. Ходимъ.

Грыцько.

Стій, брате! И мы уб'емъ, и насъ уб'ють! Осъ люде нехай розсудять. *(Бижить до вихна и крычитьъ въ кватирку)*. Гвалть, рятуйте, рятуйте, хто въ Бога вируе!

Я В А XIII.

Ти жъ и всяки люде. Люде одынь по другому пидбавляються, потимъ на реплику „розвязуйся, Гандзю“ вбигае Хома. Тымъ часомъ поky люде входятъ въ корчму.

Грыцько *(до Гандзи и Зинька)*.

Ничого не поможе. Треба Гандзю людамъ показати и просыть, щобъ заступылысь. *(Зинько и Грыцько садовлять Гандзю на лави, заступаючи ии собою)*. Розвязуйся, Гандзю! *(Гандзя по малу розвязується. Вбигае Хома и зъ нымъ ще люде)*.

Хома.

Що за гвалть, въ чимъ тутъ дило?

Ти, що зъ Хомою увійшли.

Татары чы туркы кого грабують?

Улась.

Ни, тутъ вси свои люде! Піймалы злодїивъ, що трьохъ арабськихъ коней дорогыхъ у нашого полковныка укралы.

Грыцько.

Гей, люде добри, заступиться! Передъ громадою брехать не буду, якъ передъ Богомъ правду вамъ скажу. *(Бере за руку Гандзю, котра же розвязалась, и выводе передъ люде).* Ось, гляньте, це моя ридна сестра, а його молода.

Вси.

Яка жъ хороша.

Янкель *(до Рывки).*

Я зразу догадався, що це Гандзя, и пославъ Бороха за гетьмановымъ братомъ Грыцькомъ.

Грыцько.

Мою сестру, Гандзю, выкралы зъ дому якисъ харцызы. Гетьманъ хотивъ ии султанови послать, а полковныкъ Пыво зъ польського Дымера укравъ ии у гетьмана; а мы зъ нымъ вдвохъ выкралы видъ пана, и щобъ утикты, взяли панськихъ коней, але вони въ пути

подохлы, бо мы сыльно утикалы. А ци люде (показуе на Уласа й Ястуха), панськи слугы, гналыся за нами, пизналы тутъ и хочуть отнять назадъ сестру, щобъ панови въ гостынець повезты. Рятуйте, люде добри! Нехай татары крадутъ сыломиць дивчатъ, а тутъ соромъ буде всимъ, колы ридну мою сестру, а його молоду зъ вашого прымусу виддамо панови зъ Дымера на потиху.

Хома.

Не виддамо! Геть пишлы, харцызы!

Вси.

Повбываемо, якъ собакъ!

Хома.

Мало того, що магометякы похапалы въ ясырь усихъ дивчатъ, та ще й сами будемо однимать у молодого молоду, у брата сестру, у матери дытыну? Не попустымо сього!

Вси.

Не попустымо!

Уласъ.

Люде добри, опам'ятайтесь! На вищо намъ дивка? намъ дивкы не треба—воны коней покралы, а мы за тыхъ коней въ одвити будемо.

Грыцько.

Не слушайте ихъ, чесна громада! Мы не злодін, коней мы не кралы—прысягаемо!

А вызволяючы сестру зъ неволи панськой, для того, щобъ утикты, взялы на стани панськыхъ коней! Такъ за це жъ и Богъ, и законъ, и люде простять! Колы душу чоловічу рятують, то хто жъ скотыну пожаліе!.. Тикалы мы на панськыхъ коняхъ прудко й загналы ихъ, втикаючы, — воны подохлы!

Хома.

Чортъ ихъ поберы, абы душу хрыстыянську зъ неволи вызволыты! Не бійтесъ, мы не дамо ни васъ, ни дивкы.

Вси.

Не дамо!

Хома.

Берить сестру, ходимъ до Днипра: вы зъ того боку, васъ пропустять, и я перевезу. Ходимъ уси, щобъ заступытысь, колы треба, а по дорози ще зачепымо людей!

Одынъ изъ гурту.

Ходимъ, ходимъ! Не дамо харцызамъ знущатысь надъ людьмы!

Вси.

Ходимъ! *(вбшае Борохъ)*.

Я В А XIV.

Ти жъ и Борохъ, а потимъ полковныкъ Грыцько Дорошенко зъ серденятамы.

Борохъ.

Панъ полковныкъ Грыцько сюды йде.
(Середъ народа) «Гетьманивъ братъ», «Грыцько

Дорошенко», «Полковныкъ». *Входе Грыцько зъ сердяятамы—вси розступаються).*

Грыцько Дорошенко.

Добрыдень, братове!

Хома *(а за нымъ 'други, кланяючысь.)*

Доброго здоров'я, пане полковныку.

Зинько.

Отеперь пропалы!

Грыцько.

Сестро, заступайся сама за себе, тоби зручнише.

Грыцько Дорошенко.

О, Гандзя! Здорова, рыбка! Що жъ це ты задумала тикаты видъ дядька зъ гультакамы?

Гандзя.

Видъ якого дядька я тикала?

Грыцько Дорошенко.

Бачъ, до чого дурный розумъ доводитъ! То я тоби уже не дядько?

Гандзя.

Я васъ першый разъ бачу!

Грыцько Дорошенко.

Отъ яке зиллячко выкохавъ! Ничого, добра дивчынка!... А хто тутъ зъ нею ути-кавъ и хто гнався?

Янкель.

Отцей, отцей, отцей и отцей?

Грыцько Дорошенко *(до сердца)*.

А берить ихъ всихъ у Чыгрынь, нехай самъ гетьманъ дило це розсудить!

Гандзя.

Все брехня! Рятуйте, люде добри! Мене до турка одислать хотять султанови на подарунокъ.

Хома.

На жъ тоби! Племенныцю—султанови даруе.

Грыцько Дорошенко.

Яке верзе лукава дивка! Дума, що такъ їй и повирять. Ачъ, якъ распаскудылась! Ведить їи и всихъ до гетьмана на судъ.

Хома.

Що жъ, колы гетьманъ розсудить, то намъ ничого вплутуватысь... та ще й ридня—племенныця!...

Вси.

А такъ.

Гандзя *(обнимае Грыцька)*.

Братуку! *(обнимае Зинька)*. Мылый! Прощайте!... Краще бъ мени було у пана зоставатысь—нижъ до султана йты въ гаремъ.

Зинько.

Не дамъ своей мылои на поталу, не дамъ! *(Обнима Гандзю и держитъ ниже въ рукахъ).*

Грыцько Дорошенко *(морщувъ сердечкамъ).*

Що це ты, хлопче, здуривъ чы що?! Подумай, що ты робышь: ты протывъ гетьмана идешъ! Та за це гетьманъ мае право смертію тебе скараты! *(одинъ зъ сердечкы хватаетъ Зинька за руки, той выпускаетъ Гандзю, и оточають, а Зинька в'яжуть).* Бачъ, який! На гетьмана ножа пиднявъ! Ведить ихъ у Чигрынъ, а Гандзю посадить у мій рыдванъ. *(Выходитъ, за нимъ Янкель и Борохъ).*

Гандзя.

Прощай, мыльй! прощай, брате!... Въ гареми у султана краса моя зав'яне и посичеться русая коса! Чуе мое сердце, що я ни васъ, ни матинкы, ни Украины—во вику не побачу!

Грыцько.

Сестро, не тужы! Однялы тебе видъ ляха мы, то не попустымо, щобъ ты поне-вирялася у турка.

Зинько.

Хиба що смертію скарають!

ЗАВИСА.

Дія II.

У Ханенка въ уманськимъ замку.

ЯВА I.

Ханенко, Лобель и Пелехъ. Ханенко (зъ листомъ
въ рукахъ.)

Пелехъ.

Це такъ визирь пыше до пидканцлера
Речи Посполитой?..

Ханенко.

Еге.

Пелехъ.

Отъ невира, просты Господы! Якъ
зневажае короля и всю Ричь Посполиту!

Лобель.

А дали що?

Ханенко (читае).

Якъ вы можете личить украинський
народъ польскимъ, колы народъ цей скинувъ
зъ себе вашу власть и давно зъ вами воюе?
Покирни прозбы козакивъ уважывъ вели-
кый падышахъ и прынявъ народъ цей пидъ
свою опіку. Намъ Богъ велить творыты
мылость усимъ, хто просытсья до насъ въ
господу. И отъ великый падышахъ пославъ
свои вйськови сылы, котрыхъ—якъ зирь
на неби, ослобонить украинський народъ.
А чымъ вйна скинчытсья—це у Божій

воли! Знайте, що великый, неодолимый падышахъ, мій мылостывый повелытель, выступае зъ Адрианополя 8 сефера.

Лобель.

О, то вже давно выступывъ. Сеферъ — це май.

Ханенко.

Изъ лыста пидканцлера Ольшевського я бачу, що туркы, об'явившы війну Речи Посполитій, 25 мая переправылысь черезъ Дунай биля Исаки и певно вже дійшлы ажъ до Днистра.

Лобель.

Потеряна для Речи Посполитои Украина й Подоль: мы не готови до великои війны! Бачу я, що туроць запануе тутъ!

Пелехъ.

Не дижде, просты Господы!

Ханенко.

Всьому выною заблудша вивця Дорошенко, — винъ хоче всю Украину прыбрать до рукъ своихъ и виддаты їи туркамъ!

Пелехъ.

Сказывся, просты Господы!

Ханенко.

Я війську запорожському прысягу давъ за виру й вольности стояты и оплаканную

отчизну, скільки Богъ помочи дасть, оборонять видь турка!... Пане отамане, готуйтесь у походъ. По наказу коронного гетьмана Собеського, мы выступымо завтра на Подоль, а пидь Ладыжиномъ з'єднаємось зъ Лужыцькымъ, щобъ не пустыты Дорошенка и татаръ з'еднатысь зъ туркамы!

Пелехъ.

Лужыцькый . тамъ ригиментарь?! Не по души мени, що на Подоли Лужыцькый буде керувать, якъ старший, просты Господы!

Ханенко.

Я меншымъ видь Лужыцького не буду тамъ.

Пелехъ.

Ну, то посварытесь, просты Господы, а це ще гирше!.. Пиду й роздамъ наказы ВСИМЪ (вийшовъ).

Я В А П.

Ханенко и Лобель потимъ Пыво-Запольський.

Лобель.

Дывуюся и я коронному гетьману: Лужыцькый надто запальный, а той, хто на війни керуе, повиненъ розумомъ бильшь жыть, нижъ кров'ю.

Ханенко.

Я буду тилькы те робыты, що самъ личытому корыснымъ.

Лобель:

Не буде едносты, а де іи нема—
звидтіль тика удача въ дили. (*Входе Пыво*).

Пыво.

Ясновельможному гетьману и бילוцир-
кивському коменданту - фылософу—чоломъ!
(*цилюються*).

Ханенко.

Дуже радъ бачыты полковныка, але
дывуюся тому не мало, що бачу въ Умани
його; я думавъ, що панъ уже въ турецькимъ
стани!

Пыво.

Чого такъ?

Лебель.

Здається жъ, панъ Болеславъ прысягу
давъ у Паволочи передъ сауломъ Шулякомъ
служыты Дорошенку?

Пыво.

Ха, ха, ха! Прысягу давъ! Чого теперъ
прысяга вартъ? Ниць! По трычи въ рикъ
навить хлопы прысягають: то турецькому
падышаху, то королю польському, и трычи въ
рикъ прысягу ту ламають... Въ часы такого
хыбного настрою й не збагнешь, якъ другъ
сьгоднішній—на завтра стане ворогомъ
твоимъ!

Лобель.

То панъ полковныкъ писля прысягы
служыты Дорошенку, раптомъ ставъ ворогомъ
його?

Пыво.

Такъ.

Ханенко.

Яка жь прычына? Цикаво знаты, й колы можна, то прошу повидать.

Пыво.

О, прычына надзвычайна!... Я вкравъ у Дорошенка прекрасну, якъ сама Украина, дивчыну Гандзю!...

Лобель.

Ха, ха, ха! То панъ Болеславъ однявъ у Дорошенка його коханку?

Пыво.

Коханый мій Лобелю, непоспешайте попередъ батька въ пекло!... Дорошенко готовъ вывъ Гандзю въ подарунокъ падышаху, а вона такъ мени прыпала до серця, що я и добувъ для себе! Чымъ же гиришь видъ султана я?

Лобель.

Ничымъ и справди! Панъ Болеславъ, якъ и султанъ живе на стани и въ гареми.

Пыво.

Старый, старый! А зважъ—на те жь ты фылософъ—шо кращого на свити е видъ гарныхъ коней и кобитъ?

Лобель.

Колы бь панъ не назвавъ фылософомъ мене, то може бь я и згодывся зь паномъ,

згадавши юніи свои лита! Але якъ фыло-софъ, соромлюся признать, що крацого нема на свити видъ гарныхъ коней и кобить.

Пыво.

А що жъ краце, коханий мій Лобелю.

Лобель.

Отчызна й лыцарська безъ плямы честь, коханий пане Болеславе!

Пыво.

Такъ!... Такъ!... Якъ не любить отчызну, колы вона такихъ кобить, якъ Гандзя, мае?!

Ханенко.

Пань полковныкъ аматоръ и вже колы винъ закохався, то певно Гандзя вартъ того...

Пыво.

Пане гетьмане! Та найкращій кинь арабъ не поривняется зъ Гандзею моею... О, всьому свиту треба бачыты таку красу, надъ котрою сама натура викамы працювала, щобъ людямъ показаты чудо своей творчосты!

Ханенко.

Хотивъ бы я побачыты таке чудо жиночой красы!

Пыво.

И гетьманъ... та що гетьманъ—туть дывного ничого бъ не було—а навить нашъ.

Фылософъ старый, якъ свить, Лобель, колыбъ побачывъ, закохався бъ у Гандзю!

Лобель.

Не ти лита!

Ханенко.

Та очи ти жъ zostалысь.

Лобель.

То правда: очи й мріи наши не старіють; але, кохане панство, я такъ багато переживъ, що й мои очи, й мои мрії погаслы, а кисткы просять спокою.

Ханенко.

Бо нема передъ очыма Гандзи! (*вси сміються*). Одначе, я признаюсь, що хочъ не бачывъ Гандзи, а вже, зъ оповидання панського, я въ ней закохався, и не малымъ здывованный, шо панъ полковныкъ такъ скоро вже натишився красюю Гандзи й покинувъ її саму въ Дымери.

Пыво.

О, мій любый гетьмане! Вона покинула мене: Гандзя втикла видъ мене!

Лобель.

Втикла?

Ханенко.

Дывно!.. Панъ полковныкъ и пры королівському навить двори бувъ бы перный

кавалеръ—и Гандзя уतिकла видь нього?
Якъ же це сталося?

Пыво.

Маючы надъ нею вси права, якъ надъ рабынею и бранкою моею, правамы тымы не тилькы не корыстувавсь, але й самъ рабомъ ставъ у рабыни: я хотивъ винчатысь зъ Гандзею, по згоди зъ її боку прыняты виру католыцьку... А покы що, якъ лыцарь до неї залыцявся, бажаючы коханя Гандзи заслужыты! Тымъ часомъ до мене на станю нанялысь хытриши видь самого чорта хлопы—родычи її—и дьявольськымъ лукавствомъ пройшы у замѣкъ, умовылыся зъ Гандзею и уतिकлы на моихъ трѣохъ арабахъ середъ билого дня и на моихъ очахъ!...

Ханенко.

Жаль мени, що пана полковныка, доброго вояку, хытришого видь самыхъ хытрыхъ, такъ хлопы ошукалы й однялы видь нього безцинный скарбъ!

Пыво.

И це ще не беда. Я въ слидъ пойихавъ бы за нымы, знайшовъ бы її ридь, давъ бы выкупу сто... двисти тысячъ таляривъ, и Гандзя все жъ такы була бъ моя жона! А то мое горе, що на переправи черезъ Днипръ Гандзю однявъ видь хлопивъ Дорошенко и одного изъ ныхъ, Зинька, навите

скаралы смертію за те, що на полковника Грыцька ножа піднявъ винъ!.. Теперъ я певень, що Гандзю знову пошлють до падышаха, а звидтіля їи вже не добудешъ.. И отъ зо всимъ полкомъ моимъ прыбувъ сюды, щобъ гетьману служыты. Прыймы мене, — въ таки часы тоби не буду дышній, — и дозволь заразъ же на чатахъ стать мижъ Чыгрыномъ и шлякомъ до турка. Я певень, що ще не пизно, и я перепыню мою кохану Гандзю на шляху до падышаха й одному їи назадъ; не будежъ панъ Дорошенко всимъ своимъ вѣйськомъ Гандзю чатуваты!

Ханенко.

Зъ охотою! Я дуже радъ таки підїизды маты, де въ голови стоить полковныкъ Пыво-Зацольськїй! Але повыненъ панови сказаты, для видомосты, що скрызъ розислани й видъ мене, й видъ Лужыцького з-пидъ Ладыжына и чаты, и підїизды, бо мы ждемо, що скоро тамъ з'явѣться орда татарська зъ Дорошенкомъ!

Пыво.

О, то ще краще! бо чымъ густѣши будутъ підїизды й чаты, тымъ бильше обережносты и певносты у тимъ, що Гандзя не проскоче мымо.

Ханенко.

И я самъ завтра выступаю до Ладыжына.

Пыво.

А я сьогодни, заразь до Сынюхы, а тамъ по-надъ Богомъ розкыну сить густую!

Ханенко.

Я знаю, що пану полковныку виднои тутъ вси лазы й перелазы бильше, нижь кому! Дуже, дуже радъ, що панъ злучається зо мною протывъ ворога мого, а теперь и панського, — протывъ Дорошенка!

Пыво.

То я заразь дамъ прыказъ погодуваты добре коней, оглядять гарматы, й рушу...
(*выходить*).

Я В А Ш.

Лобель и Ханенко, а потимъ Пелехъ.

Лобель.

Дывни, предывни творяться дила на свити! Хто бъ подумавъ: полковныкъ охочекомонного полка Пыво-Запольський, тыпичный шляхтычь Речи Посполитой—у якусь Гандзю закохався, и пидставля въ таку годину за ней головы людей всего своего полка!

Ханенко.

И свою!... Певно, Гандзя та чаривна, колы за ней такий колоть иде!

Лобель.

А певно! Жаль тилькы, що чары ти найкращымъ зъ насъ туманяте розумъ и

часто навить муживъ шановныхъ роблять
подибными до быдла!

Ханенко.

Старисть то говорыть, пане коменданте!
(входе Пелехъ).

Я В А І V,

Ти жъ и Пелехъ.

Пелехъ.

Наказы вси виддани, просты Господы!

Ханенко.

А зъ чать и видъ пидйиздивъ нема
вистей?

Пелехъ.

Нема. Чы правда то, що полковныкъ
Пыво, просты Господы, до насъ прыставъ?

Ханенко.

А що?

Пелехъ.

Зрадлывый винъ—я добре його знаю,
просты Господы! Служывъ Речи Посполитій,
пошарпавъ Кывъ, потимъ просывся въ
службу до Москвы, але його не прынялы;
тоди винъ прысягнувъ Дорошенкови, а те-
перь зъ нами буде воюваты протывъ До-
рошенка—просты Господы!

Ханенко.

Э, пане отамане, хто теперь держыть
прысягу? А Пыво мае вельку рацію, щобъ

воювать протывъ Дорошенка; намъ же це ковинька на руку, бо такого хытрого въ розвидкахъ вояка—другого не знайты.

Пелехъ.

Та воно правда, просты Господы! Тилькы гляды, ясный гетьмане, щобъ завтра винъ не зрадывъ намъ и не прыставъ до Дорошенка, просты Господы!

Ханенко.

Не таке дило. Дорошенко однявъ видь його гарну дивку, и Пыво помстою горыть до його.

Пелехъ.

Тьфу, просты Господы, за таке чорты батька зна що—прысягу поламавъ!

Ханенко.

Дуже гарна,—покохавъ, каже, до загыну.

Пелехъ.

Покохавъ до загыну? Ото просты Господы! А ще й вояка! (*выходе Богаченко.*)

Я В А V.

Тижъ и Богаченко.

Богаченко.

Добры-вечирь!

Ханенко.

Богаченко! Здоровъ, брате! Давно вернувся?

Богаченко.

Гилькы що.

Ханенко.

Ну, що жь нового бачылы, чы чулы—
роскажы.

Богаченко.

Піймалы велыку, мабуть, птыцю...

Лобель.

О?!

Ханенко.

Чы не самого Дорошенка?

Пелехъ.

Просты Господы!

Богаченко.

То надто за-багато. Дорошенко пиде и
зустрічь татарамъ и стринуться вони, якъ
кажуть, у степу, а потимъ вкупи на Л
дыжынъ пидуть.

Ханенко.

Цикави висти. Завтра й мы выступимъ
пидъ Ладыжынъ, де насъ Лужыцькый жде.

Пелехъ (*зитае*).

Просты Господы!

Ханенко.

А птыця жь твоя де?

Богаченко.

Ще у гнизди.

Ханенко.

Такъ ты жъ кажешъ, що піймавъ ии?

Богаченко.

Зъ гниздомъ!

Пелехъ.

Отъ, просты Господы, маруда!

Ханенко.

Ну, то давай сюды зъ гниздомъ!

Богаченко.

Не влизе въ хату.

Лобель.

Ха, ха, ха! А бодай тебе!

Пелехъ.

Годи дурощивъ, просты Господы, кажы дило!

Богаченко.

Дорошенкивци везлы рыдванъ, — султано-
нови на подарунокъ, кажуть...

Пелехъ.

А птыця жъ де, просты Господы?

Богаченко.

У рыдвани! (Ханенко и Лобель сміються).

Пелехъ.

А щобъ ты скысъ, просты Господы!...

Ханенко.

Ну годи, Петре, жартувать, ты вже насъ розсмишывъ! Веды сюды птыцю, а попереду скажы, що воно е.

Богаченко.

Ось заразъ побачыте сами *(вийшовъ)*.

Я В А VI.

Ти жъ безъ Богаченка, а потимъ винъ зъ Гандзею.

Пелехъ.

Ну, й надоивъ винъ мени зъ своїмы жартамы! Такъ бы, просты Господы, и тьопнувъ по голови!

Ханенко.

Жвавий козакъ.

Лобель.

Проноза и юморыста! Я його люблю. Якъ прыде въ Билу Церкву, то покы скаже, чого прыйихавъ, боки порвешъ видъ смиху! *(входе Богаченко)*.

Богаченко.

Тилькы цуръ, не сміятысь, ясне панство! *(До Пелеха)*. А вы, пане отамане, перше прыдивитесь, а потимъ вже, якъ слына покотыться, скажете: просты Господы!

Пелехъ.

Ты договорышся сьогодни, що я тебе угрю перначемъ, просты Господы!

Богаченко (у двери).

Панство просыть до господы, заходьте, заходьте! (Входе Гандзя, на ній чорна керя). Дозвольте васъ роздягнуть—туть теяло (скыдае зъ Гандзи керю. Гандзя зостається въ одежи одалиски. Пауза).

Богаченко.

Жаръ-птыця! (Ханенко зробывъ ступинь назадъ и не спускае очей зъ Гандзи).

Лобель.

Венера!

Пелехъ.

Тьфу! Просты Господы! (прудко иде до дверей).

Богаченко.

А що пане отамане?

Пелехъ.

Осудовысько! Голыхъ дивчатъ почавъ ловыть, просты Господы! (выйшовъ).

Богаченко.

Гарна птычка, тилькы мабудъ ним бо не вмие говорыть по нашому. Скилькя не допытувався—мовчала всю дорогу. І соромся жъ, панночко чы дивко, и скаж ясновельможному гетьману, колы уміе говорыть, хтò ты и звидкиля? (зеходе Пыво).

ЯВА VII.

Ти жъ и Пыво.

Пыво.

Готовъ хочъ и заразъ рушать въ походъ! [*Раптомъ, побачышы Гандзю, крикнувъ*]. Гандзя?!

Гандзя.

Мій пань!

Богаченко [*радисно*].

Заговорила! А я думавъ, що нима!

Пыво.

Гандзю! Рыбко, зирко ясна! Невже жъ не чула ты жиночымъ серцемъ, що я тебе кохаю? Чого жъ ты видъ мене утикла?

Гандзя.

Мій пане! Зъ Дымера я туды тикала, де Днипръ шырокий мые крутый берегъ, де шумъ веселый видъ вербъ густыхъ по гаю йде; де церковця, въ якій молилась щиро, биліе на прыгорку; де матинка моя за мною журыться и умлива! И отъ изъ рукъ коханого и брата ридного мене зла доля одняла и туркови послала на знущання; а теперъ стою я передъ вами, мовъ у ни!... Пане мій гарный! Пустить до матери мене на ридну сторону, дайте волю моему сердцю, не примусуйте мене кохаты ась, бо я кохаю вже давно всимъ серцемъ озака!

— Пыво.

Його скарала смертію.

Гандзя [закривши лице руками].

Боже мій! И все то черезъ мене... О, злая доле, за що жъ ты мене такъ тяжко покарала?... Мылого нема, и я въ неволи!..

Пыво.

Въ неволи ты була у мене, а кривды ты не знала.

Гандзя.

Сама неволя—кривда, пане!

Пыво.

Нехай и такъ! Але я тебе кохаю, и никто во вѣкъ кохать тебе не буде такъ, якъ я! Я—вильный шляхтычъ, зо мною будешъ вильна й ты, якъ птахъ у гаю!... Я всю тебе у золото вберу! Пойдемъ заразъ у Дымеръ и повинчаемось зъ тобою!

Ханенко.

Ни, пане полковнику! Не у Дымеръ поїде Гандзя, а въ крипость Билу Церкву, де панъ Лобель ии догляне, помы я повернуся зъ походу, а потимъ самъ я Гандзю одвезу туды, де церковця биліе на прыгорку, де маты жде свое дытя.

Гандзя (стае навколмишки передъ Ханенкомъ).

Батьку мій, гетьмане нашъ любый, спасыби тоби, що ты заступаешся за мене.

Ханенко *(обертається до дверей)*.

Палажко!.. Встань и не тривожь свое дивоче, сердце. Тоби тутъ буде такъ, мовъ бы у ненькы спочываешъ *(входить баба)*. Проведить въ покои панну, нагодуйте и нехай спочыне.

Гандзя.

Пидь опикою ридного гетьмана свого— я не тривожусь ни краплыны! О, радисть! Я знову вильна и повернусь у ридный край! *[вийшла, за нею баба]*.

Я В А VIII.

Ти жъ безъ Гандзи.

Пыво.

Ха, ха, ха! Ясновельможный гетьманъ жартуе, певно?

Ханенко.

Ни, пане полковныку—я не жартую. Гандзя не хоче йты до пана, а вона вильна козачка, то й буде вильною!.. Колы жъ маты и вона, по нашому звычайу, видь мене приймутъ старостивъ, то стане жинкою моею.

Пыво.

Ну—у!.. Ха, ха! Я не вирю! То бь-то гетьманъ закохався самъ у Гандзю и одна видь мене мою наречену?

Ханенко.

Гей, вартови! *(входят озброени вартови)*. Станьте тутъ... *(до Богаченка)*. Петро! ^{зед} вельы,

щобъ серденята мои зъ гарматамы стали протывъ полка пана полковныка, бо полковныкъ надто пальоный, щобъ шелесту винъ тутъ не наробывъ.

Богаченко.

А я зъ своїмы тутъ на поготови.

Ханенко.

Отаманови скажы про це, щобъ знавъ. (*Богаченко выйшовъ*). Теперь панъ бачыть певно, що я не жартую и що жыття мое скорше визьме панъ, нижъ Гандзю я йому видамъ!

Я В А IX.

Ти жъ безъ Богаченка.

Пыво.

Чы гримъ мене ударывъ и я замеръ, чы сплю и сонъ мени страшный прыснывся—не зрозумію!.. (*оглядається*). Ни, я не сплю, а тилькы чую, що гетьманъ зъ мене живого выйнявъ сердце!.. Не сподивався я никола, щобъ гетьманъ такъ знущався надо мною, звязавшы мени руки! Пане Лобелю, пане фылософе, розсуды, невже по-лыцарськы панъ гетьманъ робе?

Лобель.

Такъ! По-лыцарськы, якъ гетьман ! Гандзя, якъ чулы мы, не кохала и е кохае пана полковныка, а панъ прымуси е

и́и бу́ть католычко́ю и жинко́ю його. Не змы́ть бы гетьманови́ сорому́ зъ своеи́ головы́ во ви́кы, якъ бы ви́нъ самъ, власны́мы рукамы́, пры́мусомъ ви́ддавъ Гандзю́ полковны́кови польсько́му (*входе Пелехъ*).

ЯВА Х.

Ти жъ и Пелехъ.

Пелехъ.

Два полкы́ уже озброени́ стоять!.. Невже́ це́ черезъ ту дивку́ пиднявса́ колоть, просты́ Господы́?!

Пыво.

Ясновельможный́ гетьмане! Я ви́къ тоби́ служыты́ буду—верны́ мени́ мою́ ты́ душу, ви́дай кохану́ Гандзю́!

Ханенко.

Я Гандзи́ пану́ не ви́ддамъ!

Пыво.

Я пры́иму та́ки умо́вы, я́ки панъ́ гетьманъ́ схоче... Все, все, що́ гетьманъ́ скаже́—я зроби́ю, абы́ Гандзя́ була́ моею́!

Ханенко.

Вона́—моя́!

Пыво.

А-а-а!.. Прокля́ття!.. Ты́ вырвавъ́ зъ мене́ се́рце й́ душу—зате́жь и воро́га, лю-

тишого, ніжъ сатана самъ, придбавъ собі на вику! Прощай! Тилькы черезъ те, що сыла на твоимъ боци—мушу здаться (*вмишувъ*).

Пелехъ.

Отъ якъ вы вси любите отчизну!.. Ще добре, що панъ хочъ и сердытый, та не дужый, а то війна бъ распочалась не на Подоли зъ туркомъ, а въ Умани. Украина погыба, вони жъ готови кровь за дивку проливать! Тьфу, просты Господы!..

ЗАВИСА.

Дія III.

Въ Билоцеркивськимъ замку. Мешкання коменданта.

Я В А І.

Лобель сыдыть за пысьменнымъ столомъ, чыта лыста; Жозефина за другимъ столомъ розкладае пасьянсь. Писля довгои паузы.

Лобель (*встае и ходе по хати, потимъ нид-
с ходе до Жозефины*).

Не выходыть?

Жозефина.

На перешкоди стоить трефовый король.

Лобель.

Отъ бестія! *(ходять)*.

Жозефина *(змишавшы карты)*.

Знаешъ, Жакъ, хто мени прыйшовъ
на пам'ять заразъ?

Лобель *(ходять)*.

Скажы, мій другъ!

Жозефина.

Гандзя!

Лобель.

Венера?

Жозефина.

Старый!..

Лобель.

Ха, ха, ха!

Жозефина.

Отъ третій мисяць вже мывувъ, якъ
їи взяли видъ насъ изъ крепосты, а я не
можу прымырытысь зъ такымъ фактомъ
прымусу.

Лобель *(сидеє била Жозефины)*.

Нещасна Гандзя! Я думавъ, що геть-
манъ Ханенко справди одведе їи до ма-
тери, и радисно прынявъ Гандзю у кри-
пость пидъ свою опіку.

Жозефина.

А я полюбыла їи, якъ дочку!

Лобель.

И на тоби!.. Ханенко подарувавъ
Гандзю полковныкови Пыво! Подарувавъ,
коня! Фи! Невже у нього нема серця?

Жозефина.

Я краще думала про нього! А якъ
Гандзя плакала, прощаючысь зо мною!
Якъ не хотила йихаты въ Дымерь!...

Лобель.

Нещасня Гандзя! Жыття ии руйнують,
якъ увесь край!

Жозефина.

Одно мене мырыть зъ сымъ фактомъ:
надзвычайна любовь Пыво до Гандзи; а колы
полковныкъ зъ нею повинчається—вона
буде щаслива! Такой кавалеръ, якъ Пыво,
заставыть забуты все!

Лобель.

Стара!....

Жозефина.

Ха, ха, ха!

Лобель.

Все забуде Гандзя, все—то правда:
роскоши псують людей! Жаль тилькы, що
натуральну и чесну душею людыну, якыхъ
мало—зопсують! (*Жозефина разклада карты. Лобель
ходе по хати. Мовчать.*)

Жозефина (*по паузи*).

А видъ коронного гетьмана нема ничего?

Лобель.

Нема...

Жозефина.

Я думаю, що Собеський буде просить тебе зостатись въ Билій Церкві.

Лобель.

Не можуть же вони оставлять мене тутъ комендантомъ, коли я самъ не хочу... Тай не таки теперъ политични обставыны Речи Посполитої, щобъ вона могла удержать за собою Билу Церкву. Каменецъ здався давно...

Жозефина.

Храбрый мій товаришъ не здавъ бы легко такъ Билої Церквы, якъ вони Каменецъ здали!

Лобель.

Непрыступну крипость! А!.. Постаривъ я, руиною вже ставъ, а кровь моя кыпыть, коли подумаю, яки умовы Ричъ Посполита прыняла! Не ждавъ сього николи я: Подоль досталась туркамъ и вся правобережна Украина, по Буджацькому договору, въ давнихъ її межахъ переходить козакамъ; польське військо повинно вийты зъ Билоцерквивської крипосты, оставившы тутъ гарматы и вси прыпасы боеви!

Жозефина.

А хто жъ тебе прымусить крипость здать?

Лобель.

Дорошенко й заразь пыше, щобъ я
выповнивъ Буджацькый договоръ и крепость
Билу Церкву йому здавъ!

Жозефина.

И ты здасы?

Лобель.

Я не выйду зъ крепосты, погы не
одберу наказу видъ короля; а щобъ Доросенко
знавъ, що сылы маю тутъ держатысь—
пославъ тры хоругвы розигнать залогы.
Дорошенка, що поблызу стоять у
городкахъ.

Жозефина.

Я свидокъ славной твоей службы, якъ
у Франціи, такъ и въ Польщи, и певна
въ тимъ, що чесный, старый рыцарь Жакъ
Лобель себе не осоромить! (*цилуе его въ лобъ*).

Лобель.

Такъ то такъ!.. Однече я жду, що на
дняхъ звелять мени здать крепость и хотивъ
бы ранише выйты зъ службы зовсимъ и
поселытсыя зъ тобою, дорога, на берегахъ
Рейна. Невелькыхъ нашихъ запасивъ стане
намъ прожыты тыхо, въ спокою, останни дни...

Жозефина.

Другъ души моеи, Жакъ! Куды зве-
лышь—усюды пиде за тобою твоя Жозефина
и буде всимъ задовольнена—якъ замо-

лоду, такъ и теперь! И сухари, размочени водою, будуть намъ смашни, бо слізъмы несчастныхъ не поливали мы своихъ достаткивъ!

Лобель (*цилуе їй руку*).

Ты ангель, Жозефино!.. А все жъ скажѹ тобі: болыть мое сердце, що я свого вирного товариша, за вси його заслугы, не зможу оточыть такимъ достаткомъ, якого винъ за 50 литъ вирной службы достоинъ!

Жозефина.

Жакъ! Не ображай мене! Не хочу я достаткивъ бильшихъ, нижъ мы маемъ. Я ношу чесне твое им'я,—це все для мене. Жозефина Лобель горда рыцарською славою свого мужа!

Лобель.

О, другъ мій! Слава—хымера, мрія! На зустрічь усьому йде забуття!

Жезефина.

О, тебе не забудуть!

Лобель.

Стара! Я самъ забудѹ про все, що я робивъ въ жытти; кому жъ буде охота пам'ятать про мене?

Жозефина.

А исторя?

Лобель.

Исторія тилькы для безсмертныхъ, та й тымъ пился смерты!

Жозефина.

Старый вередуе!... Я не люблю сього настрою!... Ты любывъ Польшу за ии вольности; теперь неудачи вольнолюбывой шляхты тебе прыгнитылы, и ты впавъ у тяжкый настрій!

Лобель (*ходить по хати*).

Я... змученый, розбитый! (*стае*). Шляхецьки вольности мене першъ чарувалы, нарешти—що жъ вытворыла та вольнисть? Подухалисть, зрадывисть, чвары и легкодухисть, а зъ ныхъ родывсь теперь Буджацькый договоръ зъ туркамы, и горда шляхта, потерявши Подоль и Украину, не мала навить сылы обороныты въ Каменци своихъ жинокъ и дочокъ: изъ Каменця позабиралы ихъ султанови й пашамъ въ гаремы!..

Жозефина.

Жакъ! Твій судъ несправедливый. Страшна, необорыма турецька сыла зъ одного боку, татарська орда й козаки зъ другого—нежданымъ нападомъ роздавылы вийськови сылы Речи Посполитои, и дывного нема ничего въ тимъ, що грубый варваръ забравъ гарныхъ польськыхъ кобитъ соби въ ясырь. Вынуватыхъ тутъ нема: це просто неудача

Лобель (*цилуе руки Жозефине*).

Правда твоя—я хворый, роздражненный
неудачамы старыкъ! [*входе вартовый*].

Я В А П.

Ти жъ и вартовый, а потимъ Богаченко.

Вартовый.

Видь гетьмана Ханенка—осауль про-
сыть дозволу бачыть вельможного пана ко-
менданта.

Лобель.

Пропустыть (*вартовый выходитъ*). Цикава.
Свижи новынкы будемъ маты.

Жозефина.

Ты мени ихъ роскажешъ. Я пиду по-
господарюю [*выходитъ. Зъ другихъ дверей входе Бога-
ченко*].

Богаченко.

Чоломъ хороброму коменданту пле геть-
манъ Ханенко и доброго здоров'я зычыть!

Лобель.

А, Богаченко!

Богаченко.

Я!.. Зостався цилый, бо добре утикавъ
з-пидь Четвертынкы!..

Лобель.

Ну—що, якъ?...

Богаченко.

Погано панъ пыше!...

Лобель.

Звидкиля жъ заразы?

Богаченко.

З-пидъ Дубна.

Лобель.

Хочъ децо знаю я, а все жъ такы жывого свидка послухаты бѣ хотилось. Якъ же з-пидъ Ладыжына вы опынылыся пидъ Дубномъ? Сидай!

Богаченко.

Охо-хо-хъ! Пидъ Четвертынкою, на Батогськимъ поли, намъ пыку набывъ Дорошенко зъ татарамы! А все черезъ скаже-ного Лужыцького. Покры винъ слухавъ нашого гетьмана, то мы поскублы добре татаръ, а якъ запалывся Лужыцькый удачею й погнався за татарамы, то з'юпалу ажъ за Богъ-рику перескочывъ тай попавъ у кильце! Отутъ дали йому чосу, и раптомъ насивъ тоди на насъ и Дорошенко зъ татарамы: ледви половина насъ зосталась и вид-ступылы ажъ пидъ Дубно. Звидсиль ввесь часъ мы нападады на татарськи загоны, що йдуть зъ ясыромъ из-пидъ Львова та ин-шихъ мистъ, и здобычъ одбывалы. Що про-пускавъ коронный гетьманъ Собеськый, то мы вже добывалы!

Лобель.

Добре хочъ вы хыжакивъ лупцювалы
й однималы въ ныхъ награблене добро.

Богаченко.

А людей тысячами погналы у полонъ
татары!...

Лобель.

Спустошылы ввесь край! Скоро тутъ
не останется живого духу... Руину зроби-
лы тамъ, де медомъ и молокомъ рики тек-
лы!... Що жъ панъ гетьманъ? Де винъ и
яки замиры мае?...

Богаченко.

Иде сюды, на Билу Церкву, зъ реш-
тою вирныхъ козакивъ. Теперь, якъ що
зосталося видъ усього вѣйска шоста часты-
на, то й добре.

Лобель.

Такъ чомъ же не въ Умань, а сюды
прямуе гетьманъ?

Богаченко.

Не знаю. Гетьманъ мовчыть, а Пелехъ,
просты Господы, зитхае.

Лобель.

Такъ старый рубака живой зостався?

Богаченко.

О, його ни спысь, ни куля не бере.
Пидъ Четвертынкою, колы змищалося въ

купу все, я свидкомъ бувъ, якъ дидъ руба. Татарынъ выстрелывъ, приклавшы йому пистоль до грудей, але куля татарська розплюснулася на мидній икони, що носыть на грудяхъ Пелехъ,— и винъ татарына на двое розрубавъ! Другый магометяка хотивъ проткнуты дида спысомъ у жывить, та попавъ спысомъ у пояса, що вчетверо зъ воловои сырыци зшытый,— и татарынъ зъ розгону впавъ зъ коня, застромывшы спыса въ землю, а Пелехъ у цей ментъ, якъ бритвою, одтявъ магометяци головешку— и промовывъ: просты Господы!

Лобель.

Знаменытый рубака!

Богаченко.

Эге!... Мова мовыться, а хлибъ йисться. Пане коменданте, гетьманъ наблыжається и колы прыструнчатъ коней, то скоро будутъ тутъ. Звелы, щобъ насъ впусылы въ крипость,— за тымъ я попереду прыйихавъ, щобъ комендантъ повирывъ, що свои, бо теперь пидъ стягомъ гетьмана Ханенка чого доброго пробереться въ крипость Дорошенко.

Лобель.

А такъ. Я заразъ дамъ прыказъ. Гей (*входе вартовой*). Скажы, колы наблызыться нашъ гетьманъ Ханенко зъ вйскомъ, нехай одчынять имъ ворота въ крипость (*вартовой выйшовъ*).

Богаченко.

А я пиду на зустрічъ (*вийшовъ*).

Я В А Ш.

Лобель и Жозефина, а потимъ Биленький
и Богаченко.

Лобель.

Жозефина! (*входе осаулъ Биленький*). Я заразъ побалакаю зъ тобою (*входе Жозефина*). Сьогодни у насъ буде обидать гетьманъ Ханенко зъ старшыною.

Жозефина.

Дуже рада. Цикаво менн знаты, якъ винъ выправдыться передъ нами за Гандзю, колы я його прыструнчу! Об'явувъ себе опікуномъ, бильше—нарикавъ себе женихомъ Гандзи, и такъ осоромився, якъ я й не ждала: подарувавъ Гандзю другому.

Лобель.

Тилькы ты не сразу нападай за Гандзю, у нього певно багато горя видъ неудачъ тяжкыхъ, яки прыйшлося пережить йому за часъ минулои вѣины. Балачка про Гандзю—на самый край розмовы.

Жозефина.

Я знайду часъ... Теперь пиду и заразъ обидь пидбавлю, щобъ нагодуваты добревсихъ, а ты задержышь ихъ у себе, покы я не скажу, що вже готово (*выгодить*).

Лобель (до Биленького).

Ну, якъ экспедыція твоя?

Биленький.

Спалывъ Семенивку и Хвастовъ, тай назадъ.

Лобель.

Гараздъ. А теперъ будемъ сыдять тыхо. Нехай Дорошенко зна, шо Била Церква не тилькы йому не здасться безъ прыказу видъ короля чы гетьмана, а навить буде вылазки робить и шкодыть Дорошенкови самому (входе Богаченко).

Богаченко.

Гетьманъ увійшовъ у крипость и заразъ буде тутъ.

Биленький.

Здоровъ, Петре!

Богаченко.

А, здоровъ, пане брате! (цылються).

Биленький.

Якъ ця маешъ?

Богаченко.

Тилькы що живый!...

Лобель.

Побалакаете потимъ, теперъ немає часу.

Биленький.

Добре. То я пиду дамъ ладъ своій хоругви и сюды, зъ дозвола пана коменданта.

Лобель.

Заходь, заходь! (*Биленький выйшовъ*). Ну, а Пелехъ же що тамъ?

Богаченко.

Винъ першъ удовольныть коней, потимъ козакивъ, а тоди-вже въ хату ввійде самъ! (*входе Ханенко и Грыцько*).

Я В А І V.

Ти жъ, Ханенко и Грыцько.

Ханенко (*кидається до Лобеля*).

Старый!...

Лобель.

Ясновельможному гетьману нызенький уклинь.

Ханенко (*обнимае Лобеля и цилуе, показуе; на Грыцька*).

Це новий мій осауль, ты ще його не бачывъ. Грыцько, братъ Гандзи нашои. Прыставъ до мого вйська винъ пидъ Ладыжыномъ, а лыцарськы, мы вчынками въ короткый часъ прославывсь такъ, що осаула заслужывъ.

Лобель (*цилується зъ Грыцькомъ*).

Витаю молодого лыцаря!

Грыцько.

Спасыби.

Ханенко.

Ну, якъ ця маешъ, старый?

Лобель.

Що я, тай уси мы—за стинамы крепосты й витру нема!.. А отъ якъ вы тамъ страждали—скажить!

Ханенко.

О, мій Лобелю! Що тамъ розказувать! Ты певно чувъ и самъ якымъ соромомъ покрылы мы себе! Певно, чытавъ и Буджацькый договоръ?

Лобель *(зитае)*.

Чытавъ!..

Ханенко.

То винъ розказавъ тобі усе!.. Я прысягавъ за вольности й за виру гречеську стояты й оплакану отчызну обороняты, а теперь отчызны нема! Нема... Колы бъ панъ комендантъ не въ крепости сыдивъ, а въ поли, якъ отъ мы, то винъ бы знавъ, що скрызъ пустыня стала. Людей живыхъ нема: одныхъ татары въ Крымъ погналы, други порозбигалыся сами, кругомъ—руина... Йидучы сюды, на 20 мыль не бачывъ я живого чоловіка; осели повалылысь, нывы порослы бур'янамы, а въ бур'янахъ биліють людськи кистякы... И сумно такъ, що страхъ якыйсь и невымовный жаль стыскае сердце. Вночи звирь вые, и сотни, тысячи пугачивъ въ покынутыхъ оселяхъ немовъ бы тужать! На всимъ моимъ пути сюды одынъ разъ радисно забылось сердце. Дывлюся,—меле млынъ...

Ну, думаю, побачу хочь одного чоловіка, роспытаю:—куды подились люде! Пидйизжаю... Гукаю—нихто не одклькається. Прыв'язавь коня до вырла, увійшовь у млынъ. Ступы товчуть, каминь такъ крутыться, що ажъ фурчыть, а зерна на камени и пшона въ ступахъ нема!.. Чупрына пиднялася до горы! Я выскочывь зъ млына, мовъ несамовытый, скочывь на коня й тикавь звидтиль, скилькы сылы кинь мій мавь. И довго ще не мигъ ніякъ втикты видь того порожнього млына: порожній млынъ за мною гнався, и я чувь довго ще, якъ у порожньому млыни товчуть порожни ступы й мелють порожній каминья!.. Ахъ, Лобелю, якъ все отце стыскае мое серце!

Лобель.

О, розумію, и самъ не краще себе почувую... Я вже давно напысавь коронному гетьману, щобъ мене зминылы. Ни для чого Билу Церкву стерегты въ пустыни!

Ханенко.

Такъ, такъ! И я йду звидсиль на Сичь. Тамъ селладу свои клейноды и передь військомъ запорожськымъ зречуся гетьманства, а потимъ повинчаюсь зъ Гандзею и буду жыть далеко десь видь всихъ військовыхъ справъ. Едыная утиха въ жытти моимъ засталась—Гандзя мыла! Повирышъ—ни брязкъ шабель, ни гукъ мушкетивь и гармать николы не выганялы зъ пам'яты моеи Гандзи.

Я нею тилькы й живь! Якъ же здоров'я
коханой моеи Гандзи?

Лобель.

Гандзи?!..

Ханенко.

Чого такъ, любый пане, ты чудно дывышся на мене? Чы не трапылось, бува, чого? И очи въ тебе перелякани... Говоры, що сталося?

Лобель.

Що жъ я тоби скажу? Якъ бы ты бувъ молодшый и не така значна особа, то я бь подумавъ, що ты глузуешъ надо мною!.. Але дывлюсь на тебе пыльно й бачу я, що ты правдыво все говорышь, мовъ и справди самъ не знаешъ ты ничего, що сталося зъ Гандзею твоею...

Грыцько.

Умерла?!

Лобель.

Що, смерть!.. Смерть — натуральна ричь, и я бь з'умивъ до ней прыготовыть васъ.

Ханенко.

Кажы, старый, мершый, не однимай послиднюю надю! Де Гандзя?

Лобель.

Полковныкъ Пыво взявъ.

Ханенко.

Що?!...

Грыцько.

Дыявольська лычына! Якъ взявъ?

Ханенко.

Стривай! Може я не дочувъ, може мени здалося?... Скажы ще разъ—де Гандзя?

Лобель.

Пыво взявъ.

Ханенко.

Пыво?! Якъ же ты осмилывся виддаты йому сокровыще души моеи? Я видавъ Гандзю пидъ твою опиду, якъ батькови ридному, я вирывъ тоби, якъ соби самому, и ты—Лобель, чесный рыцарь—такъ лукаво мени зрадывъ?!

Лобель.

Ясновельможный, не спишы мене ты докорять! Або жъ ты п'яный бувъ тоди, колы пысавъ мени лыста, або лыхи твои прыгоды виднялы у тебе пам'ять, и ты забувъ, що самъ мени пысавъ лыста, щобъ я видавъ полковныкови Гандзю? Мы плакалы зъ старою, одпускаючи ии изъ крепосты, и Ганнуся умливала видъ горя; але подумай—що змигъ зробыты я, колы ты самъ пысавъ: виддаты полковныкови Гандзю!

Ханенко.

Та нехай мени одсохнуть руки, колы за ввесь цей часъ я нымы бравъ церо! Нехай на викъ ослипну, колы я бачывъ каламарь!.. Де жъ лысть той—покажы!

Лобель.

Заразъ покажу (вийшовъ).

ЯВА V.

Ти жъ безъ Лобеля.

Богаченко.

Дыво!

Ханенко.

Грыцю! Ты жъ раз-у-разъ зо мною; въ однимъ намети мы жылы зъ тобою! Скажы, чы я пысавъ що-небудь за цей часъ?

Грыцько.

Зъ того часу, якъ я довидався, що нещасна Гандзя, сестра моя, покала пидъ твою опиду, и прыставъ до вѣйска—я не розлучавсь зъ тобою, гетьмане! Бачывъ, якъ ты шаблюю пысавъ по шыяхъ татарськихъ, а паперу я не бачывъ ни разу передъ тобою... Хиба ранише що пысавъ—не знаю...

Ханенко.

А перше жывъ зо мною Богаченко. Петре! Бачывъ ты, щобъ я пысавъ що-небудь за цей часъ?

Богаченко.

Ни разу не бачывъ *(входѣ Лобель)*.

ЯВА VI.

Ти жъ и Лобель.

Лобель *(зъ мystemъ въ рукахъ)*.

Глянь сюды. Хто це пысавъ?

Ханенко *(дывиться на мystemъ зо всихъ бокивъ)*.

Подпысь моя!

Лобель.

Чытай же.

Ханенко *(чытае)*.

„Коханый мій, старый Лобелю! Якъ мени не тяжко, але я мусю зрэктыся Гандзи и виддаты іи полковныкови Пыво. Цей вражый сынъ, бодай чорты взяли його и його батька, хытришый видъ самого чорта: винъ пидлабузнывся до короннаго гетьмана Собеського, зробывъ йому дви-тры услуги, и той пообищавъ зробыты и для нього все, объ чимъ попросыть. Тутъ Пыво ставъ просыты Гандзю, и коронный гетьманъ, цилуючы мене, молывъ уважить його прозьбу—виддаты Гандзю Пыво, якъ його молоду, на котрій винъ хоче женыться! И я не мигъ ніякъ одмовыть такій особи, якъ коронный гетьманъ, и мусивъ виддаты Гандзю ворогу моему... Прошу тебе, старый, выряды іи заразъ въ Дымеръ у моимъ новимъ кочи, моимы чотырма сиремы жеребцямы. И кочь, и коней дарую Гандзи на спомынь, якъ знатній пани. Скажы Гандзи, що мени тяжко це зробыть, але полытычни обставыны мене прымусылы до сього. Твій сердечный прыятель гетьманъ Ханенко“ *(Говоре)* Хто жъ це пысавъ?

Лобель.

Ты.

Ханенко.

Я не пысавъ.

Лобель.

А литеры жь чьи?

Ханенко *(зновь оглядає лысть)*.

Мои.

Богаченко.

Щось у мене наворачнулося на пам'ять чудне, й мени здається, що воно має звязокъ зъ твоимъ лыстомъ до Лобеля.

Ханенко.

Що жь таке, кажы!

Богаченко.

Колы мене ты посылавъ до короного гетьмана Собесьького, я бачывъ тамъ полковныка Пыво; винъ закликавъ мене до себе, показувавъ мени лыста й пытавъ: хто це пысавъ? Я глянувъ и сказавъ: гетьманъ нашъ Ханенко. Тоди винъ обернувся до якогось чужоземця, балакавъ зъ нымъ на незнайомій мени мови й поцилувавъ його!...

Лобель.

Такъ и е!... Пысавъ ты, гетьмане, лысты до Пыва колы-небудь перше?

Ханенко.

Пысавъ, не разъ.

Лобель.

Теперь я розумію. Пыво заплатывъ велыки гроши знатному майстру, яки е за кордономъ и въ Варшави, и той пидробывъ пидпысь пидъ твою руку... *(входе Пелехъ)*.

Ханенко.

Такъ... такъ! Дьявольське діло! (Сидя на каміньку й, обхопивши голову руками, сидить, обперши локті на коліна; коло нього стоить Грыцько.

Я В А VII.

Ти жь и Пелехъ.

Пелехъ [до Лобеля].

Здоровъ, старый (Цилується). И ты ще живый, просты Господы! И я, якъ бачышь, цилый зверху, а въ середины, просты Господы, почавъ видъ горя гныть!

Лобель.

Панъ отаманъ выкованый зъ миди— його не одоліе ніяке лыхо.

Пелехъ.

Одолило! Порубаный, голубе, дуже! Подывывся бь ты на мое тило: рубецъ на рубцеви, мовъ старцева сорочка, просты Господы! Отце пидмовывъ гетьмана тикать на Сичь,—чого намъ колотыться въ цій пустыни? Спасыби, що послухавъ, и ось мы спочынемо у Билій Церкви, та на Кывивъ и зъ дозволу московського уряду майнемъ тымъ бокомъ Днипра на Сичь. Тамъ скыну отцю дружыну—шаблю, и на спочывокъ! Годи гвалтуваты, просты Господы!

Ханенко (раптожъ пиднимається, и до всихъ палено).

Колы у мене хытрощамы Гандзю однялы, то й я маю право сылою одняты мою Гандзю у харцыза!

Пелехъ.

О! Знову щось про дивку, просты Господы! Мало лыха, такъ ще Гандзи заманулось?

Ханенко.

Батьку! Подумай—яка образа! Пыво выкравъ зъ крпосты мою наречену, Гандзю.

Пелехъ.

Мытець, хвалю за вдачу! А за дивку вражому сынови давъ бы кыивъ зъ сотню, щобъ не возывсь зъ бабамы.

Ханенко.

Теперь пойдемо, панове, въ Кыивъ просыть дозволу; а якъ дозвиль дадутъ намъ перебраться тымъ бокомъ на Сичъ,—тоди мы розпрощаемось на викъ зъ Ляхамы, и намъ вже будутъ не страшни ни коронный гетьманъ, ни Посполита Ричъ, ни самъ король! Мы—запорожци! И перше, нижъ на Сичъ, повернемо на Дымеръ, до Пыва въ гости, однимемъ Гандзю въ нього, и тоди на Сичъ.

Грыцько.

Йидемо,—я въ Дымери вси ходы знаю.

Пелехъ.

А бодай вы послиплы, щобъ николы не бачылы жиночого лыця! Не хочу йихать вт Дымеръ, просты Господы! Годи гвалту! Остогыдло!

Ханенко.

Колы ты не хочешъ зъ нами, то въ Къивви зостанешся и тамъ подождешъ насъ.

Пелехъ.

Останешся, останешся!... Якъ же я тебе покыну, колы я тебе люблю, вражый сыну!.. Ну, а за дивку, якъ прыйдемо на Сичь—кыямы почастують,—не будь я Пелехъ, такъ почастують, шо й здохнешъ... Просты Господы!

Лобель.

Гетьмане! Послухайся мене и Пелеха старого! Покынь свою ты думку: чого доброго въ сильце таке въ Дымери попадешъ, що замистъ Гандзи—безславія добудешъ и жыттямъ накладешъ... Мабуть тій Гандзи такъ судылось—буть панею Запольською!

Ханенко.

Ни. Гандзя—козачка, вона въ неволи, ии прымускують прыняты виру католыцьку; по звичаю козацькому, мы повинни рятувать ий—и порятуемъ! Все йидемъ перше въ Къивъ за дозволомъ; Грыцько жъ на розвидкы въ Дымеръ, а потимъ винъ и намъ покаже певный шляхъ туды!

Богаченко.

Послидня потиха!

Пелехъ.

Та чортъ васъ поберы, вже й я громады те покыну, бо кортыть, просты Господы!

Ханенко.

И ты зъ намы? [обнима Пелеха] Любий,
батьку нашъ! (хоче цилуваты).

- Пелехъ (одтыка його).

Та не кусайся, просты Господы!

ЗАВИСА.

Дія IV.

Роскишный палаць въ Дымери.

Я В А І.

Гандзя, нянька, Катерына, одягнени по-украинськы. Гандзя, якъ панна; решта дивчатъ—порецькы, по-польскы, якъ панны, якъ пани и якъ краковянки.

Спивають:

Пшеменесен я дзиким качорем
Бенде лятала лясем и борем,
Таки не хцен твоенъ быць,
Волен твоен учыницъ.

А маен людзе таке топоры,
Же выромбуен лясы и боры,—
Таки мусиш моен быць.
Волен моен учыницъ.

Грайце, музыки, на вшисгке строны
Бо, хвала Богу, я мам юж жоне!
Таки мусиш моен быць—
Волен моен учыницъ!

Гандзя (*писля писни*).

Спасыби вамъ, дивчаточка, за писню. Вы мене бавыте, якъ короливну, а я сумую, бо писня ця чужа, и я ии не розумію. Покыньте мене, дивчата, саму, нехай я одпочыну—тыша мовъ у колысци мене прысыпляе.

Алинка (*до дивчатъ*).

Ну й вередлива! И чого панъ зъ нею цяцькається? Онъ якъ одягъ—глянь: перлы, корали, золоти дукачи!..

Дивчына.

Прычарувала, тай дратуе пана.

Алинка.

Хиба я поганша видъ неи?

Дивчына.

Пида жъ ты!

Гандзя.

Чого жъ вы стоите надъ душею?

Нянька.

Идите, дивчата! (*Дивчата йдутъ: ти, що безъ сливъ, попереду; Алинка и дивчына з-заду, тыхо розмовляючи*).

Алинка.

Бачъ, якъ коверзуе,—мовъ справжня пани!

Дивчына.

А що жъ, панъ повинчається зъ нею, то й буде пани!

Алинка.

Та винь жартуе—вже третій день и не навидуеться!

Дивчына.

Ой ни,—закохався! Хиба не выдко?

Алинка.

Брехня, панъ мене коха.

Дивчына.

Де тамъ! кохавъ, може! *(вышла)*.

Я В А II.

Ти жъ безъ дивчатъ

Гандзя.

Йдоть и вы видъ мене, нянько, нехай побуду я безъ вартового, зъ Катрею у-двохъ.

Нянька.

Ты думаешь, легко мени быть пры тоби за вартового?

Гандзя.

А хто жъ васъ примусюе вартувать?

Нянька.

Лыха годына та нещаслива... Перше ты тилькы сумувала, а теперь ось вередуешь... Панъ велеть, щобъ мы вси тоби потраплялы, а якъ на тебе потрапышь? Покры тебе тутъ не було, вси за выграшку службылы панови, а теперь и мы вси, и панъ нашъ выграшкою тоби стали!.. А т навмысне дратуешь пана... А Соть якъ б

прыняла панську виру, повинчалася зь нымъ, була бь пани—тоди бь мы вси зналы прынаймни, кому потраплять!

Гандзя.

Я не хочу быть католычкою и панею не хочу быть!

Нянька.

Говоры! Я прыслухалася до твоихъ речей и прыдывылася до кожного твого руху, и теперь добре тебе зрозумила. Ты удаешь изь себе те, що сама хочешь. Отце слушаешь—дытына говоре, а вдруге—вередлыва пани; то знову чуешь—балакае якась поважна людына!.. Эй, дивко! Послухайся мене; е у пана якась дуристь зь тобою повинчатось—винчайся, бо тилькы пань розпалыться, то може й сьогодни взять тебе въ свои покои и безь шлюбу,—я його знаю!

Гандзя.

Ни—не визьме.

Нянька.

Ну, що тоби сказать?! Охъ, якъ бы я не боялася, що ты будешь нашою панею, то я бь тебе вылаяла на вси боки!

Гандзя.

Не буду я вашою панею, на вищо мени вашь пань здався?

Нянька.

Охъ, ты чаривныце лукава! И хто бь подумавь, що ты такъ переродышся?.. Гляды

тилькы, щобъ щастя ты своего сама не потоптала!.. Послухай, не мудруй! Не зла тоби бажаю, моя люба панно!

Гандзя.

Яка я панна? Я—Гандзя!

Нянька.

Ну, Гандзя! Не зла тоби, кажу, бажаю, Гандзю, бо знаю добре я и бачыла не разъ, якъ часто нись мы задыраемъ, колы насъ гладять по головци; колы жъ обернется до насъ фортуна спыною и злыгодни настануть, тоди жалкуемо, що не умилы шануватысь... та вже буває пизно вернуть назадъ мынуліи часы!

Гандзя (*тупа ногою*).

Годи! Йдѣть соби нянько! Я зъ Катрею зостануся сама, бо вы мене тилькы лякаете!

Нянька.

О, чуешъ, якъ заговорила? Справжня панна!.. Слухаю, панно моя люба! Йду... йду... Не дывіться такъ гнивно (*выгоде*).

Я В А Ш.

Ти жъ безъ Нянькы.

Гандзя.

Я не люблю нянькы. Вона дуже розумна и заглядае въ мою душу.

Катря.

Вона тобі правду каже.

Гандзя.

На вищо мени ін правда? Я такой правды теперь не люблю.

Катря.

А якъ фортуна зрадыть?

Гандзя (*зитае*).

А знаешь, Катре, щобъ я справи не зрадыла!.. Перши часы мого тутъ пробування я й на хвылыночку не забувала, що сыдю въ темныци душній; потимъ стало мени веселише... А теперь... Лягаючы спать, я радисно жду ранку, бо вранци прыходыть панъ, говорыть до мене ласкаво, а я соромлюсь и мовчу; колы жъ отходыть панъ видъ мене, мени жаль, що я не розмовляла зъ нымъ, не усмихалася йому, якъ винъ того просывъ... Катре! Я така не була... мене попорчено... Я теперь не знаю, чого хочу. Отъ третій день панъ не прыходыть, и я знову сумую, мовъ у темныци тутъ сыжу... А прыйде, Катре, панъ—такъ я мовчаты буду певно.

Катря.

Це погано! Не по правди робышь: хытруешъ и вередуешъ! А панъ тебе любыть, це выдко всимъ.

Гандзя.

Хиба?!

Катря.

Ха, ха, ха! Отъ ты й зо мною хытруешь!

Гандзя.

Цыть! Онъ нянька слуха, я ии боюся!...
Нянько! Йдить соби! *(тупа ногою)*.

Катря.

Скажы мени по правди, Гандзю, тилькы не хытруй, невже панъ Болеславъ тоби не по души?

Гандзя.

А хиба я кажу, що винъ мени не по души? Я сього не кажу... Винъ гарный— я прыдывылась, хочъ крадькома.

Катря.

Орель!

Гандзя.

Охъ! орель, що вбывъ голуба тай розлучывъ мене зъ пары... А може жъ мене обманюють, може мій Зинько жывый, и якъ дизається, що я покохала пана, зъ доброй воли пишла зъ нымъ пидъ винець, тоди винъ прокляне мене, бо я йому прысягала!

Катря.

Чы покарано, чы не покарано смертін Зинька, а ты його вже не побачышь! Повинчавшысь зъ паномъ Болеславомъ, по

йидешъ у Варшаву, будешъ жыть тамъ якъ царыця, мижъ пышными панами. Та хочъ бы тебе не то Зинько, а й ридна маты справди побачылы, то не пизнають вже воны давньої Гандзи: й мова, и хода, й одежда, и звычка, и кожый рухъ у тебе будутъ панськи. Сама жъ кажешъ, що ты вже попорчена й теперь!

Гандзя.

Охъ, попорчена я, попорчена! Гандзю, давня Гандзю! Де ты? Озовыся! Може хочъ де глыбоко сыдышь въ души—поворухны мое ты сердце!.. О, чую, есть въ души давня Гандзя, вона плаче! Бачышь, Катре! *(вытирае слезы)*. Катрю, сестро, подруго моя! Що мени робыть? Одна Гандзя, та що заразъ слезы ллэ, каже: не зражай вири, не зражай Зинькови, пам'ятай ридну матусю, згадай гаи зелени надъ Днипромъ, и нехай тебе замучать, а ты зостанься вирною всьому, що ридне; а друга Гандзя, друга...

Катря.

Друга каже: забудь усе—ты кохаешъ пана!

Гандзя.

Ой, Катре!.. Мени страшно! *[мовчать]*. И справди, Катре, зо мною щось робыться чудне: я—мовъ несамовыта стала, а передъ очыма въ мене що-дня Болеславъ—такий ласкавый, гарный, якъ намальований, и

нибы я вже повинчалась зъ нымъ, вся въ золоти сяю, пани вельможна, живу въ Варшави и вси паны цілують мени руки... [мовчить]. Може я справди його кохаю... Боже мій! Чымъ же я вынна, що покохала пана?...

Катря.

А хто жъ тебе вынуе?

Гандзя.

Давня Гандзя—совисть! Вона шепче мени: що я—не я, нагадує матирь ридную и мучить мою душу... Ни, ни! не хочу быть зрадницею, краще смерть!

Катря (*пидходе до вкна*).

Иды сюды! [Гандзя *пидходе*] Глянь! [*показує у вкно*].

Гандзя.

Ой, якъ глыбоко! И ричка, и скели гостри ледви мріють! [*здринула*]. Страшно! [*отходить*]. Цурь йому! Неначе тягне мене у ту безодню [*тулється до Катри*]. Теперъ я туды никола й не загляну! И на вищо бъ я будувавъ замокъ надъ такою безоднею, що якъ бы туды полетила, то й кисточки бъ розсыпалысь!

Катря.

Отце жъ тоби рятунокъ: колы не хочешъ зрадыты всьому, що перше було мыле, стань на отце вкно й туды—сторчъ головою!

Гандзя [*тикае до дверей*].

Богъ зъ тобою, Катре! у мене й тило похолонуло видъ твоихъ сливъ: сторчъ головою у безодню!.. Серце перестаете бытысь видъ жаху... [*бидбиае до Катри*]. Не говоры сього никола, Катре—я жыты хочу...

Катря.

Такъ винчайся заразь зъ паномъ.
[*Мовчать. Гандзя видійшла видъ Катри й замислылась*].

Гандзя.

Катре, хйба я можу панови сказаты „пане, я васъ кохаю“?... А може жъ винъ жартуе?..

Катря.

И ты жартуй: жартами и договорытесъ! Та що я тебе вчу!..

Гандзя.

О, зла фортуну, на вищо ты такъ Гандзю зопсувала! Просты мене, матинко... я тебе до себе поклычу, я тоби годытыму, ты будешъ жыть у мене, якъ у раю!.. Катре, заспывай мени: „Ой зирву я зъ рожи квитку та пуцу на воду“! Заспывай, сестро, я хочу добре выплакатысь, а якъ заплачусь, то мени буде лекше.

Катря [*спывае*].

Ой зирву я съ рожи квитку
Та пуцу на воду;

Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
Та й до мого роду.

И т. п.

[Гандзя въ протягъ писни зъ початку тыхо плаче,
а потимъ рыдае. Входе нянька].

Я В А І V.

Ти жъ и Нянька.

Нянька.

Бачъ, послухала тебе—пишла, а ты
плакала! Панъ буде гниватися и на мене,
и на Катрю, якъ побачить, а винъ онъ
прыйихавъ.

Гандзя.

Прыйихавъ?! [вытирае хутко очи хусткою].

Нянька.

Бачъ, якъ очи наплакала: мовъ цыбули
стали... и нисъ онъ почервонивъ!

Гандзя.

Катре! очи и нисъ червони?

Катря.

Трошкы.

Гандзя.

И погано?

Катря.

Ато-жъ.

Гандзя.

Тикаймо, щобъ панъ не побачывъ! (по-
била, а Катря за нею. Зъ другихъ дверей выходитъ
Пыво и Уласъ).

ЯВА V.

Нянька, Пыво и Уласъ.

Пыво.

Здорова, бабо!

Нянька (*цилуе його въ руку*).

Якъ васъ мылуе Господь?

Пыво.

Слава Богу! Йды, бабо, я гукну тебе потимъ (*нянька выйшла*). Що жъ тутъ у насъ у замку чуть, Уласе?

Уласъ.

Безъ видома мого ни сюды, ни туды и ужъ не пролизъ. Все тыхо навколо.

Пыво.

И добре!.. Туркы вернулись до-дому; татарскы загоны розпудывъ коронный гетьманъ Собеськый; Ханенка побывъ Дорошенко и взявъ Умань; Ханенко подався черезъ Къивъ на Сичъ зъ малою частыною своего вйска; Украины нема, бо людъ увесь въ ясырь забрали татары, а що зосталось— утикло на той бикъ! Тепера тутъ у насъ, на Полисси, який часъ буде тыхо.

Уласъ.

И слава Богу! Хочъ трохи одпочынемо видъ сыхъ щоденныхъ заверюхъ!

Пыво.

Одпочынемъ!.. Уласе! ты бувъ у мене осауломъ, а теперь беры соби ввесь полкъ, — я бильше не полковныкъ!

Уласъ.

Це такъ! Коды полковныкомъ не буде пань, то й компанійци розійдуться хто куды, — не мени ихъ здержать!

Пыво.

И я не вдержу. Кругомъ руина — поживы нема... Кто хоче, нехай зостається своимъ коштомъ, а кому охота е — нехай прямуе въ Чыгрынь.

Уласъ.

Я пана не покину.

Пыво.

Тебе, Уласе, та ще десяткивъ два завятцивъ зъ охотою зоставлю пры соби, на моимъ власнимъ кошты.

Уласъ.

Я выберу такыхъ, що й кошты свои мають, що зъ чортомъ навкулачки былыся не разъ и все добро, якимъ мы поживылысь видъ татарськыхъ хыжакивъ, зоставылы въ кешеняхъ.

Пыво (*замыслившись ходить*).

Гараздъ!

Улась.

А якъ пидниметься, бувае, заверюха, и буде въ насъ охота въ степахъ привильныхъ знову погулять, то мы за тыждень полкъ зберемъ такой же, якъ и бувъ. Ого! Прыбудуть навить зъ того боку! Де въ оксамытахъ ходять козаки? У пана! Який козакъ не личучы шынкарци кыда гроши? Панськый! Чыихъ охочекомонныхъ козакивъ шанують вси, поважають и боятся? Панськыхъ! Знають пана полковныка вси охочекомонни: тилькы свысне и з'являться, мовъ з-пидъ земли!

Пыво.

Такъ, такъ... Ну, будь здоровъ, бо я давненько не бувъ дома, то ще не знаю, що тутъ и якъ у мене въ бабськимъ кодли.

Улась.

А бабы зъ паномъ вси хиба зостануться?

Пыво.

Уси.

Улась.

Для чого пану такъ багато? Може бь пань дозволывъ одну взять и мени...

Пыво.

Яку?

Улась.

Катрю.

Пыво.

Що жъ, хиба ты ии любышь?

Уласъ.

Здається. И вона казала, що коха...
А колы нема козацького дила, то зъ бабою
веселише часъ плыне.

Пыво.

Ну, то й зъ Богомъ до шлюбу, хочъ
и заразъ!

Уласъ.

Спасыби *(тишовъ)*. Теперь и я не сы-
рота.

Пыво *(у двери)*.

Бабо! *(входе нянька)*.

Я В А VI.

Пыво и Нянька.

Нянька.

Я тутъ, вельможный пане!

Пыво.

Ну, що Гандзя?

Нянька.

Чого вы цяцькаетесь зъ нею? Не той
панъ ставъ, якымъ його я знала перше!..
Вы наче боитеся Гандзи, вона жъ це
серцемъ чует и знаровылася! А вы бъ взяли

їи въ свои покои, тоди бѣ вона у ручки пана цилувала за ласкаву усмишку.

Пыво.

Яка жѣ мени буде прыятність бачыты передь собою раз-у-разъ переляканую лань, що вся тремгыть, якъ у пропасныци, и мовъ въ тенетахъ б'ється, бажаючы що хвыли вырватись на волю?.. Я їи кохаю и хочу, щобъ вона мене такъ само полюбыла!

Нянька.

Пане, хіба вы не знаете? Кобиты люблять смилывисть и сылу, хто жѣ передь ными кысне, того вони за носа водять! А що Гандзя любыть пана, то я прысягаю!

Пыво.

Велькый празныкъ бувъ бы для души моеи... Клычъ Гандзю, побачымо, чы правду кажешъ! (*Нянька пишла, зъ друкыхъ дверей выходыть Явтухъ*).

Я В А VII.

Пыво и Явтухъ.

Явтухъ (*стае навколишкы*).

Пане полковныку, зробить ласку!

Пыво.

Що сталось? встань!

Явтухъ (*встае*).

Дозвольте и мени за себе взять Алинку!

Пыво.

И ты кохаешъ?!

Явтухъ.

Та хто його зна! за сымы заверюхамы не мавъ часу... теперъ настала тыша... дозвольте покохатъ!

Пыво.

Алинка жъ дуже молода и гарна,—ты бѣ краще няньку сватавъ, прынайми не зрадыть!

Явтухъ.

Нехай ій чортъ! Дозвольте Алинку!

Пыво.

А ты жъ іи пытавъ? Хиба вона згодылась?

Явтухъ.

А якъ же!

Пыво.

Може жартувала?

Явтухъ.

Божылася... казала: кохаю! А може й бреше. Та то байдуже—воны здебильшого брешуть. Дозвольте тилькы повинчатысь, якось то буде! Цілый викъ безъ бабы занудывся...

Пыво.

Винчайся! Я згоденъ, щобъ уси дивчата выйшли замижъ.

Явтухъ.

Усихъ, пане полковнику, и розберуть!
Безъ вѣины—ничого робыть, кожнѣй бы
козакъ женывся, бо скучно, такъ навкругы
дивчатъ нема.

Пыво.

Такъ що жъ, колы Алинка згодна—бе-
ры ии и заразь же до шлюбу [*входе Гандзя*].

Явтухъ.

Отъ бы зъ кымъ женытысь! Чы коха,
чы не коха—чортъ ии беры, за те жъ гарна,
бисовой пары дивка! (*вийшовъ*).

Я В А VIII.

Пыво и Гандзя.

Пыво.

Повитря все замкове коханнямъ Гандзя
напоила џ навить Явтухови кохаты захоти-
лось; а мене такъ певно отруила: сказаты
щось хотивъ—и сливъ нема. (*Иидходе до Ганд-
зи, бере ии за руку*).

Гандзя (*тыхо, не пручаючысь*).

Ой!.. Пустить!.. (*Пыво выпускае руку*). Ажъ
рука заболела, такъ стыслы!.. ото яки вы
дужи!

Пыво.

Гандзю!

Гандзя.

Чого?

Пыво.

Дывысь же на мене.

Гандзя.

Ото, яки вы чудни: дывысь! Хиба я вась не бачыла?

Пыво.

Та ты николы на мене не дывышся!

Гандзя.

Ба дывлюся! Тилькы такъ, щобъ вы не бачылы.

Пыво.

А я й не знавъ, що ты така хытра.

Гандзя.

Хиба це хытрощи? Я соромлюсь дывытись на вась, щобъ не подумалы чого поганого, а крадькома—чомъ же не глянуть?

Пыво.

Дай же мени свою руку—я визьму легенько.

Гандзя.

Хиба жъ я смію руки вамъ не дать, колы вы велыте?

Пыво.

Я прошу.

Гандзя.

Та чомъ же не берете? Берить!

Пыво [*бере її за руку, пидводить бльжче до себе*].

Яка гарна рука у тебе. [*Цилуе руку*].

Гандзя (*руки не однімае*).

На вищо вы мене цилуете у руку?

Пыво.

Ну, то я тебе поцилую въ лице.

Гандзя (*стоить нерухомо*).

Э ни! Вы не лякайте мене, бо я неначе ще боюся васъ.

Пыво.

Яка ты мыла, Ганнусю, колы оттакъ говорышь до мене! Чому жъ ты перше все мовчала?

Гандзя.

Бо я сердылась на васъ, и теперь ще сердюсь!

Пыво.

За вищо?

Гандзя.

За те, що зоставляете мене зъ нянькою! зъ ксендзомъ; а воны мени страхъ допеклы: ксендзъ росказуе таке, що я не розумію, и все товче, щобъ я стала католичкою, а нянька сылуе, щобъ я васъ кохала—наче сылою можна кохать!

Пыво.

А хто жъ бильше допикъ?

Гандзя.

Хто?.. Ксендзъ! Бо того не буде, щобъ я стала католичкою!

Пыво.

А того, щобъ мене покохала?

Гандзя.

Яки!.. казалы, що я хытра, а сами не хытри? Бачь, якъ пидводите...

Пыво.

А ты що любишь бильше: чы хытрощи, чы соромлывость, чы сылу?

Гандзя.

А вже жъ, що сылу!

Пыво *(обнима Гандзю за станъ и мицно тультъ до себе)*.

Я тоби всю мою сылу виддамъ, жыття свое виддамъ и все свое добро виддамъ!

Гандзя *(дывиться на нього)*.

Та й сыльні жъ вы! Видь васъ не выпручаешся... *(Пыво цилуе її)*. Якъ бы я була сыльніша за васъ, то й я бъ васъ поцилувала сылою.

Пыво *(выпускае її)*.

Цилуй! Ты сыльніша видь усихъ! Нема на свити такой сылы, якъ твоя краса!

Гандзя.

Э, колы бъ же я не соромылась!.. Та ще чого доброго тамъ нянька загляда. Стрывайте! *(побигла до дверей)*. Нема!.. *(Пыво стоить нерухомо. Гандзя йде до нього тыжо, стае, дывиться, раптомя обнимае його за шыю и цилуе)*.

Пыво (*обгорта рукою станъ Гандзи*).

Такъ ты мене кохаешъ?

Гандзя (*тыхо, сорожыво, нижню и палко*).

Кохаю, кохаю, мій любый пане!

Пыво.

И згожувешся быть мени жоною?

Гандзя.

Ато-жь... вы жъ мене не будете, быть, якъ я стану вашою жинкою?

Пыво [*выпускае ии и пидтимае руки вгору*].

Нехай мене гримъ уб'е!

Гандзя.

Ни, ни я не хочу... А сылывать не будете, щобъ стала католичкою?

Пыво.

Ни!

Гандзя.

Ажь ось колы я бачу, що вы кохаєте мене и справди! Зате жъ и я на викъ васъ покохала и зрадыла всьому, що першь любыла!..

Пыво.

Гандзю! за твою ласку и любовь готовъ я бувъ жыття свое виддаты... и отъ изъ усть твоихъ телера чую, що ты мене кохаешъ и сердце вильне виддаешъ мени сама! Слова твои, якъ пахощи найкраци въ свити, лас-

каво въ душу мою ллються; мени здається, що я витаю въ небесній блакыти и зори вси завидують мойому щастю!

Гандзя.

О, пане мій! Мени чаривнымъ сномъ здається все, що робыться зо мною: и страхъ якыйсь... и щастя... и смутокъ—душу мою обгортають: я мовъ боюся свого щастя... мени страшно стало!..

Пыво.

Не бійсь ничего! Дай руку мени, моя княгыне молода! *[Гандзя подає]*. Ходимъ у церкву замкову и шлюбъ зъ тобою визьмемъ заразъ.

Гандзя *[тулыться до нього]*.

О, якъ бы я хотила, щобъ заразъ тутъ була моя матуся и насъ на шлюбъ благословила.

Пыво.

По шлюби й матинку твою я привезу до тебе! У сю жъ хвылыну—самъ Богъ благословляе насъ!

Гандзя.

Матинко моя риднесенька! Думкамъ я до тебе прудко лыну, душа моя—у тебе въ хати, очыма—бачу я тебе передъ собою *[стає навколмишки]*. Молю тебе: не гнивайся на мене, благословы дытя свое на шлюбъ зъ коханымъ паномъ!

ЗАВИСА.

Дія V.

Въ палаці у Пыво въ Дымери.

ЯВА I.

Гандзя и Пыво.

Гандзя въ ранишнимъ наряди зъ тафты стоить передъ зеркаломъ. До неи пидкрадається Пыво.

Гандзя.

Я бачу, бачу, що ты крадешся!

Пыво (*цилує Гандзю въ шю*).

Яка ты гарна въ тимъ ранишнимъ убо-ри... Мени здається, що ты ще сонна въ лижку роскошувешь!

Гандзя (*надува губки*).

Болеславъ! Що мені надить до обиди?

Пыво.

Яка жь одежа зривняється зъ цією?... обнима іи стань.

Гандзя (*не одриваючысь видъ зеркала*).

Хиба едwabну билу сукню?

Пыво.

Надинь (*цилує іи въ руку*).

Гандзя.

Ну що, якъ бы насъ отакъ побачывъ гетьманъ Ханенко?

Пыво.

Сказывся бь!

Гандзя.

Ни! Винь старый!

Пыво.

Трохы старшый видь мене.

Гандзя.

Лысый! Ха, ха, ха! Отъ я жалкую, Болеславъ...

Пыво.

Що гетьманъ лысый?

Гандзя.

Та ни! Я жалкую, що не вмію ще по-польськы говорыты. А якъ навчуся, тоди инакше й говорыты не буду, щобъ уси бачылы, що я вельможна пани; а то подумай: пани Пыво-Запольська балакае—якъ Гандзя! Ха, ха, ха! Я хочу, щобъ ништо, навить гетьманъ самъ, якъ бы мене побачывъ, щобъ не пизнавъ и не догадався, що я та козачка, яку винь бачывъ, а подумавъ, що родова шляхтянка, полька, католичка!

Пыво.

Я безмирно радъ, що католичкою ты стала, а говорыть по-польськы навчышся скоро, тилькы не соромся: говоры якъ попало, мени це буде любо. Я тоби выпышу трѣхъ учителивъ.

Гандзя.

Не хочу. Я видь тебе навчуся, а то учителя побачуть, що я козачка.

Пыво.

Кохана моя Гандзя уже полячка, бо вона моя жинка!

Гандзя.

Болеславъ!... Хиба я Гандзя?... Я не хочу, щобъ ты мене такъ клыкавъ! Була десь тамъ, колысь-колысь тамъ—Гандзя. Теперь Гандзи нема. Передъ тобою—ясно-вельможна пани Галына Пыво-Запольська! Чуешъ?

Пыво.

Чую! Тилькы для мене немае кращаго им'я у святцахъ... Гандзя, Гандзя! *(Цилуе її)* Гандзя на земли мени рай дала! И щобъ я це им'я переминаювъ на чуже мени—Галына! Не могу, вельможна пани Запольська!

Гандзя.

Ха, ха ха! Гандзя—пани Запольська! Якъ хочешъ, Болеславъ, а до вельможной пани им'я Гандзи не лычыть. Ты хочъ пры другыхъ такъ мене не клычь.

Пыво.

Пры чужыхъ—Галына, а самъ на самъ—Гандзя!

Гандзя.

Гляды жъ не помыляйся! А якъ пойидемо въ Варшаву—не визьмемо ни одной зъ покойовокъ. Мы й тамъ ихъ знайдемо; а то черезъ покойовокъ вси будутъ знать, що я

Гандзя! Я навмысне стала католичкою, бо наша вира не паньська: вси кажуть «схызматы», а вже колы панъ, то повиненъ буты католикъ. Яка жъ бы я була пани, колы я грецького закону, та ще й Гандзя!

Пыво.

Голубонько моя! Ты зрозумила все, якъ слидъ, и радуешъ мене безъ миры. А матери ты не признавайся що стала католичкою!

Гандзя.

Болеславъ! Ты мене драгуешъ...

Пыво.

Чымъ, мое щастя?

Гандзя.

Ты матирь хочешъ привезты до мене.

Пыво.

Я хочу вволють твою волю—ты сама объ цимъ мене просыла передъ шлюбомъ.

Гандзя.

То Гандзя просыла. Теперъ Гандзи нема, а е вельможна пани Галына Запольська!... Маты мене не признае; вона проста козачка, одягається не по-шляхетськы, говорыть по-польськы не вмие и не захоче вчытысь, а зпроста почне всимъ розказуваты, хто я, и вси мене й тебе засміють тоди. Ни, ни! Матери ни сюды, ни тымъ бильше у Варшаву

не треба привозыты! Краще мы колы-небудь пойдэмо до неі, або пошлемо ій грошей, і вона заспокоіцца!

Пыво.

Ты мая королева, я твій пидданыі! Якъ звельшь, такъ і зрблю, усе зрблю! Чуть твій голось, бачыць твоі очі, повні небесной росы, що ллэ бальзамъ у душу—для мене все, а устонькы твоі рожеві, усміхаючысь, перламы блыскучымы заставылы бь мене навколішкахъ стояць передь тобою цілыі дэнь!

Гандзя [*цїлуе його рукы*].

Болеславъ! Болеславъ! Любыі мій, голубе мій! Ты мене звівъ з ума своимъ коханнямъ! Я божевільна стала і теперъ хочеться мени, щобъ навить птыці щэбеталы: ты гарна, ты найкраща! А колы тебе немае коло мене й мене ніхто не хвалыць, то я гніваюсь на всіхъ, вередую, бо всі мени протывні!... Ой, забалакалась зь тобою і забула, що треба ще переодягтысь. Пожды мене, я заразъ выберу найкращый кунтушь і прыйду сюды щобъ передь тобою одягатысь (*бїжить у двері, а зь другыхъ дверей выходыць Уласъ*)

Я В А П.

Пыво і Уласъ.

Уласъ.

Простыць мене, пане полковныку, що я зайшовъ безъ спросу і, здаецься, переполохавъ

паню. Покойовка и нянька боялыся йты сказаты вамъ, що клычу, бо зъ панею булы вы вдвохъ; а дило таке що не мавъ часу ждаты, помы вы выйдете видъ пани.

Пыво.

Ничого, ничого! Ты пани не злякавъ— вона побигла одягатысь, а тилькы ты стрижоженный, здається, трохы самъ. Що тамъ за дило?

Уласъ.

Дило може й пусте, а тилькы треба сказать заразъ.

Пыво.

Кажы.

Уласъ.

Пидъ самымъ Дымеромъ тилькы що оташувався гетьманъ Ханенко зъ вйськомъ.

Пыво.

Ханенко?!... По чимъ ты знаешъ, що Ханенко?

Уласъ.

Прыславъ гонця зъ лыстомъ до пана. Я взаты лысть хотивъ, щобъ вамъ його виддаты, такъ гонецъ не дае, а хоче самъ виддаты у власни панськы руки.

Пыво.

То клычъ його. Побачымо, чого панъ гетьманъ зъ Кыива сюды прыбывся. (Уласъ *выходить*). Колы бъ не увйшла сюды Гандзя,

покы я не довидаюсь, чы можна ій про це сказаты (входе Богаченко и Уласъ).

Я В А Ш.

Пыво. Богаченко и Уласъ.

Богаченко.

Доброго здоров'я та Боже поможы хоро-
брому полковныкови.

Пыво.

А! Якъ ся маешъ... здається, Богаченко?

Богаченко.

Винъ... А жывемъ погано, пане полков-
ныку.

Пыво.

Чого такъ?

Богаченко.

Певно жъ чулы, якои чемерыци давъ
понюхать намъ Дорошенко зъ татарами на
Батогськимъ поли.

Пыво.

На те війна. Трапляється. Сьогодні насъ
побылы, а завтра мы поб'емъ.

Богаченко.

Де вже намъ бытысь. Прохвыськалы
усе, и въ Умань не пустылы. Теперь тикаемо
на Запорижжя, щобъ тамъ зложыты й бу-
лаву, й бунчукъ передъ військомъ запо-
рожськымъ, бо ци клейноды намъ Сичъ дала.

Пыво.

Та такый крюкъ загнулы, що ажъ на Полисси опынылся, въ Дымеры?

Богаченко.

Це навмысне, пане полковнику. Пасъ не пускають на Запорижжя ливымъ берегомъ, а правымъ небезпечно йты, щобъ бувае Дорошенко насъ не злапавъ та не пославъ усихъ туркамъ въ гостынець... Такъ гетьманъ нашъ пославъ до Кывивського воеводы прозьбу пропустыть, а той не пустывъ. Тоди мы осилыся на Чорторыи и послалы чоломъ дальше. Ждалы-ждали— нема одповиди! Отъ мы сыдили-сыдили й надумалы: покы тамъ тее та цее, зайихать до васъ въ гостыну, бо чулы мы, що панъ полковникъ шлюбъ зъ Гандзею узявъ, весилля бучнее справлявъ, такъ отъ и намъ скортило погулять. Поздоровляю и бажаю щастя!

Пыво.

Спасыби! Радъ дорогимъ гостямъ: якъ що гетьманъ на мене гниву не мае, то мылосты просымъ завитаты до господы!

Богаченко.

А отъ и лысть видъ гетьмана самого.

Пыво (чытае).

Це по-козацькы! Радъ помырытысь зъ давнимъ прытелемъ. Прыиму дорогыхъ

гостей на славу. (До Уласа). Заризать десять быкивъ, заколоть п'ятѣ кабанивъ, выкотыть, зѣ льоху тры барыла оковытой та меду стилькы жѣ. Велы обидѣ готовить для козакивъ, а гетьмана и старшыну пиду я заразѣ самъ до себе всихъ на бенькетъ клыкать (До Богаченка). Уклонысь нызенько ясновельможному гетьману, скажы, йому, що я всымъ серцемъ радуюсь тому, що мы помырымось и, хочъ може це в-останне, погуляемо й розійдемось на викъ, але розійдемось прыятелямы, якъ и слидѣ добрымъ воякамъ, що разомъ за одно дило довго кровь пролывалы! Я побалакаю зѣ своею панією и вслидѣ за тобою самъ прыйду до вась.

Богаченко.

Побенькетуемо послидній разѣ на нашій Украины, бо вже вона не наша, а туркова! Побенькетуемо тай на Сичъ!

Пыво.

Щасты Боже!

Богаченко.

Спасыби за ласку. Прощайте до якого часу! (вийшовъ).

Я В А І V.

Пыво и Уласъ.

Уласъ.

Я бѣ не прынявъ ихъ...

Пыво.

Що ты? Такъ щиро просыть мыру, и бачымося може въ останній разъ та й не прынять? Я хочъ и ляхъ, Уласе, але у мене серце и душа козацьки!

Уласъ.

Знаю, мій любый пане, що не тылькы гетьманъ, а й самъ Сирко, нашъ кошовый, въ смилыхъ и одважныхъ лыцарськихъ жартахъ не поривняется зъ тобою!... Робы, якъ знаешъ самъ. Одно погано—що роспустылы мы увесь свій полкъ.

Пыво.

А що жъ намъ воювать зъ гостями, чы якъ?... Такъ ты, Уласе, звелы обидь готовыты, а потимъ вдвохъ мы шидемо до ныхъ, якъ то звычайно меньшому до старшого прыходыться йты зъ поклономъ *(входе Гандзя, зъ нею юрба покойовокъ несуть усяки платя въ рукахъ. Уласъ, ихъ пропустившы, виходе).*

Я В А V.

Пыво, Гандзя и покойовкы.

Гандзя.

Выбирала, выбирала—та й не выбрала: не знаю—що надить! Порай хочъ ты, Боле-славе. Я одигнуся такъ, якъ тоби до вподобы.

Пыво.

Гараздъ. Тилькы перше я хочу побалакаты зъ тобою самъ на самъ. Идить уси,

ПОТИМЪ ВАСЪ ПОКЛЫЧУ (*вси выходятъ*). Ты знаешь, Гандзю, що гетьманъ Ханенко заразъ прибыувъ у Дымеръ и хоче бачыты обохъ насъ?

Гандзя.

Ой!...

Пыво.

Чого жъ ты злякалась?

Гандзя.

Въ голови мойй въ одну мыть проне-
слась думка—страшна, якъ смерть: може
винъ хоче знову однять мене видъ тебе?
(*бере його за руку й веде до вкна*). Никому не до-
станеться во вкы Гандзя! Або твоя, або
стримголовъ у вкно!

Пыво.

Господъ зъ тобою. Тамъ и кистокъ
твоихъ не позбирають! На вищо ты сама
себе лякаешь? Не тривожъ себе даремно;
я певень, що гетьманъ такихъ замиривъ
не мае, бо добре зна, щò його жде за жарть
такий! Ты не Гандзя, а вельможна пани
Пыво-Запольска! Нихто не посміе однять у
мене жинку. Не тилькы король и московсь-
кый урядъ за це по головци не поглядять,
а й на Сичи, куды гетьманъ простуе, колы
бъ довидалися про такой вчынокъ, то не
подывляться на те, що гетьманъ винъ, и
такъ кыямы почастують, що й дуба дасть!
Послухай краще, що Ханенко пыше: (*чытае*).

„Коханый мій прыятелю, пане, Болеславе! Видомый пану випадокъ насъ посварывъ. Але все те буде въ мори забуття! Довидавшысь, що та сама Гандзя, яка не хотила йты тоди до пана, ныни вельможна пани Пыво-Запольська, я прошу выбачыть, що хотивъ стать ий на шляху до щастя и протягаю руку такому лицарю, якъ панъ, що змигъ изъ крепосты вырвать свою кохану. Теперъ я кыдаю усе и йду на Запорижжя, а помы одберу дозвиль пройты ливымъ берегомъ на Сичъ, схотилося мени запыты зъ паномъ мырову и я прыйшовъ у Дымеръ. Колы ничего панъ не мае протывъ, я жду його у себе. Гетьманъ Ханенко.

Гандзя.

То винъ, якъ бачу, не гнивається вже за тее, що Гандзю въ нього ты однявъ? Та й на що справи я йому здалася? Прый- мемо жъ його и. всихъ старшынь у себе. Шкода, що я ще не вмю говорыть по-польськы... Ахъ, колы бъ мерщій въ Варшаву: тамъ я скорише навчусь и балакать, и поводытысь, якъ слидъ вельможній пани.

Пыво.

Колы ты хочешъ такъ, мы одбудемо гостей иызаразъ же пойдимо въ Варшаву. А сьогодни справымо весилля другый разъ.

Гандзя.

Справымо, справымо!

Пыво.

Я буду князь, а ты княгыня молода... Нибы сьогодни тилькы повинчалысь; а ты надинь жупань, въ якимь винчалась, и косу пышну розпусты и заквитчай ін стричкамь! *(до дверей)* Идить, дивчата, паню одягать.

Гандзя.

Мылый мій!... Ты нагадавъ день шлюбу, и сердце забыло тривогу, мовь и справди я ще Гандзя и тилькы що зь тобою повинчалась... Коханий мій, мени здається, що все це сонь чаривный!

Пыво.

И соловейко такъ гарно не щебече про кохання, якъ твои устонькы рожеви! *(Цилуе її руки)*. Прощай *(іде)*.

Гандзя. *(біжить за нымь)*.

Болеславъ! *(Пыво ставъ на порози)*. Болеславъ!

Пыво.

Чого, рыбка?

Гандзя.

Не йды! Я не можу безъ тебе оставатись и хвылыны... мени страшно.

Пыво *(палко цилуе її)*.

Горлычко! Я хутко повернусь! *(вийшовъ)*. Дивчата йдутъ зь другихъ дверей. Гандзя стоить задумана.

Гандзя.

Пусто навколо стало и сердце заныло... Чого жъ це? Може того, що нагадамы першый день шлюбу, а Болеслава бия мене нема?... Такъ, такъ! Я стала вередлыва!...

Я В А VI.

Гандзя и покойовки.

Гандзя *(передъ зеркаломъ)*.

Де вы тамъ сыдыте?

Катря.

Тутъ вси булы, вельможна пани.

Гандзя.

Чого жъ такъ довго не йшлы?

Алинка.

Тилькы почулы, що вельможный панъ насъ клычуть, въ той ментъ пишлы.

Гандзя.

Ты дуже цикава, Алинка... краще мовчы... розплитайте мени косу й убирайте стричкамы! *(Алинка й Катря чешуть косу, други стоять зъ платтямы)*. Ой, не смыкайте!.. А вы чого стоите? Надивайте на ноги золоти черевыкы *(двѣ покойовки стають навколишки, одни черевыкы здѣймають, други, розшити золотомъ, надивають. Гандзя паца ногами)*. Не лоскочить за ноги!... Ай Алинка, якъ ты скубешъ мене за волосся!

Алинка.

Я вже давно стою, не доторкаючысь до вась.

Гандзя.

Мовчы, Алинка! Колы я кажу—скубешъ, то певно скубешъ... А нянька де?

Катря.

Тамъ.

Гандзя.

Чомъ же не тутъ?

Катря.

Вона боіться йты, колы іі не клычуть.

Гандзя.

Якъ вона сміе не йты, колы вси тутъ? Поклычъ іі. (*Алинка йде*). Куды жъ ты пишла?

Алинка.

Няньку клыкать.

Гандзя.

Хто жъ тоби веливъ? (*Алинка мовчыть*). Чого мовчышъ? Говоры—хто тоби казавъ няньку клыкать?

Алинка.

Мени здалося... Я не дочула.

Гандзя (*показуе на тыхъ двоухъ, що черевыкы надивалы*).

Идить за нянькою котра зъ вась.
Чогожъ стоите? (*Ти йдуть обыдви*). Одна! (*Тупае ногою, обыдви вертаються*).

Катря.

Иды ты.

Гандзя.

Чого жъ вона? Нехай ця йде! (*Та, на котру Гандзя показуе, пишла. Гандзя стае передъ зеркаломъ и выдывляється; раптомъ*). Катре! Ты смієшся зъ мене?

Катря.

Я?! И не думала...

Гандзя.

Я въ зеркало побачыла твою усмишку.

Катря.

Ий-Богу ни, вельможна пани!

Гандзя (*обертається до всихъ*).

Що мени надить?

Катря.

Вамъ и такъ гарно.

Гандзя.

Неправда, тоби заздрисно, якъ я надину золотомъ шытый жупанъ, унызанный перлами на полахъ.

Катря.

Ни, пани.

Гандзя.

Вельможна пани!

Катря.

Ни, вельможна пани. Я васъ любыла и люблю, то й радуюсь тому, що вы въ такыхъ роскошахъ.

Гандзя.

Я тобі нічого не нагадую, а ты мени нагадуешъ минуле... Не смій! *(входе нянька)*.

Я В А VII.

Ти жъ и нянька.

Гандзя.

Чого вамъ?

Нянька.

Клыкалы!

Гандзя.

Иды соби—я тебе не люблю. *(Нянька йде)*.
Стійте тутъ... *(Нянька стае)*. Я сьгодні одягнуся, якъ у той день, колы винчалась.

Нянька.

Не годыться.

Гандзя.

А я одягнуся! Не ваше дило... за це я васъ и не люблю. Отъ косу розпустыла, якъ молада... Теперь стричкы чипляйте *(вплитають стричкы)*. А ты, Катре, пиды и пры-

несы жупанъ, въ якимъ винчалась я (*Катря тшила*). Не годыться! Выгадка простыхъ посполытыхъ людей, а я вельможна пани—до мене не прыстане!... Хйба я непохожа на вельможну пани?... Чого жъ вы мовчыте?

Нянька.

Кращой нема мижъ усимы магнатамы.

Гандзя.

Я на васъ сердылась, нянько, а теперь бачу, що вы розумниши видъ ныхъ усихъ; оставайтесь зо мною, а вы йдите соби (*вси тшили*).

ЯВА VIII.

Гандзя и нянька.

Гандзя.

Я ихъ пытаю, а воны ничего не тямлять. Отъ вы певно бачылы панивъ багато!...

Нянька.

Охъ, бачыла! А такой гарной, якъ вы, ще не бачыла.

Гандзя.

Сидайте, няню, поговорымо. Болеславъ пишовъ, и мени страхъ якъ сумно стало видразу....

Нянька.

Ни, ясновельможна пани, не выпада мени пры васъ сыдиты. На васъ тилькы

гляне хто—заразь скаже що вы родылысь видь магната.

Гандзя.

А може, нянько, я и справди родылась видь якого князя, бо батька я свого не бачыла й не знаю, а маты моя, кажуть зь черкесивъ—воны гарни ще й теперь!

Нянька.

Хиба мало князивъ и магнативъ по Украйни? А колы маты гарна дуже, то бува всього... А потимъ—тільки маты знае, видь кого дытя мае.

Гандзя.

Теперь я зь вамы буду раз-у-разъ балакаты. Выбачте мени, що я вамъ дозояла, бо перше вы менчи булы омуь не до вподобы. Я, няню, стала дуже вередлива.

Нянька.

Пани вси вередливи.

Гандзя.

Отъ бачыте! Я не знаю, що мени робыть, чога мени хотить, и вередую!... А до того ще, признаюь вамъ нянько, я перше не знала, а теперь бачу, що вередувать дуже прыятно: вси слухають, вси больтся, вгадують думку и тымъ ще бильше прывчяють вередуваты.

Нянька.

Такъ, такъ, мое золото! А якъ вы вередуете, то ще кращи робытесь!

Гандзя.

И Болеславъ такъ каже.

Нянька.

И яка жъ то пани, колы не вередлива? Вы ще мало вередуете, ще не привчылысь, а отъ якъ пойдете у Варшаву... о, тамъ усъому навчытесь видъ пань вельможныхъ!

Гандзя.

Колы бъ уже мерщій въ Варшаву! Ажъ духъ захоплюе у мене—такъ кортыть бачыты магнативъ. *(Зъ одныхъ дверей входе Катря зъ кунтушемъ у рукахъ, а зъ другихъ раптомъ Грыцько).*

Я В А ІХ.

Ти жъ, Катря и Грыцько.

Гандзя *(до Катри).*

Ото, якъ довго ты барылась,—вже й гости йдуть... Ай! *(закрываетъ лице руками).*

Нянька.

Це той самый Грыцько, що тоди выкравъ у насъ Гандзю!

Катря.

Це братъ ін—я його знаю.

Гандзя *(одкрыла лице)*.

Грыцько, чы сонъ?

Грыцько.

Я думавъ, що ты такъ запанила, що й не пизнаешъ брата!

Нянька.

Може намъ выйты, ясновельможна пани?

Гандзя.

Идить. *(Катря и нянька вышлы)*.

Грыцько.

Ясновельможна?!

Гандзя.

Такъ. Я жинка вельможного пана полковныка Пыво-Запольскаго.

Грыцько.

И католычка?

Гандзя.

Католычка.

Грыцько.

Якъ же тебе земля держыть?

Гандзя.

Грыцю, ты сього не розуміешъ! Все наши козаки и посполити схызматы, а панська вира католыцька. Я теперь пани Пыво-Запольска и повинна статы католычкою.

Грыцько.

Забула козака, що жыття видавъ за

тебе, перевинчалась зъ ляхомъ, переминыла предкивську виру православну, зневажыла сымъ неньку стару и весь ридъ нашъ козачый! Зрадныця ты лукава, я тебе вырву звидсиль и будешъ ты знову наша Гандзя.

Гандзя.

Сього не буде вже николю.

Грыцько.

Буде!

Гандзя.

Ни. Слова твои, мій брате, не йдуть мени до серця,—я вже не Гандзя! Вы не вмили и не малы сылы боронить мене видъ тыхъ прыгодъ, яки дощемъ лылыся на мою бидну голову: шарпалы мене, якъ тварюку, зневажалы, перекидылы зъ рукъ въ руки, якъ непотрибный крамъ.

Грыцько.

Брешышь, вельможна пани! Я кровь свою для тебе не жаливъ и пидставлявъ не разъ скризъ голову мою... Зинько жъ жыттямъ за тебе заплативъ!

Гандзя.

И все то по дурному. Выслухай. Я никого не выную, не выновать же й ты мене!... Я знаю, що вы не малы снагы боротысь зъ сылою страшною; а ти, що сылу малы, завзялысь видать мене въ неволю и тилькы тишылысь моею вродою, не маючы въ души свой до мого серця жало

тягнулы хто куды хотивъ и не пыталы мене, чы хочу я того, чого вони хотять. Дорошенко славъ мене до турка на гостынець, Ханенко взявъ для себе и въ Билій Церкви, якъ у тюрми не вольныцю, державъ. А Болеславъ вырвавъ мене разъ, вырвавъ мене и вдруге видъ ныхъ, оточывъ роскошамы, пестывъ мене, якъ щырый коханецъ, окутавъ усю оксамытомъ та едwabомъ, обсыпавъ перламы й коралямы, пославъ пидъ ноги кылымы таки, що фарбамы своимы вбиралы въ себе мои очи!.. И въ голови, и въ серцеви, и въ очахъ у мене все переминылось... Я полюбыла роскоши, я покохала Болеслава и стала жинкою його! Теперъ життя мое—солодке раювання, кращого немає въ цилимъ свити, и я не забула все для нього, и такъ себе въ тимъ стани полюбыла, що не вернусь до васъ никола!

Грыцько.

Гадюка ты! Не сердце вильнее козаче б'ється въ твоихъ грудяхъ, а вередъ гнояный! У пазуси свойй тебе прыгрила наша маты, вильне степове повітря ридного краю выкохало твою красу на славу всьому роду, и ты все потоптала за ласощи панськи, а вони струилы мозокъ твій и сукровыци паганой, замисть козачой чыстои крови, въ сердце твое попорчене навмысне налылы! На ланцюзи тебе я потягну до-дому и потопчу въ багно твои уборы дороги!

Гандзя (*підбігає до вкна*).

О, ни! за цымъ вкномъ глыбокее провалля, на дни його чуть тилькы мріють гостри скели и я скоріше кынуся съ вкна на гостри скели ти, нижъ визьмешъ ты мене видъ мужа. Знай: пани Запольска уб'е Гандзю, щобъ не досталася никому, а вернеться мій панъ—уб'е тебе щобъ не знущався надо мною! (*Уласъ, Явтухъ и инши вносять тило Пыво*). Що це?

Я В А Х.

Гандзя, Грыцько, Уласъ, Явтухъ и ще козаки, потимъ Ханенко, Богаченко и козаки.

Уласъ (*укладаючи Пыво на турецькій канати*).

Горе тяжке, пани моя вельможна: поплыкалы до себе, якъ ридного, и зрадою поганою, зненацька вбылы пана нашого полковныка. (*Входе Ханенко зъ козакамы*).

Гандзя (*блжыть и нагынається до лжжа*).

Болеславъ!... Соколе ясный!.. не чуе... Мовчышъ? не одклыкаешся на голосъ мылои, погаслы на викъ ясни твои очи, погасла на викъ и моя доля! (*до всихъ*). О, будьте жъ вы прокляти, ворогы лыхи!.. Вамъ захотилося виднять мене видъ мылого, и вбылы разомъ насъ обохъ!

Ханенко.

Боже! що я чую: ты його кохала? Я не знавъ, що ляхъ ставъ тобі мылымъ; я

знавъ, що насылкомъ тебе видъ мене взято, и вызволить хотивъ зъ неволи! Гандзю, кохана, рыбка! Пробачь мени: я тебе кохаю бильше твого пана и все зроблю для твого щастя!

Гандзя.

Причь, душогубы! *(бизьить до вика, Грыцько хватае Гандзю за поперекъ, Гандзя зъ сылю штовхае його, винъ одшатнувся видъ неи).*

Уласъ *(стае мижъ Гандзею и Грыцькомъ).*

Не рушь—це наша пани, а то на мисци покладу *(выхлоплюе шаблю. Гандзя въ цей ментъ выскакуе на вика).* Пани наша люба! не губить себе, не стійте надъ безоднею, тамъ рухъ малый—и смерть! Мы не дамо васъ на поталу и будемо обороняты! Явтухъ, клычь козакивъ!

Гандзя *(зъ вика).*

Не оборонылы пана—не обороните й мене! Убылы мого мылого—и я не хочу жыть!

Грыцько *(до Ханенка).*

Тамъ за викамъ бескеття—вона кынется туды!

Ханенко *(робе ступинь до Гандзи).*

Гандзю, рады ненькы ридной зйды зъ вика!

Гандзя.

Не пидступай! Ты, наблыжаючысь, штовхаешъ самъ мене въ безодню, буде зъ

тебе *(показуе на Пыво)* одніей души! Дай мени волю, нехай сама я смерть прыйму видь себе!

Ханенко.

Гандзю моя любя, не губы себе! Його не вернешь, — ты моя сужена! Тикаймо заразъ мы за Днипръ въ зелени гаи, де пташкы, радисно щебечучы, насъ ждуть, де ненька тужыть за тобою, — тамъ забудешъ свое горе, и радистъ свитови дасы своею ты красою!

Гандзя.

Такъ! Туды, де церковця биліе на прыгорку, полыну заразъ я сама... у церковкы и въ матинкы прощення попрошу; вони не зли, якъ вы, вони простятъ за те, що я кохала! Болеславъ, коханий мій! Прощаюсь зъ твоимъ тиломъ, а душу твою, Болеславе, дожену и разомъ мы полынемо зъ своїмы скаргамы до Бога! *(крычыть)* Болеславъ, Болеславъ! Гандзя твоя летыть до тебе *(выкидається у вично)*.

Ханенко.

А-а-а!.. Погыбла!.. тамъ дна нема... Яка важка помылка: вона кохала, а я думавъ вызволыть іи зъ неволи видь нелюба и зруйнувавъ іи щастя!.. Скризь руина и руина!.. Тикаймо, тикаймо — у мене кровь холоне въ жылахъ! *(береться за голову й хутко йде у двери)*.

ЗАВИСА.

СУЕТА.

Комедія въ 4-хъ дѣяхъ.

(КАРТЫШЫ).

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Макаръ Барыльченко, багатый козакъ хлиборобъ.

Тетяна, його жинка.

Карпо, хлиборобъ.

Михайло, учитель гимназіи.

Петро, кандидатъ правъ.

Иванъ, пысарь въ запаси.

Васылына, скинчыла гимназію.

Явдоха, Карпова жинка.

Аделаида, Петрова жинка.

Наташа, Михайлова жинка.

Сорокотысячниковъ, слепой генералъ, батько Наташи.

Домыдъ Короленко, сельскій учитель.

Терешко Сурма, багатый козакъ, хлиборобъ.

Матюша, сынъ його, 12 литъ.

Сергій Гупаленко, багатый козакъ, хлиборобъ.

Тарасъ Гупаленко, небижъ його, унтеръ-офицеръ.

Анила Акиловичъ, помошныкъ классного наставныка.

Тарабановъ, поваръ

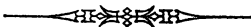
Паша, кухарка

Дарына, покойовка

Официантъ

Диты Макара Барыльченка.

у Михайла Барыльченка.

Дія І.

Середина хаты багатого козана. Дыванъ турецькій, два кресла, виденськи стильци, зеркало, столы, закрыти гарными скетернами, биля дывана великый домашній нылымъ, на помости пидъ заднею стиною гарна кована скрыня, пидъ другою шафа зъ книгами.

ЯВА І.

Явдоха и Тетяна.

Тетяна. *(Розглядає. По звыли).*

Гарно. Тутъ буде Михайло спаты, а Петю мы покладемъ у себе. Отъ и все... Кинчай же, моя голубко, прыборку, та прыходь у стару хату—поможешъ варыты обидь, бо на Васылыну мала надія, ничого не тяме: ни спекты, ни зварыть! И чому ихъ тамъ учать у тыхъ гимназіяхъ?.. Не знаю куды пишовъ старый; ты не бачыла?

Явдоха.

Воны зъ Карпомъ пишды подывытысь на синокось.

Тетяна.

Якъ що сюды зайдуть, то скажы, моя дытыно, батькови, щобъ винъ не бавывся,—

нехай йиде на вокзалъ, бо вже скоро прыйде поиздъ.

Явдоха.

Та де тамъ, мамо, скоро! ще рано! Поиздъ прыходе въ другій години.

Тетяна.

Краще нехай винъ пидожде на вокзали, нижъ мають диты его ждаты. Я жъ пиду (*На пороги*). Прыходе же, моя голубко, мерщій. (*Вертається*). Борщъ буде зъ курятыною, смажене порося, вареныкы запечени въ сметани и кисиль... Якъ ты думаешъ, може ще що прыбавыты?

Явдоха.

Доволи, мамо; хйба Петро и Михайло зъ голодного краю?

Тетяна.

Воны жъ, мои соколы, учени, паны: треба прыняты ихъ гарно.

Явдоха.

Хочъ бы воны були й генералы, такъ все одно ваши диты.

Тетяна.

То-то бо й е, що генералы... Мы прости, а воны будуть генералы... Маты Божа, якъ радисно! Я жъ пиду. Заразъ Пархымъ заколе порося... а яке, дочко, заколоты: чи чорне, чи биле?

Явдоха.

Нехай биле—легче патрять.

Тетяна.

И справди. А двоухъ курей на борщъ доволи?

Явдоха.

Доволи одніи, мамо! Куры сыти, та ще саломъ гарно засмажымо, той буде такой борщъ, якого вони нигде не йлы!

Тетяна.

Ну, добре! *(Иде, вертається)*. Ще-жъ печерыци е, спасыби Карпо доставъ. Чи ты не памьятаешъ, якъ Михайло ихъ робывъ?

Явдоха.

Милко посикты и скилько печерыць, стилько й цыбули насикты—змишать, та зъ масломъ и сметаною запекты; а якъ будутъ готови, тоди вбыть тры крапанкы.

Тетяна.

Такъ, такъ! Михайло чудово ихъ робыть *(Иде)*. Приходь же! *(Выйшла)*.

Я В А II.

Явдоха и Васылына.

Явдоха. *(Спиваючи тыженько писню, достаетъ зъ скрынѣ и стелыть на стинку турецького дывана гарный рушныкъ, а пославшы, видходить до середнихъ дверей, лобуеться. Влоде тыго Васылына и стае поручъ зъ нею)*.

Ай!

Васылына.

Ха, ха, ха! Якъ у тебе гарно!

Явдоха.

Ты все на штукахъ, увійшла такъ, що я й не чула!

Васылына.

Мы у гимназїи разъ-у-разъ выгадували яки небудь фыгли—щобъ посміятысь. Особливо на урокахъ старенького Скруфе!.. Бидный, старенький, що тилько винъ терпивъ видъ насъ, ажъ жаль теперь!

Явдоха.

И оттаки здоровули, якъ ты, пустувалы?

Васылына.

А то жь!

Явдоха.

Я бь на мисти того старенького приходила зь трійчаткою, та якъ бы одлупцювала одну—другу, то пересталы-бь пу-стувать!

Васылына.

Ото яка ты сувора! Не дай Богъ, щобъ таки булы учителя: дытячи жарты, щобъ посміятысь трохи, тай годї, а ты заразъ дупцювать. *(Розглядає рупникъ).*

Явдоха.

Хиба вы диты? Таки дивули, що за-мижъ пора!

Васылына.

Замижъ?! Ха, ха, ха! Ты думаешъ, що тамъ такъ якъ на сели: вси тилько про замижъ думаютъ... А гарный який рушныкъ! Тилько мини не подобається чорне зъ червонымъ. Якъ бы замисць чорного сыне, той очей бы не одвивъ.

Явдоха.

А я люблю чорне зъ червонымъ.

Васылына. *(Роздвляється и безъ сливъ однимъ голосомъ тыхенько выспивуе популярный мотивъ изъ оперы).*

Ни, чорне смутокъ наганя, а сыне—веселить око! *(Настивуе веселе изъ оперетки).*

Явдоха.

Туть и чорне и червоне рядкомъ, якъ смутокъ и радости идутъ рядкомъ въ жытти!

Васылына. *(Идспивуе веселый мотивъ).*

Я люблю тилько веселе! Цуръ ему тому смуткови!

Явдоха.

Мало якихъ дурищивъ чоловикъ не любить?.. А якъ бы не було смутку въ жытти, то люде не знали бъ ни веселощивъ, ни радощивъ! Тильки черезъ те, що смутокъ е, радости, та веселоци люби чоловикови.

Васылына.

Може, може! И справди, якъ бы цилый день раз-у-разъ спиваты та танцюваты, то

мабудь бы обрыдло! Ей Богу, Явдохо, ты фылозофъ!

Явдоха.

Що то ще за фылозофъ, скажы, будь ласка? Я чула це слово не разъ видъ свого Карпа.

Васылына.

Та цурь ему!.. Я не вмю розказать. *(Пидстивуе).*

Явдоха.

Оттакои!.. Учылась 8 литъ и не знаешъ, що то за фылозофъ! На вищо-жь говорыть, колы не знаешъ?

Васылына.

Та це трудно розказать... це... це... Якъ бы тоби сказать?.. Ну, такый дуже розумный, мудрый чоловікь!..

Явдоха.

А я думала, що це дурень! Терпять не можу такихъ сливъ, що не можна знаты, що воно!.. Карпо, якъ скаже иноди таке слово,—то я ажъ сердюсь. Не говоры, будь ласка, мини ученихъ сливъ!

Васылына.

Ну, добре, добре! Я й сама ихъ мало знаю. *(Пидстивуе веселе).*

Явдоха.

Чого це ты сегодня на одній нищци скачышь?

Васылына.

Мени такъ весело, такъ весело, що прыидуть учени интеллигентни браты...

Явдоха.

Отъ ты и знову вперла якесь слово, що й не выговорю! Будь ласка, не говори такихъ сливъ, бо я ихъ терпить не можу.

Васылына. (*Сміючыся, цилуе Явдоху*).

Не буду, не буду!

Явдоха.

Колы ученый чоловікъ отаки слова говоритъ простій людзини, то винъ дурень!.. Отъ мини подобається Иванъ, винъ никола такихъ сливъ не говоре.

Васылына.

Бо не зна!.. Недоучка! Чотыри місяци, кажуть, лежыть и за холодну воду не визьметься.

Явдоха.

Щось дума. А винъ розумный и добрый! Мало говоритъ, а розумный.

Васылына.

Де там!.. Линовый, зовсимъ не учывся... Отъ браты: Михайло, Петро—учени, а якъ учени, той розумни.

Явдоха.

Ты цего не говори. Карпо каже: що на свити богато е ученыхъ дурнивъ.

Васылына.

Не повирю, що бь ученый бувь—дурень!..
Отъ у тебе гарно тутъ, якъ у виночку. Ха-
та нова, тры кимнаты, комора и пекарня; а у
насъ хата старомодня, на дви половыны, стеля
нызенька, доливку треба мазаты мало не щод-
дня, а тато не хотять новой ставыты.

Явдоха.

А на вищо даремно втрачатись?

Васылына.

Добре тоби казать даремно, колы вамъ
поставылы нову хату! А у насъ... Отъ пры-
идуть браты, то нигде й спаты покласты.

Явдоха.

Будуть тутъ спаты. Це жь я для ныхъ
прыбираю кимнату.

Васылына.

Ну, Петро хочь и скинчывь науку, та
ще, можна сказать, студентъ—де покладешь,
тамъ и спатыме; а Мыхайло скоро буде
статскій совитныкъ, треба-жь его прынять
достойно!

Явдоха.

Хиба воны, думаешь, тутъ довго будуть?

Васылына.

А зь мисяць.

Явдоха.

Николы въ свити! Грошей попросятъ,

тай подадутся въ городъ! Воны и перше, на каникулахъ тутъ послидни годы не жылы, а то що бѣ теперь... де вже тамъ! Ученыхъ дитей не вдержышь биля невченыхъ батькивъ. Имъ тутъ нудно буде: день-два, тай повтикають!

Васылына.

А знаешъ, сестро, ты правду говорышь! И я вже нудюся!

Явдоха.

Сыдить безъ дила нудно!

Васылына.

А все такы, я думаю, якъ бы у насъ бувъ такой будынокъ, де можна бѣ гарно розмистытысь, що бѣ кожному окремна кимната, що бѣ ниhto не заважавъ, то воны-бѣ тутъ довше побулы.

Явдоха.

А хто жъ имъ буде заважать: у насъ будутъ спать, у батькивъ обидать. По обиди, захотивъ, выконныцю зачынывъ—спы; а вечеромъ, по холодку на проходку—такъ, якъ и въ городи!

Васылына.

Ой, тисно, тисно у насъ...

Явдоха.

Ще жъ то не жонати, та вже тисно; а якъ поженяться на такихъ панянкахъ,

що й ни прыступу, тоди вони и носа сюды не покажуть.

Васылына.

А вже жь! Треба строить нови, велыки горныци—це не прости люде, що якъ нема де въ хати, то лигъ у клуни, або на двори;—такихъ дитей не можна прыймать у прадидивськїй мужычїй хати.

Явдоха.

Що жь? Заложыть землю у банкъ, та построить для прыизду ученыхъ сынивъ палаць—саме по хозяйськи!

Васылына.

Отъ ты вже на смихъ мене пиднимаешъ; а хиба жь я не правду кажу?

Явдоха.

Бо й справди сміюся! Якъ же не сміятись? Для чого ставыты братамъ будынокъ, колы вони тутъ жыты не будутъ? А отъ якъ ты выйдешъ замижъ, та будешъ тутъ зъ чоловикомъ жыть, то тоби поставлять гарну хату, кращу ніжъ у насъ.

Васылына.

Колы це буде! Я ще на курсы поиду учытысь.

Явдоха.

Выгадай! Буде вже учытысь, пора замижъ! Отъ въ осены вертається зъ Петер-

бургу Гупаленко: багатый, 1000 десятинь у батька, гарный якъ намалеваный, и унтеръ-оффицеръ, кажутъ. (*Васылына рече*). Чого рогочешь? Я чула, батько его хоче тебе сватать за Тараса—его Тарасомъ звать.

Васылына.

Чудово, Чудово! Унтеръ-оффицерша! Ха, ха, ха!

Явдоха.

Не хочешь за Гупаленка, такъ Демыдъ Семеновичъ, якъ зачуче, що ты вже скинчыла гимназію и дома, заразъ и зьявытьця тутъ.

Васылына.

Пхе!.. Сельскій учитель!

Явдоха.

А ты хто? Не пхекай краще! Ну, Гупаленка я не знаю, чула тилько, що красывый, а Демыдъ, такъ и пошукать такой пары: гарный, молодой, хорошего роду и закоханный у тебе. Чого тоби ще треба? (*Влоде Иванъ въ мундыри старшого писаря*).

Я В А III.

Ти жъ и Иванъ.

Иванъ.

Можна до васъ на постой?

Явдоха.

Заходьте, заходьте!

Иванъ.

У насъ •таки прыборы йдутъ, якъ передъ прыздомъ корпусного, нигде и прымостытысь. Васылыно, тамъ мама тебе шукае.

Васылына.

На вищо?

Иванъ.

А я знаю? Пыталы мене, чи не бачывъ, такъ я догадуюсь, що шукають.

Васылына.

А, Господы! Знову заставлятымуть що небудь робыть коло обида, а я ничогисенько не тямлю.

Иванъ.

Учысь.

Васылына.

Самъ спышь, а другимъ раешъ робыть... Пысарь!

Иванъ.

Старшый пысарь корпусного штаба.

Васылына.

Важна птыця. (*Выйшла*).

Иванъ (*Въ с.идѣ*).

Саме по гнизду сыныця!.. И вы тутъ прыбираетесь, якъ на смотрь.

Явдоха.

А якъ же! Гости важни будуть.

Иванъ.

Суета!.. Чи нема сирнычка?

Явдоха.

Онъ на столи. Тилько не смитить, Иване, складайте попилъ у ту мысочку, а то вы завжды все кыдаете куды попало.

Иванъ.

Колы е мысочка, то можна у мысочку... Гарный дыванчыкъ. Колы це купылы? (*роскуют*).

Явдоха.

На цыхъ дняхъ.

Иванъ.

А полежать на нему можна?

Явдоха.

Де жъ такы! Бога бійтесь!.. Нова канашка, а вы зъ ногамы...

Иванъ.

Не можна—не можна!.. Я у васъ нароблю цыгарокъ, а потимъ пиду у леваду, тамъ на трави полежу. Трава тыха, якъ и я: мны скилько хочышь—мовчыть.

Явдоха.

А васъ же хто мне?

Иванъ.

Жыття!

Явдоха.

Бо кажуть, вы сами вынни...

Иванъ.

А?.. Вынень?.. Може! Знаете, занадто вже багато судцивъ: куды не гляну, судію побачу! А може жъ и судди вынни!.. Вынень? Ха! А въ чимъ моя вына? Въ тимъ, що я пысарь, а не генераль...

Явдоха.

Я кажу те, що чула.

Иванъ.

Знаете, Явдохо, вы розумна людына, и не прыстало вамъ за другымы, якъ сороци, говорыть пусти слова!... Есть люде, що викъ працюють, жыття творять,—це вашъ чоловикъ Карпо, мій братъ,—падаю ныць передъ нымъ; есть люде, що все свое жыття изъ пради другыхъ забирають и ничего въ жыття людське не кладуть,—це браты мои: Михайло, Петро,—и зъ ными носятця, якъ зъ пысаною торбою... Суета!... Я жъ попавъ на корабель непевный, корабъ розбыто и выкынуто мене на берегъ, я обмокъ, замерзъ, сушусь и гріюсь, а вси крычать: ледащо! Пидождить! Дайте обсохнуть и нагриться!

Явдоха.

Я ничего не кажу. Грїйтесь и сушитесь. Карпо те жъ не сердыться на васъ, а батько...

Иванъ.

Э... Суета! *(На двори чуты голосъ).* «Якъ запряжемъ, тоскажымъ». *(Иванъ робе цыгарки на заднимъ плани.)*

Я В А І V.

Ти жъ, Макаръ и Карпо.

Макаръ.

Добры-день, Явдохо!

Явдоха.

Добры-день, тату, зъ недилею будьте здорови *(Цилуе его въ руку).*

Макаръ.

Спасыби, дочко! А Иванъ у будень спыть, а въ свято за работою.

Иванъ.

За цыгаркамы.

Явдоха.

Пиду жъ я ще, поможу мами обидь варыть. *(Выйшла).*

Макаръ. *(До Карпа).*

Такъ мени радисно, сыну, на серци, що я и сказать не можу! Якъ ты прочытавъ учора мени телеграмъ, що сьогодни прыидуть наши учени, то я цилу ничъ не спавъ, а въ ранци, до схиць сонця, вставъ, хожу по

левади та одно думаю: якъ то Господь благословывъ мои труды, помигъ намъ зъ тобою повчыть дитей и пиднять свій ридь!.. И все то дякуючы твоій праці, сыну! Теперь учи своихъ дитей, якъ учывъ бративъ, и Богъ тебе благословить видъ щедротъ своихъ, бо ты, сыну, заслужывъ за свои труды и видъ Бога и видъ лыдей хвалы! Теперь, сыну, намъ лекше буде, всихъ вывелы и возвелы въ люде!.. Мени Михайло торикъ казавъ, що не забаромъ буде статскій совитныкъ—це все одно що генераль...

Иванъ.

Лубьяный...

Макаръ.

Що?

Иванъ.

Палычка оця. *(Показуе ту палычку, що робить цыгарки)*. Неначе деревяна, а якъ прыдывывся, то вона зъ лубка.

Макаръ.

Його палычка цикавыть!.. Васылына або учителькою буде, або помагатыме матери въ хазяйстві; а учена дивчына и пару соби прыстойну знайде. Отъ Гупаленкы ждуть сына зъ службы въ осены и переказувалы, що хочуть сватать Васылыну. Люде багати... Петро—кандидать правъ! Выходить, мае вси права... Все права! Не абы що—юрыста! И чыны посыплються на чоловика, и гроши

покотяться въ кышени; повирени добре заробляють!

Иванъ.

Нехай ще покандидатуе спершу.

Макаръ.

Це жъ не пысарь? Кан-ди-дать!

Иванъ.

На канцелярыста!

Макаръ.

Ты бѣ оглянувся на себе: четвертый мисяць въ запаси, четвертый мисяць лежышь, та спышь...

Иванъ.

Я не сплю, я думаю: якихъ правъ я кандидатъ, и яку роботу мени робыть.

Макаръ.

Пора вже щось и выдумать.

Иванъ.

Це не такъ легко: дуже довго про себе ничего не думавъ. Пять литъ була готова одежда, ложка, мыска, кватыря, а теперъ обернувся назадъ, якъ въ тумани все манячыть—ничого не розберу... Заглядаю впередь, въ далеку далечинь—ничого не бачу. И отъ лежу та думаю: що його робыть! Скризь хвылюе «море жытейське», а мій човенъ безъ весель и безъ стерна:

куды и якъ мени пливты, и чымъ мени гребты, тай до якого берега прычалыты?

Макаръ.

Зъ тебе бувъ бы добрый кумедіянщыкъ, ей Богу!

Иванъ.

Таланъ бачыте, чи що? Мени це кажутъ вси, та я боюся своего талану...

Макаръ.

И все на шуткахъ! Змалку и до сього часу кумедію якусь прыставляешъ! то въ Амерыку чогось тикавъ; то черезъ голову перекидыався, якъ млынокъ; то на ходуляхъ ходывъ; то пыщавъ цвиркуномъ, та свыставъ соловейкомъ, учителямъ языка показувавъ, а теперь лежышь и думаешъ!.. Хочь бы соловейкомъ свыставъ, однаково у насъ соловейкывъ капосни коты поилы.

Иванъ. *(Сміється)*.

Забувъ на лыхо, а то бъ я вже васъ розважавъ.

Макаръ.

И вся твоя беда въ тыхъ кумедіяхъ, черезъ ныхъ и вчывся погано!

Иванъ.

Чого жъ погано? Въ четвертимъ класи, на другый рикъ, мавъ всього на всього тилько чотыри двойкы.

Макаръ.

Мало.

Карпо. *(Смѣется).*

Чудакъ!

Макаръ.

А черезъ що ти двойкы?.. На каникулахъ бы учиться, братъ же Михайло вже бувъ въ университети, показавъ бы; а винъ зализе въ бурьянъ, тай цвирчыть цилый день цвиркуномъ. А у вечери въ дерези свыстытъ соловейкомъ—шукай його, щобъ учывся.

Карпо. *(Смѣючысь).*

Мы зъ Явдохю, бувало, слушаемъ цилый вечеръ Ивана, думаючы, що справи спива соловейко... Ловко свыстивъ.

Иванъ.

Не безъ корысти время проводишь.

Макаръ.

Ну, ще соловейко, то хочъ приятно; а що вже той цвиркунъ мени наобисивъ, то страхъ! Цвиринъ тай цвиринъ, а де воно цвиринька, не розберешъ... А то знову по театрахъ лыха година носыла, та ще не абы якъ, а въ бороде зъ вусамы!.. *(Смѣется).* Кумедянщыкъ, настоящий кумедянщыкъ! И смихъ и горе!

Иванъ.

Отъ прошле время, а ей Богу я въ

гимназіи меньше пустувавъ видъ другихъ; тилько, якъ той казавъ: велькымъ гришныкамъ дурно все проходить, а малымъ такого бешкету задають, що й на старість буде въ пам'ятку. Якивъ Яешня, що дня начиплявъ бороду и навить въ театральнимъ бухвети; для штуки знакомывся зъ нашимъ надзырателемъ, курывъ зъ нымъ, частувавъ его горилкою—и ничего! А я одынъ той разъ начепывъ бороду—и піймався.

Карпо.

Мабудь погано начепывъ, не уміючы?

Иванъ.

Та ни, добре начепывъ! Тилько знаешъ, скучне щось гралы, я давай крычать цвиркуномъ... Въ театри смихъ—я ще дужче. Десяцьки почалы шукать цвиркуна межъ слухачамаы, одынъ шельма прислухався и пидійшовъ ззаду. Я не бачывъ, и тилько що зацвирчавъ, а винъ мене за рукавъ, почавъ тягнутъ, я его штóвхнувъ, винъ упавъ и промовывъ: держить цвиркуна! Тутъ пидскочыло ще два и потяглы цвиркуна зъ театра. Я почавъ борыкатысь, хотивъ утикты, а одынъ піймавъ мене за бороду тай одирвавъ. Спершу злякався, думавъ справжню бороду одирвавъ чоловикови, а потимъ розибравъ дило, и потяглы мене на нызъ, а тамъ якъ разъ курывъ нашъ надзыратель Шпигановскій. Побачывъ. «Піймалысь, каже,

господынъ цвиркунъ»! А я ему языка пока-
завъ...

Макаръ.

Доцвиринькався! *(Все сміються. Входе Васылына).*

Я В А V.

Ти жъ и Васылына.

Васылына.

Тату! Кони вже запряжени и мама
сердяться, що вы не идете на вокзалъ за
братамы; кажутъ, що вы опизнытесь.

Макаръ.

Та все черезъ цего цвиркуна. *(Бере шапку).*

Иванъ.

И тутъ я виненъ—отакъ усе!

Макаръ.

Треба поспишати, що бъ не опизнытсья.
(Выйшовъ).

Карпо.

Та ще рано!

Иванъ.

И охота татови самому ихать на вок-
залъ... Тутъ всего дви версты.

Карпо.

Радъ, що такихъ дитей диждався.

Иванъ.

Щастя, що батько тебе диждався, а то все суета!

Васылына. *(Обнима Карпа)*.

Братику, мени треба купыть новеньку шляпку, бо у мене стара, нема въ чимъ питы до церкви.

Иванъ.

Чого жъ тилько шляпку? По моему, то треба и рукавичкы, и модне плаття, и мантыльку, и зонтыкъ.

Васылына.

Ну, а якъ же? Висимъ литъ носыла въ городи шляпку, а теперъ що мени надить? Не вже запаску?

Иванъ.

На голову? Де жъ такы!

Васылына.

Крупа!

Иванъ.

Ха, ха, ха!

Карпо.

Ты жъ перше не ходыла дома въ шляпи, а теперъ якъ нарядыся по городському, то будуть люде сміятыся, пальцямы тыкать!

Васылына.

Та якъ же мени одягатысь?

Карпо.

Якъ уси багати хазяйськи дочки нашої околыци.

Васылына.

Въ запаску?

Иванъ.

На голову?

Васылына.

Крупа!

Карпо.

Одежа повинна одповидать становыщу, въ якимъ чоловікъ живе, а я не знаю, чымъ ты хочешъ быть: чи хазяйською дочкою, пры батькови, пры матери, пыльнувать господарства, чи може учительскою будешъ...

Васылына.

Я хочу учытысь, я хочу ликаремъ быть.

Иванъ.

И будешъ вышысувать на одну бородавку кварту азотной кислоты.

Карпо.

Я не знаю, якъ батько; а я не згоденъ. Я васъ повчывъ, а теперь пора своихъ дитей учить.

Васылына.

Хиба ты насъ учывъ?

Карпо.

Спытай батька.

Васылына.

Земля батькова, то батько и учывъ
усихъ.

Карпо.

Спасыби, що оцинувала мою працю.

Иванъ.

Земля сама не годуге, треба працювать
биля неи.

Васылына.

Обизвався працевытый!

Иванъ.

Карпо одынъ робе, а мы пороззявлялы
роты, якъ каликы, тай крычымо: дайте,
не мынайте!

Васылына.

Може ты калика, а я ни!

Иванъ.

А що жъ ты робышь, чымъ ты одри-
зняеся видъ мене?

Васылына.

Я висимъ класивъ скинчыла, а ты що?

Иванъ. *(Вытягуется).*

Старшый пысаръ корпусного штаба.

Васылына.

Ха, ха, ха! Велыкый чынъ! *(Ходит по хатѣ).*

Иванъ.

Дило не въ чыни, а въ начынци! Отъ

визьмы порбся: що воно—свѣня, а начыны його доброю начынкюю, дуже смашна штука! Такъ и людына... Ты думаешъ, якъ я пысарь, то на мене можна пхекать? Помыляесся! За ци пять литъ я стилько прочытавъ добрыхъ кныжокъ, що тоби й не прыснуться; и горя набрався и де чому навчывся такому въ суворій школи жыття, — чому нѣяка школа не навчыть.

Васылына.

Бачу, що ты научывся базикать.

Иванъ.

Слухай, Васочко! Мы все балакаемъ зъ ножа: остро та уразливо; такъ не годытьця! Давай будемо говорити, якъ братъ зъ сестрою.

Васылына.

Говоры. (*Сила*).

Иванъ.

Выною всему наше выховання, и я розумію, що тоби не легко помырытысь зъ тымъ станомъ, зъ якого выйшла и куды тебе фортуна тягне сыломиць назадъ.

Васылына.

Нихто мене не може прысылувать жыть на хутори.

Иванъ.

Не въ сыли дило! Ты хочешъ быть

ликаремъ,—це хороши мрії; а чи можешъ ты быть ликаремъ, про це и недумала! Не кожнѣй художникъ—художникъ, не кожнѣй пысьменникъ—пысьменникъ, не кожнѣй ликаръ—ликаръ: скризь нуженъ таланъ! Це перше всього. А друге—ты не довчыся, бо це не легко... Тилько марно згаишь часъ.

Васылына.

Що-жъ то я така дурепа.

Иванъ.

Сама середня людына.

Васылына.

Для чого жъ мене учылы въ гимназіи?

Иванъ.

Щобъ не ходыла у тьми, а въ свитли, щобъ розумница була!

Карпо.

Щобъ була въ помичь матери; а выйдешъ замижъ, щобъ була хорошою доброю жинкою своему мужу, освиченною матирью своимъ дитямъ.

Васылына.

Ха, ха, ха! Жинкою! Матирью!.. Ха, ха, ха! Для цего не треба було кинчать 8 класивъ. А теперь за кого я пиду? Для сусиднихъ нашихъ козакивъ—я и багата и учена, побоятся навить сватать, та я и

сама не пиду за неосвиченого гречкосія; для освиченого чоловіка инчою верствы—я бидна и простого роду, такий мене не визьме. А будь я ликаръ...

Иванъ.

То сама бь женылась?

Васылына.

Видчепысь! Що вы мене замижъ виддаете? Я—не хочу замижъ.

Карпо.

Нихто жь тебе не сылуе замижъ, це такъ говорыться, до речи... Ты маешь права учителькы—учы.

Васылына.

Вь сели?... Де кримъ протывныхъ дитей, ни одной освиченой людныны нема? Ни до кого слова сказать, ни зь кымъ душу одвесты (*Кризь слезы*). Ни оперы, ни театра!.. (*Плаче*). Учылась, учылась, и на-тоби! Сыды на хутори, глечыкы мый! Охъ, нещасна я людына, для чого дивчыною родылась? Браты Петро и Михайло будутъ жыть у городи, середь пидходящего громадського жыття, а я? Хочь зь мосту та вь воду! (*Выйшла*).

Я В А VI.

Карпо и Иванъ. (*Мовчать*).

Иванъ. (*Ходе по хати*).

Бидни, нещасни люде: вырвуть мале дытя зъ сельского грунту и пересадятъ на инчий. Помалу, помалу, воно тамъ кориння пускае. Садовныкы його обрижутъ и заставлятъ росты такъ, якъ имъ здаетця що воно гарно, и выходить калика, покручъ—гилямъ внызъ! Отъ и мы: вси покручи! Видъ мужыкивъ видсталы, до панивъ не прысталы!..

Карпо.

То ще не беда, що до панивъ не прысталы, а беда що видъ села, та видъ людей своихъ, та видъ земли видсталы!.. Нещасна земля, гирка твоя доля! Тикають видъ тебе освичени на твои достаткы диты и кыдають село у тми... Хочъ задушить-ся тутъ—нема имъ дила. Вони чужи намъ, а мы имъ. Забралы все, що можна, видъ земли, выснажылы гречкосія и покынулы! А ни ликаря, а ни ученого хазяина, а ни доброго адвоката—никого нема въ сели! Тилько вывчывся: прощай батькивська стриха, прощай село на вики!

Иванъ.

Выходытъ: и не учыть—погано, и учыть—погано?..

Карпо.

Ни, треба учыть, тилько не такъ.

Иванъ.

А якъ по твоему?

Карпо.

Чого ты одъ мене захотивъ, есть розумнищи—нехай вони прыдумають.

Иванъ.

Наврядъ! Отъ и я: покручь, калика, и живу у тебе на шыи! Ты не сердься на мене, що ничего не роблю—я скоро визьмусь за дило.

Карпо.

Одпочывай, одпочывай! Думаешь, я не розумію, що ты утомився и тиломъ и душею? Розумію! Я радъ, що ты вернулся въ доброму здоровьи, бо признаться тоби, дуже боявсь, що бъ ты не попалъ въ дистиплиментарный баталіонъ.

Иванъ.

Ха, ха, ха! А що ты думаешь?.. Диты въ загали не розуміють, що вони роблять и чого хотятъ. Часто це бувають оригинални натуры, вони не мистятця на тимъ прокрустовимъ ложи, на яке ихъ кладуть, ну и пропадаютъ... Добре, що я въ свій часъ зрозумивъ, що мени треба обривать свое сердце—и раптомъ переминывся!...

Карпо.

Слава Богу!

Иванъ.

А все жъ такы стою на раздоризжи, и якимъ шляхомъ иты—не знаю. (*Входе Демидъ.*)

ЯВА VII.

Ти жъ и Демьдъ.

Карпо.

Демьдъ! Здорови булы! (*Цилуются*). Ду-
же радъ васъ бачыты.

Демьдъ.

Якъ поживаете?

Карпо.

Спасыби! Жывемъ середъ природы, здаеть-
ся—натурально! Що дня бачимо, якъ на
свить благословляеться, якъ сонечко сходьты,
цилый день працюемо и утомлени разомъ
зъ сонцемъ одпочываемо.

Демьдъ.

Радисно и мыло такъ жить (*Лизнае Ивана*).
Иванъ?

Иванъ.

Пысаръ корпусного штаба въ ~~запаси~~.
(*Обнимаются*).

Демьдъ. (*Дывитья на Ивана*).

Ой, якъ же ты переминывся! Ледве
пизнавъ, а бильше догадався!.. И поглядъ
не той, не веселый... Що-жъ поробляешъ,
давно вернувся?

Иванъ.

Чотыри мисяци якъ вернувся и весь
цей часъ лежу та думаю: що робыть? А
ты учытылюешъ?

Карпо.

А якъ же, выпускае неграмотныхъ грамотивъ у свить.

Демьдъ.

Ну, вже й не грамотныхъ.

Карпо.

Самъ, братъ, учився у сельскій школи, на экзамени чытавъ, не розуміючы ничего: „На берегу пустынныхъ волнъ, стоялъ онъ думъ великихъ полнъ“! А черезъ два roky зробився неграмотнымъ!.. Нема чого чытать, а найгирше, що не розуміешъ того, що чытаешъ... Ну й покинувъ, ну й забувъ.

Демьдъ.

Одначе у васъ онъ чудова бібліотека, а поговорышь зъ вами, то думаешъ, що вы skinчылы выщу школу.

Карпо.

То вже якъ браты, почалы учытысь въ гимназіи, такъ и я зъ ихъ помпчыю почавъ наново учытысь и отъ за пятнадцять литъ мало—по малу зробився грамотнымъ!.. Стривайте, якъ же це? Вы жъ мени казалы, що поидете на учительски курсы.

Демьдъ.

Я и прыхавъ на курсы.

Карпо.

Де жъ тутъ курсы?

Демыдъ.

У васъ. Я прыхавъ повчытысь.

Иванъ.

Хиба и ты вже грамоту забудь?

Демыдъ.

Ха, ха, ха! Прыхавъ поучытысь хлиборобству.

Карпо.

Жартуете?

Демыдъ.

Ни. Щиро кажу. Додумався до одной идеи... Бачыте, учытелювать въ сельскій школи и не працювать бия землі—прямо такы грихъ! Подумайте: я щорично пять мисяцивъ ничого не роблю въ школи. На вакаціяхъ учытели здебильшого роблятыся актерами и грають препогано аматорськи спектакли, а я хочу завесты маленьке зразкове хазяйство на трехъ десятынахъ и думаю згодомъ, колы мое хазяйство пиде добре, подать у земство проэктъ, щобъ пры кожній школи було таке хазяйство, де бъ диты бачылы, якъ треба землю оброблять, що бъ не дряпалы ін, якъ дряпають батькы, безъ системы.

Карпо.

Чудово! Дило! Хороше дило! Идея золота! Тилько вамъ треба буде самому вся-

ку роботу робыть, бо на малому хазяйстві не можна наймытивъ держать.

Демыдъ.

А, звычайно! Звычайно самому, для того й прыхавъ, що бь робыть.

Карпо.

А на якый строкъ?

Демыдъ.

Я думаю, що до Семена вси работы пройдутъ передь очыма и скынчатся.

Карпо.

Певно. Дуже радъ, дуже радъ такого робитныка мать. То я вамъ заплачу въ строкъ до Семена по висимъ карбованцивъ въ мисяць, на моихъ харчахъ.

Демыдъ.

Що?

Карпо.

Мало? Така цина—бильше не дамъ!

Демыдъ.

Я не розумію, за вищо вы хочете мени платыть якъ строковому?

Карпо.

Що бь работа була справжня и що бь вы булы справжнимъ робитныкомъ—инакше ничего не буде! Пры цій тилько умови вы

навчытесъ и побачыте: чи можна такъ зробыць, якъ то вамъ теперъ здаецца, чи це тилько ти благи бажання, якымы вымощено пекло.

Демьдъ.

Ну, знаете... Я, ей Богу, не знаю, що сказати! Це... це... Вы неначе хочете посьмятысь, стати на перешкоди...

Карпо.

Бороны Боже! Скажыть мени щыро: вы хочете робыць, чы такъ тилько розважатысь до схочу?..

Демьдъ.

Робыты!..

Карпо.

Ну, а за роботу платяты! Якый же вы будете робитныкъ и яке у васъ буде зразкове хазяйство, колы вы будете робыць до схочу—це буде химера, а не праця! А отъ колы я вамъ заплачу и вы визьмете на себе обовязокъ справжнього робитныка, то це прывчыть васъ до робочой дысцыплны и писля строку у васъ передъ очыма буде ясна стежка, вы не будете себе обманювать, а певно знатымете: куды прыведуть васъ ваши хороши жаданья...

Ивань.

Правда! Дило! У кожнимъ слови жыттева правда: прывыкнуць до робочой дысцы-

плины! Це не слова, тутъ зразу побачышь, чи ты годыся на дило... Робоча дисциплина... Важна ричь! Куды бь молодой чоловікъ свій путь не направывъ—скризь робоча дисциплина поможе стать на тверди ноги! Робоча дисциплина!.. Це слово зразу перевернуло мене... Я наймаюсь до тебе въ строкъ до Семена. Приймаешъ?

Карпо.

Зь радистью!

Иванъ.

Ставь могорычъ!

Карпо. *(Сміється)*.

За обидомъ выпьемо: и по случаю приизда бративъ, и могорычъ.

Иванъ.

Ху! Неначе лантухъ писку лежавъ довго на плечахъ и раптомъ зсунувся, такъ легко стало! Робоча дисциплина—чудове слово! За що не визьмысь, безъ ціей дисциплины ничего не зробішь! Ну теперь и я чоловікъ—хочъ и строковый!

Демьдъ.

Ну, якъ такъ, такъ-такъ! Нехай буде по вашому: стаю и я въ строкъ!

Иванъ.

Тилько не годуи кандёромъ, бо пидниму бунтъ. *(Карпо и вси сміються. Входе Явдоха, а потимъ Василяна)*.

Я В А VIII.

Ти жъ, Явдоха и Васылына.

Явдоха.

А, Демыдъ Семеновычъ! Я васъ признала у викно! Чого жъ це вы такъ довго не заглядали до насъ.

Демыдъ.

Николы було.

Иванъ.

За те жъ теперь нанявся у Карпа въ строкъ до Семена.

Явдоха.

Що?

Иванъ.

И я строковый!

Явдоха.

Та видчепитьця, що вы мелете. *(Входе Васылына)*. Бачышь? Я жъ казала, що то Демыдъ Семеновычъ прихавъ!

Демыдъ.

Доброго здоровья! *(Чоломкаються)*. Скинчылы? *(Васылына кыва головою)*. Поздравляю! Що жъ теперь—учительныцею?

Иванъ.

Въ строкови краце!

Васылына.

Ще не знаю. А сестра ваша Маня, що робить?—на курсахъ?

Демыдъ.

Ни, выйшла замижъ.

Иванъ.

Натуральни женськи курсы! (*Карто сміється*).

Васылына.

Колы, за кого?

Демыдъ.

Писля паскы повинчалась зъ учителемъ, Александромъ Кручковськымъ.

Васылына.

А курсы? Вона жъ торикъ збыралась ихать на курсы?

Иванъ.

Дивчына тоди кинчае вси курсы, колы выходыть замижъ!

Васылына.

Та видчепысь, отъ ще отець базика!

Демыдъ.

И справди знаете, чи до курсивъ, чи писля курсивъ, а прыйдется выйты замижъ, колы посвата чоловикъ достойный, що мовлявъ ще й до серця прыпадае. Такъ чого жъ його видкладать.

Иванъ.

Въ квадрати натурально! И стыци раннею весною паруються.

Васылына.

А чомъ же ты не паруешся?

Иванъ.

Я ще ни чоловикъ, ни птыця! А строк-
ковый!

Васылына.

А, ну тебе! Выбачайте, мени никола, б-
ративъ ждемо, треба помогты мами. *(Выйшла)*.

Явдоха.

И я прынарядюсь, бо певно скоро
прыидуть. *(Выйшла)*.

Карпо.

А цикави жинкы! Покрынули все и
прыбиглы подывытысь: чи Демьдъ, чи хто
другый прыхавъ.

Иванъ.

А може його тутъ ждалы?

Демьдъ.

О! Якъ бы то! Я бъ бувъ дуже ра-
дый!

Карпо.

Ну, паны мои робитныкы, хочъ сьогоня
и неделя, а покы прыидуть гости, мени
треба заглянуть по хазяйству!

Демьдъ.

Ходимъ и мы зъ ваймы!

Иванъ.

Слухай! Я начну свій строкъ зъ вивторка, а то прыйдуть браты, хочеться побалакать.

Карпо. (*Сміється*).

Ну, ну! А страшно? (*Сміється*).

Демьдъ.

А що вы думаете? Зъ разу будуть сміятыся' ваши робитныкы.

Карпо:

Зъ справжнеи роботы не сміються!
(*Выйшли*).

Я В А IX.

Выходе Явдоха зъ боковыхъ дверей зъ гарною хусткою въ рукахъ и починая передъ зеркаломъ повязуватысь.

Явдоха.

Васылына пхека на Демьда! Бреше! Якъ побачыла його въ викно, то загорилась, якъ калына... Розберы дивчать. Добре було бъ, що бъ вона за його выйшла замизжъ... А то учытысь! Намъ своихъ дитей треба учыть... Бидный Карпо вже затомывся, все на бративъ, та на сестру тратыть. (*Вбиае Васылына*).

Васылына.

Ой, сестро, беда!

Явдоха. (*Тривожно*).

Боже мій, що тамъ сталось?

Васылына.

Печерыцы згорилы!

Явдоха.

Ото! Бидна мама! Воны такъ хотилы догодыть Михайлови, на прывылыку сылу досталы печерыць, и на тоби, згорилы! А хто жъ бувъ била печи.

Васылына.

Я. (*Входе Тетяна*).

Я В А Х.

Тетяна. (*До Васылыны*).

А! а! Вы тутъ, утыклы? Нашкодыла и утыкла!

Васылына. (*Кыдається на шыю и не дае гаворыць*).

Мамочко, голубочко... Я завтра сама побижу на выгинъ, назбыраю печерыць, Михайло засмажыть по вченому, и я вывчусь.

Тетяна.

Ну годи вже. Пусты! Очипокъ зибьешг зъ головы. (*Поправляе очипокъ*). И тоби не соромъ: учылась, учылась! висимъ литъ учылась, и печерыць не уміешъ засмажыть! Михайло мужчына и все уміе, а якъ роскаже про яку смашну страву, то ажъ йсты захочыться, такъ гарно.

Васылына. (*Нально сміючысь*).

Мамочко! Михайло мабуть въ уни-
верситети научывся смачно йисты и гарно
печерыци смажыть, а я жъ ще на кур-
сахъ не була.

Тетяна. (*Добродушно*).

Ну, щастя твое, що ты недавно
прыйихала до дому, а то бь я тоби пече-
рыць дала.

Васылына.

Ха, ха, ха! Хиба бь вы мене были?

Тетяна.

А то жь!

Васылына.

Ни, мамочко! Николы не повірю, вы
таки добреньки, та щобь были свою едну
доню!

Тетяна (*До Явдожы*).

Взяла поставыла печерыци безь масла
и безь сметаны на огонь, а сама сила за
кныжку. Я масло была въ синяхъ, а До-
маха пишла по воду. Чую, смердыть го-
рилымы печерыцямы. Вбигаю—згорилы!
Ни спекты, ни зварыть, ни прясты, ни
ткаты... Що жь ты уміешь?

Васылына.

Я умію' мамочко, морожене робыть.
(*Тетяна сміється добродушно*). Солодке, солодке!
Отъ купить форму—я вамь зроблю... Э... та
що жь у насъ льоду нема!

Тетяна.

Охъ треба буде учыть канальську лысычку, бо хто жъ тебе таку недотепу визьме?

Явдоха.

У насъ уже есть...

Васылына.

Есть, есть! У Явдохы, мамо, есть курчата!.. манюни, манюни, та гарнюни—я люблю курчатокъ!

Тетяна.

Дывытысь любышъ на курчатокъ, а якъ выводить, то того не тямышъ.

Васылына.

Я навчусь, всему навчусь, тилько перше треба пойхать на курсы! (*Входять Карпо, Демьдъ и Иванъ*).

Я В А Х І.

Ти жъ, Карпо, Демьдъ и Иванъ.

Демьдъ.

Здоровеньки булы мамо! (*Цилуе руку Тетяны*).

Тетяна.

Доброго здоровья! Тилько що прыйихалы, саме на обидъ; мабуть будуча теща ще жыва! Выбачайте жъ, мы гостей ждемо. Ходимъ, дочко, ходимъ, Явдохо, готовыты

стиль. *(Идутъ)*. Карпо, будь ласка, достань на вечерь печерыць.

Карпо.

Та я жъ вамъ доставъ уже.

Васылына.

Мамочко!

Тетяна.

Не годяться, зчервывилы.

Васылына. *(Цилуе матирь, до Карпа)*.

Стари!

Явдоха. *(Смѣться)*.

Тетяна.

Чуете! Загуркотило!.. Прыихалы!! *(Раптомъ иде у двери, за нею Явдоха и Васылына)*.

Карпо. *(Била винка)*.

Справди прыихалы! *(На двори голосъ Тетяны)*.
Диты мои! Сыны мои, соколы мои! *(Голосъ Васылыны весело выкрикуе)*. И я скинчыла, и я скинчыла! *(Карпо и Демидъ идутъ у двери)*.

Иванъ.

Суета!

ЗАВИСА.

Дія II.

Проста хата, свитлыця. На полу багато одежи, кылымкивъ, подушокъ у цвѣтнихъ наволокахъ. Великий стиль. Виденські стильци, канапка. Обидають вси. Михайло сыдыть на понути, коло нього: зъ одного боку Петро, зъ другого Карпо и батько; дали зъ обохъ бокивъ сыдять: Демыдъ, Иванъ и Васылына. Маты и Явдоха подають обидъ.

ЯВА I.

Михайло. (*Исть*).

Порося чудово засмажено, и полковныкъ Сорокотысячныковъ похвалывъ бы! Недавно я обидавъ у нашего директора. Подавалы те жъ порося—куды! Ни одынъ поваръ такъ не засмажыть поросяты, якъ мама!.. А начынка, начынка—тайтъ!..

Макаръ.

Ижтѣ, диты, ижте, та выбачайте, що все просте, хуторське!

Карпо.

Дай, Боже, повикъ!

Петро.

О, якъ бы насъ въ городи годувалы хуторськымы харчамы, добре бъ було!

Макаръ.

Погано въ городи годують. Я колысь зъ тобою обидавъ.

Мыхайло.

Нашъ директоръ и його братъ, полковникъ Сорокотысячниковъ, люблять смашно поисты... А я до кулинарїи маю охоту. *(Исть)*.

Макаръ. *(До Карпа)*.

До чого Мыхайло мае охоту?

Карпо.

Любе поварювать.

Макаръ.

А!..

Мыхайло. *(Проковтнувши)*.

И навчывъ я свого директора де якымъ приправамъ, такъ винъ часто клыче мене попробувать обидъ по мойому рецепту. Особливо намъ печерыци удаются. *(Входе Явдоха и Тетяна. Одна несе макитру зъ вареныками, а друга кисиль на эмалированныхъ блюди. Васылына хутко прыймае тарилкы, Явдоха ставе макитру, Тетяна блюдо зъ кисилемъ, потимъ достаютъ тарилкы зъ шкафы, що тутъ же стоить, и переминяють: Мыхайлови, Петрови и Демидови. Все робыться хутко, а разомъ зъ тымъ йде балачка)*.

Тетяна.

Завтра достанемо и мы печерыць! Мыхайло, варенычкывъ! Такъ, якъ ты любышь: запечени въ свижимъ масли зъ сметаною. Петя, а ты? ижъ, сыну, бачъ якъ вымучывся! Васылыно, внесы зливокъ до кисилю. Ижете, диты, ижете! *(Васылына встает)*

Явдоха.

Сыды, сыды, я сама! *(Ишла)*.

Петро.

Отъ, якъ бы такихъ вареныкивъ дали въ кухмыстерськѣй, та ще на голодни зубы!..

Иванъ.

Можна луснуть.

Мыхайло.

Ха, ха, ха! Въ кухмыстерськѣй! И у нашего директора не дадутъ! Дорого. Подумай! Свиже масло и сметана въ городи!.. А вареныкъ любе масло и сметану: льешъ, льешъ, а винъ вбира, тай вбира въ себе; за те жъ якъ и запечеться въ цѣй пры-
прави—прямо безе!

Тетяна.

Що ты сказавъ сыну?

Мыхайло.

Безе! Поцилунокъ!

Иванъ.

Добрыи поцилунокъ! Якъ брусомъ заляже въ животи, то мусышь цилувать бабу знахарку, що бь одшептала!

Мыхайло.

Ха, ха, ха!

Тетяна.

А ты ижъ кисиль, колы боисся вареныкивъ.

Иванъ.

Чого я ихъ буду боятысь? Ого! Нехай воны мене боятыся!

Явдоха. *(Вносыть молоко. Идять, розказують, прыймають, що було на столи, и выносять).*

Карпо. *(По паузи).*

Ну, браття! Выпьемъ ще за здоровья батька и матери, що годувалы насъ, одягалы, учылы и до розуму довелы.

Вси.

Будьте здорови, тато, мамо!

Карпо.

Выпийте жъ и вы, мамо *(Налива и дае).*
Явдохо! *[Дае].*

Демьдъ. *(До Васылыны).*

Мени такъ прыятно у вашій симьи, мовъ у ридныхъ.

Васылына.

Я навить забула, що вы чужый.

Демьдъ.

Спасыби! Слова ци для мене дуже дороги.

Тетяна и Явдоха.

Пошлы, Боже, всеимъ щастя!

Макаръ. *(Черезъ слезы)*.

Щобъ... Що-бъ... вы нашъ ридъ возвельчылы и прославылы, щобъ до генераливъ дослужылысь!..

Петро.

Спасыби!

Мыхайло.

Дослужымось! *(Встае, цилуе батька, матирь)*.
Отъ теперь бы кофейку, та гавану.

Тетяна. *[До Карпа]*.

А ты, сыну, и забувъ кофію купыть?

Карпо.

Забувъ!

Макаръ. *(До Карпа)*.

А гавану?

Карпо.

То дорога цыгарка, тату.

Макаръ.

А—а!

Иванъ. *(До Мыхайла)*.

А ты курывъ колы небудь гавану?

Мыхайло.

Курывъ! А ты?

Иванъ.

Цилу сотню мавъ. Не люблю, роздавъ.

Мыхайло.

Не вже!

Макаръ.

Та бреше винъ; де бѣ винъ доставъ,
якъ воно дороге?

Иванъ.

Отъ вы вже, тату, не вирыте, що я
курувъ добри цыгаркы. Не забувайте, що
я старшій цысарь!.. Якъ наши поверта-
лыся зъ Кытаю черезъ Одессу, такъ мени
прывизъ гостынця мій прыятель.

Петро.

А чомъ ты не доихавъ у Кытай? По-
бачывъ бы свита!

Иванъ.

Не захотивъ.

Мыхайло.

Чого такъ? Грошей бы прывизъ.

Иванъ.

Я не люблю чужого.

Макаръ.

Винъ любе спать.

Иванъ.

Хто спыть, той не гришыть.

Мыхайло.

И то правда. Заспывать бы. А—а!
Иванъ! Зацвирчы, братъ, цвиркуномъ! Писля
такого обиду прыятно посміятыся и згадать
дытячи лита.

Петро.

Ни, свысны соловейкомъ!

Иванъ.

Забувъ уже уси штукуы.

Мыхайло.

Невже забувъ? Жалы!

Иванъ.

Давня ричь!

Петро.

А якъ зъ театра выводулы за те, що цвиркуномъ крычавъ,—забувъ?

Карпо. *(Сміється).*

Про це недавно згадувалы.

Иванъ.

Ни, я цего не забувъ и не забуду... А отъ мени цікаво: чи вы зъ Мыхайломъ памьятаете, якъ васъ обохъ выводулы зъ церкви за уха?

Мыхайло.

Колы?

Тетяна.

Богъ зна що выгадавъ!.. Николы я не повірю, щобъ Мыхайла, або Петра—выводылы зъ церкви, та ще за уха!

Иванъ. *(Сміється).*

Отъ же, ей Богу, выводулы!

Татяне.

Не вирю!

Макаръ.

Выгадки!

Иванъ.

Винъ же, тату, тоди не бувъ учытелемъ, а дытыною. Петро, невже и ты забудь?

Петро. (*Сміється*).

А выводылы.

Мыхайло.

Чортъ зна що!.. Може Петра и выводылы, тилькы не мене.

Петро.

Обохъ вывелы! Памьятаешъ, мы булы разъ на страсти, я тоби показавъ трубочыста, що стоявъ у церкви, якъ зъ каглы вылизъ. Ты розсмівся, ухопывъ себе за носа, щобъ не выбухнувъ смихъ,—та надувся, рука спрыснула зъ носа и ты кыкнувъ на всю церкву, а я й соби!.. Де не взявся кучерявый сторожъ, памьятаешъ?

Иванъ.

Жывжа бривжа, собача каривжа, ашина радова, кошки, ношки, собачи торошки!
(*Сміється*).

Мыхайло.

Дурацьки слова!

Петро.

Ха, ха, ха! И выдумаютъ! Такъ цей самый, кучерявый, взявъ насъ одного и другого за уха и такъ, якъ пару бычкивъ, спиваючы разомъ зъ хоромъ „разбойныка“, — вывивъ зъ церкви!

Мыхайло.

Ничого подибного... На решти це зовсимъ лышни згадки. Охота! Мама може прыгадать ще и не таки выпадкы, колы мы спалы вѣ колысци... Зовсимъ лышне!..

Макаръ.

А все Иванъ!

Тетяна.

Може бѣ ты заснувъ, сыну?

Мыхайло.

Ни, посыдю зъ вами, мени дуже прытно побесидувать зъ своїмы, Богъ его знае, колы побачымось, а я думаю завтра ихать.

Макаръ.

Якъ?

Тетяна.

Що ты? Оце выгадавъ! Два годы не бачылысь, а на третій увійшовъ вѣ хату, поздоровкався и назадъ... Мы-жѣ на тебе ще не надывылыся.

Макаръ.

Посыдь, сыну, зъ намы!

Мыхайло.

Я радъ душею... Я бѣ сыдивъ била васъ може все жыття, якъ бы не такъ склалысь мои дила...

Карпо.

Яки тамъ у тебе дила. Экзамены покинчывъ и гуляй до Августа.

Мыхайло.

Други дила. Якъ будете знать прычыну, то вы й сами скажете: йидь сыну!... Я бѣ просывъ, щобъ тутъ зосталысь тилькы тато, мама, Карпо и Явдоха.

Явдоха.

Выбачайте, мени треба навидатысь до дитей. (*Пшла*).

Иванъ.

А мы ходимъ уси въ леваду, тамъ поляжемо пидъ велькою старою вербою, поспиваемъ. Я люблю цю вербу; вона давня, давня и такъ нахылылася до воды, мовъ витается зъ нею, а якъ зашумыть своимъ лыстомъ—наче шепче води любовни речи.

Петро.

Ого! Та ты поэтъ!

Мыхайло.

Черезъ пивъ годыны прыходьте сюды,
та заспиваемо; я вже давно чувъ спивъ.

Васылына.

Гараздъ. (*Идутъ, до Демьда*). Вы торикъ
гарно спивалы.

Демьдъ.

И теперь спиваю—и на скрыпци граю.

Васылына,

А заграете на скрыпци?

Демьдъ.

Я буду у васъ довго, то ще й надоимъ.

Карпо.

Николы йому буде граты.

Васылына.

А у недилю!

Карпо.

Хиба. (*Выйшли*).

Я В А II.

Мыхайло, Карпо, Макаръ и Тетяна.

Мыхайло.

У васъ, мамо, неначе слъозы на очахъ!
Чого це? Заспокойтесь. (*Цілує її*).

Тетяна.

И видь радощивъ, сыну, и видь печали, що хутко такъ видъиздышь... Тилько одынъ Карпо зъ онукамы, спасыби, била насъ!

Мыхайло.

Бачыте, мамо, отъ у Карпа есть диты, онуки ваши, и вы радіете... И я хочу, щобъ и у мене булы диты... Треба мени женытыся... А черезъ те, я повиненъ заразъ васъ покынуть, бо у мене е молода и треба ии навидать.

Тетяна.

Молода е? Ты хочешъ женытысь? Слава Богу!

Макаръ.

Нехай Богъ благословить!

Тетяна.

И пошле тоби щастя. (*Цилуе його*). А хто-жъ твоя дивчына, сыну? де вона, сыну? чія вона, якого роду?

Мыхайло.

Дивчына гарна, интеллигентна, скинчыла смольный институтъ зъ шифромъ.

Тетяна. (*Утираючы сльозы*).

Господы! Господы!.. Яки е дивчата!

Макаръ.

Зъ шифромъ? Що жъ то, сыну?

Мыхайло.

Особый знакъ достоинства.

Макаръ.

Достойна, выходить! Дай Господы, дай Господы!

Мыхайло.

Дочка полковника—Наталія Сорокотысячныкова.

Макаръ.

И прыдане добре.

Карпо.

Це, тату, прызвище таке.

Макаръ.

А!.. Ну, знаешь, воно не даремно таке прызвище—Сорокотысячни! Мабуть багата?..

Мыхайло.

Я не знаю, тату.

Макаръ.

А чомъ же не розпытавъ? Розпытай, сыну!.. Тамъ хочъ вона и достойна, а все, знаешь, прыдане не вадыть! Ты жъ не абы-кто—скоро самъ генераломъ будешь!

Мыхайло.

Вона одна дочка, що е—то ии.

Макаръ.

Ага! Одна? Ну, це добре. Вже якъ одна, то, звисно, все ий достанеться.

Тетяна.

Чорнява, сыну?

Мыхайло.

Чорнява, мамо, а очи сыни: якъ нама-
левана!

Тетяна.

То ты жъ ии привезешъ до насъ, по-
кажышъ? А може бъ мы зъ старымъ по-
ихалы на оглядыны: такъ годыться. Воны бъ
насъ побачылы, а мы ихъ...

Михайло.

Далеко це, мамо! Воны теперь за кор-
дономъ, на Ривьери... Батько ии личыть
очи,—боятся, щобъ не ослипъ.

Тетяна.

Ото, нехай Богъ бороне!

Карпо.

Такъ ты ажъ туды поидешъ?

Мыхайло.

Треба ихать. Не можна иначе. Мы
умовылысь зъ Наталею Петровною тамъ
побачытысь... Теперь розуміешъ: не пои-
хать,—выйде — фе! Хамство! А поихать,—
грошій треба! У мене е небагато: я збе-
ригъ, скільки мигъ... А вернувшись, треба
мешкання гарне, повара... Хочъ на перше
врем'я; знаешъ-ридня: нашъ директоръ-дядь-
ко, тай батько—полковныкъ!.. Потимъ можна

буде перевести на демократичну ногу, а зразу... Та воно и для карьеры... Тежъ... Ты все розумієшь, що тамъ тобі розказувать...

Карпо.

Та я одно розумію, що тобі грошей треба.

Мыхайло. *(Провивъ пальцемъ по горлу).*

До заризу!

Макаръ.

Хиба не можна, сыну, тутъ ихъ подождать? На вищо терять гроши по чужыхъ краяхъ?

Мыхайло.

Не прыходыться; слово давъ, що прииду и вони тамъ ждуть! Якъ же такъ? Скажуть: хвастунъ, мужыкъ, биднякъ и... розуміете... справи выйде по свынськи...

Тетяна.

Напышы, що грошей нема.

Мыхайло.

Ну, мамо!.. Бильше на мене терялы—поможить въ останне: дайте пятьсотъ рубливъ! *(Макаръ и Тетяна дивляться на Карпа, Карпо тре голову и розводитъ руками).*

Братъ! Карпо! Ты достойнійшый изъ людей! Порятуй!

Карпо.

Де жъ я ихъ визьму? Мени на уборку травы и хлеба треба не мало, та ще жъ

певно и Петро, и Иванъ, и Васылына попросятъ... Я не знаю, що робыть!

Мыхайло.

Выручай! Послiднiй разъ!.. Тату! Мамо!
(Цылуе то одного, то другого).

Макаръ. (До Карпа).

Може позычыть у Кравченка; винъ дитей не учывъ, то въ нього гроши е.

Карпо.

Та е-то, е, такъ треба процента великого заплаытыть; знаете, якый Кравченко?

Тетяна.

Що жъ маешъ робыть...

Карпо.

Ваша воля... Якъ вы согласни, то я поиду до Кравченка.

Макаръ.

А що жъ робыть, колы треба.

Мыхайло (Обнима Карпа.)

Голубчыкъ! Я самъ почуваю, якъ тоби важко тягтысь! У мене сердце болыть, що мы такъ тебе выснажаемъ, але що жъ робыть? Будь я простый зовсимъ, не освиченный чоловікъ,—цего бъ не було; а разъ, братъ, влизъ въ цю шкуру, тягнысь за другими!.. Пры тому, знаешъ, директоръ-дядь-

ко, батько—полковныкъ и знову-Ривьера... Це знаменытый курортъ, тамъ можна зустрітись и познаемытись навить зъ министрамы и... и... одно слово: разъ на Ривьери, то, выходыть, чоловікъ багатый... и... и... не абы хто! Розуміешъ? Въ души я демократъ, я вси ци забобоны ненавижду, я радъ бувъ бы поминятысь зъ тобою... зъ кожnymъ селяныномъ... и жыть тыхо, мырно, середъ нашої благодатной прыроды, безъ всякихъ вытребенежъ. Не можна! Течія несе въ велыке море...

Макаръ.

Охъ, несе!..

Тетяна.

Чого жъ воно несе?

Макаръ.

Такъ говорытсья...

Карпо.

Попробую. Я, тату, визьму у Кравченка, якъ що позычыть, тысячу; бо якъ не стане на вси видаткы, то знову бигать...

Макаръ.

А такъ! Урожай хороший, якосъ выкрутымось. *(Карпо выйшовъ).*

Тетяна.

Поможы тобі, Боже!

Мыхайло.

Тату, мамо! Я... я... не знаю, якъ вамъ дякувать за цю помичь! Розумієте? Обищавъ знатній барышни прыхать... и не поихать—хоть кулю въ лобъ!

Тетяна.

Захысты тебе царыця небесна! На вищо все те добро, що мы маемо, здалося, колы черезъ п'ятьсотъ карбованцивъ прыйшлось бы убыть себе... Цуръ ему! Не говоры такъ... А колыжъ, сыну, весилля? Ты зарани дай намъ звистку, щобъ мы прыготовылысь. Треба жъ весилля одбутъ гучно, щобъ уси зналы и бачылы, на кому ты женывся.

Мыхайло.

У насъ, мамочко, ніякого весилля не буде! Теперъ не та мода, що колысь була, особлыво середъ знатныхъ людей, де я беру соби жинку.

Макаръ.

Якъ, нема весилля?

Мыхайло.

Нема.

Тетяна.

И не винчаються?

Мыхайло.

Ни, винчаються! Тилькы пилля винця молодой и молода заразъ на поиздъ и поихалы тамъ куды на недиллю чы й на мисяць.

Макаръ.

Онъ якъ! Все не такъ, якъ у людей...

Тетяна.

То це мы не погуляемо и на твоимъ весилли? И невесткы не побачымо?

Мыхайло.

Якъ можна? Я потимъ зберусь и прыиду до васъ, або вы прыидете до мене, тай побачымось...

Тетяна.

Дивно якось! Не знаю, що й сказать! Може воно й добре, а тилькы щось у мене до такой моды сердце не лежить. Весилля въ дорози, на поизди! Ни людей, ни музыкъ — це не весилля!

Макаръ.

Памятаешъ, стара, якъ мы весилля справлялы?

Тетяна.

Два тыжни. Покійный тато ажъ заслаблы.

Макаръ.

Людей, якъ комашни; гвалтъ, спивы, музыка тне; спершу молодъ, а потимъ стари таки танци затыналы, що земли въ колино выбылы на подвирьи. Згадавъ и наче помолодчавъ самъ. *(Цилуе Тетяну).*

Тетяна. *(Скючысь).*

Оттакон! Мало не сорокъ литъ, якъ по-

бралысь, а винъ цилуватысь!

Мыхайло.

Ха, ха, ха! Такъ мы справымо знову
ваше золоте весилля. (*Поизгае*).

Тетяна.

Може бъ одпочывъ, сыну? Тамъ у Яв-
дохы гарно, а ни мушкы,—и холодокъ.

Мыхайло.

Ни, мамо, вже не рано, скоро й ве-
чиръ. (*Входе Терешко*).

Я В А Ш.

Ти жъ, и Терешко.

Терешко.

Здорови булы! Зъ недилею, сестро!

Тетяна.

О, братъ Терешко. (*Цилуються*). Де ты
взявся?

Терешко.

Навмысне прыхавъ. Здоровъ, Макарю!
(*Цилуються*). Чувъ ще позавчора, що прии-
дутъ учени племенныкы, взявъ свого Ма-
тюшу, тай поихавъ, щобъ побачытысь! А
це жъ певно Мыхайло?

Мыхайло.

Я, дядюшка!

Терешко.

Панъ, спражній панъ, страшно и пидступать! Поцилуемся, чи що?

Мыхайло.

А якъ же? Я для васъ не панъ. (*Цилуються*).

Терешко.

И пахне паномъ, Ей Богу! вусы пахнуть наче мнятоу, чы любысткомъ.

Мыхайло.

Ха, ха, ха!

Терешко.

Гарный! А мундырь—бачъ якый!.. Ну, вже и я своихъ меньшенькыхъ учу, може и мени Богъ пошле щастя диджатысь такого пана! Матюша перейшовъ у першый классъ! Бидовый! Тамъ, братъ, чыта, заслухатысь! Оце недавно чытавъ у чайнимъ доми трезвосты, та такъ ему плескалы, що ой, ой! У насъ село велычезне, такъ трезвнсть театр поставыла, и сами наши парубкы и чоловикы, яки помолодчи, роблять представления. Все иде за прыводомъ нашего пысаря: винъ перше служывъ у театри, а теперь пысаремъ, такъ зна це дило. Скоро все мистечко буде представлять!.. Й ничого, розважають; оце зимою пидешъ—ничъ довга, а тамъ и не оглянешся: трохы послухаешъ, трохы поспышъ, дывы-и пивни заспивалы!

Мыхайло.

Це добре, дуже добре, що въ сели е театр; корысна розвага!

Терешко.

Одно погано, що меньше стали прясты и ткать: якъ представлення, то вже и ткачи и пряхы тамъ!

Макаръ. (*Сміється*).

Прядуть!.. Туды нашого Ивана не достае...

Терешко.

Вернувся? И що жъ, дослужився до якого чына?

Макаръ.

Старший пысарь.

Терешко.

Слава Богу и за це! все жъ не простый мужыкъ. Пысарь, братъ, теперь важна птыця. Отъ забалакався, а кони стоятъ не розпряжени и Матюша сыдыть на вози. Я заразъ. (*Иде*)

Макаръ.

Стривай, я звелю, щобъ робитныкы розпряглы, а Матюша нехай иде въ хату! (*Выходитъ*).

Тетяна.

А я вамъ дамъ пообидать.

Терешко.

Спасыби, сестро! Я такый, що й самъ бы сказавъ, якъ бы исты хотивъ. Мы зъ Матюшою, у Балабанивци, у мого кума, добре пообидали. Коней попасъ и пообидавъ! (*Выходить*).

ЯВА ІV.

Тетяна и Михайло.

Тетяна.

Що жъ бы я свой невистци подарувала? Такъ все наскоро, що й не придумаешъ; та я, сыну, и не знаю: що можна подарувать знатній, та ще багатій панночци?

Михайло.

Краще, мамо, ничего. Бо подарунокъ треба зробить не меньше якъ въ 100 карбованцивъ, а де вы ихъ визьмете, колы отъ и мени треба дать, и тому, и другому... Нехай уже колысь те зробите, якъ меньше буде розходу.

Тетяна.

Ни, сыну, не можна такъ. Мени покойный батько Макаривъ, вашъ дидъ, якъ я ишла пидъ виноць, подарувавъ самымы червинцямы сто карбованцивъ. Такъ вони и лежать у мене; то я тоби, сыну, виддамъ, а ты видъ мене подаруешъ ихъ свой... якъ ии звать?

Михайло.

Наташа... Наталка!

Тетяна

Эге, эге, Наташи! Подаруешь їй, щобъ вона знала, яка у тебе прыязна маты; хочъ и проста, а обиходъ, мовляв, знае.

Мыхайло (*Цилуе въ обиденнѣ руки*).

Спасыби, мамочко! Це мени дуже прыятно, и Наташа буде онъ якъ рада. (*Макаръ, Терешко и Матюша*).

Я В А V.

Ти жъ, Макаръ, Терешко и Матюша.

Терешко. (*Тягне за руку Матюшу*).

Та не соромся! Иды, иды, Матюша! Що жъ, що винъ губерський учитель? Ничого! А все такы двоюродный братъ тоби. (*Вводе*). Отъ глянь! Бачъ, який мундырь? Такой и въ тебе буде. Будешъ учытысь-будешъ паномъ! Тилькы не цурайся, сукинъ-сынъ, батька. Ну, здоровкайся!

Матюша. [*Незграбно, по дытячи, спершу одводять, а потимъ приставля праву ногу до ливои. Мыхайло цилується зъ нымъ*].

Терешко.

Уштывый, поштывый—вже й воно нащось закандзюбылось: бачъ, якъ ногу приставывъ... Сказано—наука! Одно мени боязко: отакъ учышь, учышь, сучои пары, дитей, зъ послиднего, а потимъ дывысь, выйде такый супысь, якъ Билоконенко! Ты знаешь, Макаре, Билоконя?

Макаръ.

Сыдора?

Терешко.

Эге! Сынъ его теперъ, братъ, у-війску, ротмистеръ, шкадромъ командуе! Не абы що, а все жъ такы сынъ! Билоконъ же на него скильки потратывъ! Одного коня купывъ за 300 рубливъ. И що жъ бы ты думавъ? Поихавъ старый до него ажъ у Варшаву, такъ що жъ? Винъ его, супостать, не прынявъ! Булы гости, охвыцеры, такъ ажъ покы не розійшлысь гости, старый сидивъ на кухни зъ денщыкамы. А? ну вже бъ я не подывывся, що винъ ротмистеръ!

Мыхайло.

Скотына!

Терешко.

А то жъ! Тварь нечувствевна! Посоромывся батька прынять пры всихъ, а? Ты мени, вылупокъ, гляды! Я, братъ сердытый и паленый! Я не Билоконъ! Вернувся до дому и давай хлыпать, що сынъ дуже запанивъ. Кыслыця дурна! Я бъ его пры всихъ охвыцерахъ... Нехай бы тильки одважывся зневажыты мене! Кто тебе родывъ? Я! Кто тебе вывчывъ? Я! Кто тебе ротмистеромъ зробывъ? Я! Та за чуба, та въ морду! Оттакъ ихъ треба учыть, щобъ проты роду носа не дралы! Чуешь?

Мыхайло.

Хто соромыцца простоты свого батька, чи матери, простоты свого роду, — такого не варть и чоловикомъ назвать!..

Терешко.

Чуешъ? Бачъ, онъ мундырь якый, гу-берськый учитель, — це тоби не яка небудь свыня, а поштывый до батька, до ненькы! Гляды мени!

Матюша.

И я буду поштывый, отъ побачыте!

Терешко. *(Нижно)*.

Ахъ, ты каналія! Та я знаю, що ты гарный хлопчына; це такъ говорыцца, що бачъ, яки е выродкы!.. А якъ винъ чытае? Чудово! А ну, прочытай, Матюша, на памьять гусы!

Матюша.

Та я зибьюся!

Терешко.

Ну, ну, смилыво! *(Вбѣна Васылына)*.

Я В А VI.

Ти жъ, и Васылына, а потимъ Иванъ, Петро и Демьдъ.

Васылына. *(До Мыхайла)*.

Можна?

Мыхайло.

Идѣть, идѣть!

Терешко.

Перебылы,

Васылына.

Отъ якъ бы ты, Мыхайло, почувъ, якъ нашъ Иванъ спивае. (*Побачыла Терешка*). Здаецься, дядько Терешко.

Терешко.

Уже й здаецься! Та винъ же, винъ, не якый лысый чортъ! Бачъ, якъ выросла зарикъ! Дивка хочъ сьогодни замижъ! (*Цилуецься*). Диждала, сестро?..

Тетяна.

Слава Богу! (*Утира слезы*).

Терешко.

Чого жъ плакать? Танцюй, радій! Эхъ, ты! А це мій Матюшка, Васылыно. (*Матюшка такъ само ногу приставляе и цилуецься зъ Васылыною*). Це твоя сестра, двоюрідна сестра. Бачъ, яка панянка выйшла, а все черезъ те, що вчылась. Ну, чытай же гусы. (*Входе Иванъ, Демьдъ и Петро*). Помишалы знову!

Я В А VII.

Ти жъ, Иванъ, Демьдъ и Петро.

Вси.

А! дядько Терешко! (*Цилуютьсья*).

Терешко. *(Показуе на Демьда).*

А цежъ чый? може... *(Идмортуе до Васылыны).* Га? Ха, ха, ха!

Демьдъ.

Та вы мене знаете; учитель, Демьдъ.

Терешко.

Панькивь?

Демьдъ.

Эге!

Терешко.

Знаю, знаю. Здоровъ будъ. *(Цилується).*
Ай бравый козарлюга! Може неправда, Васылыно? *(Васылына соромыться и ховається за спыну матери).* Оттакъ! Той учени соромлыви; а я думавъ, що тилькы наши дивкы ракивь печуть. Ну, ну—не буду. Що жъ, Иване, добра Московська каша?

Иванъ.

Добра, дядьку, тилькы дома краща.

Терешко.

А звисно! *(Цилується зъ Петромъ).* Прокуроръ, чи хто ты будешъ?

Петро.

Ще не знаю, ще тилькы поиду на службу.

Макаръ.

Кандидатъ правъ.

Терешко.

Эге, эге, розумію... Я й самъ, братъ, кандидатъ на старшыну, а ты, выходишь, кандидатъ на прокурора!

Макаръ.

Вси права мае!

Мыхайло.

Ну, заспивайте що небудь! я такъ люблю украинськи писни!.. и я пидтягну.

Терешко.

И я люблю! У насъ у трезвости чудово спиваютъ по потному! Пысарь нашъ ловко ноту знае, ну и муштруе.

Петро.

Иване, заспивай!—Чудово спивае!..

Васылына.

Спивай, Иване!

Иванъ.

Пидтягуйте, то й я буду.

Васылына.

Самъ, самъ!

Иванъ.

Гуртомъ краще.

Терешко.

Гуртомъ.

Вси спивають. Иванъ выдѣляется, або застивуе, або спивае соло, якъ що актеръ мае голосъ. (Писня:)

Ой що жъ бо то та й
за воронъ,
Що по морю крякае и. д. т.

Мыхайло. (Стоить проти Ивана. Поскинченни писни Мыхайло почына аплодировать. Терешко те жъ, Матюша зъ нимъ).

Терешко.

Такъ и у насъ у трезвости ляпають; и Матюши тежъ ляпалы. Матюша! Катай гусы!

Мыхайло.

Ну, братъ Иванъ, ты талантъ. Колысы ты дражнывъ соловейка, а теперъ самъ якъ соловейко спиваешъ. И скажы на мылость, де въ тебе голосъ взявся?

Иванъ.

Якый тамъ голосъ?

Мыхайло.

Талантъ, талантъ!

Иванъ.

То такъ здається: хата мала—и голосъ великый! Талантъ—це выдумка. Нема кращыхъ, ты будешъ гарный. Я у салдатському театри гравъ, такъ все офицерство въ одынъ голосъ крычало: талантъ, талантъ! Само собою, що я краще гравъ видъ нашихъ москалыкивъ—ну и талантъ. И такъ все на свити.

Мыхайло.

Ни, знаешъ, якъ тамъ ни говоры, а талантъ зразу выдко. Середь усихъ чуешъ... Теплога голоса... Якась... така... якъ бы сказать?... искра! Щыро раю тоби на сцену.

Иванъ.

Боюся!

Макаръ.

Здавна комедіянщыкъ и боисся?

Тетяна.

Вже колы Мыхайло кажэ, то винъ зна.

Терешко.

А зна, отъ винъ послухае мого Матюшу...

Петро.

И чога бь я боявся?

Иванъ.

Нема певности! А що якъ сяду не въ свои саны? А театръ засмоктуе чоловика и що саме гирше, що въ цимъ дили пышно буе самопевнисть, нахабнисть, и чоловикъ теряе самокрытыку! Кому завгодно можна доказать, що винъ помыляеться и погано робить свою роботу, актерови жь и пысьменныкови никола не докажешъ, що вони не мають талану, а черезъ те такъ багато поганенькихъ актеривъ и пысьменныкивъ.

Терешко.

Именно! Свята правда: никому ничего

не докажышь! Отъ у насъ тамъ, у трезвости, чытавъ мій Матюша гусы, а крутъкинвъ Оксентъ чытавъ, дай Богъ памьять... Матюша, що Оксентъ чытавъ?

Матюша.

Сыву кобылу.

Терешко.

Эге, эге! сыву кобылу. Такъ одни кажутъ, що Матюша краще, а други, що Оксентъ. Я вже мало не бився зъ старымъ Крутъкомъ! Выходить: що хочъ говоры—не докажешъ! Отъ вы сами почувете, якъ Матюша чытае. Матюша...

Иванъ.

Отакъ и наши салдатыкы: ходыть не уміють по сцени, а тилькы черезъ те смишно грають, що дуже погано; тымъ часомъ писля двохъ—трехъ разивъ и вони личать себе артыстами и маріють поступыть въ актеры! Це великый самообманъ, и кожый чоловікъ легко ему пиддається!

Мыхайло.

Я ніякъ не ждавъ почуть видъ тебе таки мысли. Хвала, хвала! Выдко, що ты не мало працювавъ надъ собою, надъ самоосвитою. Писля цего я зъ глыбокою певностью скажу, що ты Иванъ—талантъ! Самый страхъ твій передъ диломъ, до якого ты, можна сказать, родывся,—свидчыть про твій талантъ.

Иды. на сцену! Благословляю! Повирь мени,
що ты таланъ...

Макаръ.

Не дарма жъ зъ театру выводылы и
выгналы за театр зъ гимназиі.

Терешко. *(Хутко выводе Матюшу на сере-
дыну, хапаючысь, щобъ зшо не ставъ
на перешходи).*

Ну, Матюша, катый гусы, покажы себе!
Слухайте!

Матюша. *(Кланяється якъ и перши разы).*

Гусы.

Мыхайло. *(Поправляе но великоруськи).*

Гуси.

Матюша.

Гусы!
Предынной хворостыной
Мужыкъ гусей гнавъ въ городъ
продавать.

Мыхайло. *(Поправляе но великоруськи).*

Терешко.

Не перебивай бо, слухай, винъ же такъ
точнисенько каже, якъ и ты. Катый дали.

Матюша.

Збывся!

Терешко.

Отъ бачъ! Почынай зразу. Не перебивай!

Матюша. *(Чыта Гусы до половыны и вымове
вельжоруськи слова по малоруськи безъ
фарса, не пидкрысуючи, а якъ можна
натурально. На половыни стае).*

Забувъ!

Терешко.

Збылы! Ничого, и такъ гарно. *(Цилуе Ма-
тюшу въ голову).* Таланъ! Хйба я не бачу? А
кругомъ заздрять и кажутъ: Оксентъ краще!
Ну, якъ тоби здається?

Мыхайло.

Добре, тилькы акцентъ...

Терешко.

Оксентъ, Оксентъ! И ты Оксентъ! Хто
тоби казавъ? Та нехай Оксентъ трычи умы-
еться, а проты Матюши не выйде!

Мыхайло.

Я не чувъ Оксента...

Терешко.

Такъ колы не чувъ, той не говоры, а
то и ты Оксента прыпливъ!! *(Иванъ, Петро, Де-
мыдъ тыхо сміються).*

Мыхайло. *(Сміється).*

Та воно такъ... Кримъ того, дядьку, я
вамъ ще скажу, що Матюшу рано пускати
на сцену: це псуе дитей.

Терешко.

Отакой! вси будуть славыть своихъ

дитей, вси будуть у трезвости представлять, а мій, Матюша повиненъ заднихъ пасты? Ни, братъ, мы штурмомъ визьmemo! Все представляють—и Матюша буде представлять! Винъ талантъ—самъ пысарь казавъ! (*Входе Карпо*).

Я В А VIII.

Ти жъ, й Карпо.

Мыхайло.

Ну що?

Карпо.

Доставъ!

Мыхайло. (*Цилуе его мицно*).

Спасыби! А колы поиздъ отходить на Одессу?

Терешко.

Здоровъ, Карпе!

Карпо.

Доброго здоровья, дядюшка. (*Поцилуався*)
Ты пытаешъ поиздъ? Стривай! (*Прымадуе*).

Терешко.

Жаль, що ты опизнывся,—не чувъ, якъ Матюша чытавъ гусы.

Карпо.

То вины мени потимъ прочытае... Поиздъ отходить у вечери у 8-мій години, а у день—у першій!

Мыхайло. *(Дивыться на часы).*

Ще рано, я можу поспити на вечірній поїздъ, тутъ недалеко.

Тетяна.

Ой, не пустю сегодня, ни за що въ свити! Бійся Бога! Я не успила надывытысь на тебе, наслухатысь твого голосу, а ты заразъ одъиздыть. Може и ты, Петя, сегодня пойдешъ? и ты Иване? може и Карпо насъ покине на старість лить!..

Мыхайло.

Ну, заспокойтесь, мамо, я вже зостанусь до завтраго.

Тетяна.

И завтра не пустю!

Терешко.

Годи тобі, сестро! Хиба не знаешъ: квочка потрібна курчатамъ покы мали, а побильшають, то якъ вона ни квочке, курчата біжать вже не до неї, а туды, де имъ бильше подобається!

Макаръ.

Заспокойся, стара! Буде зъ насъ Карпа; слава Богу, що хочъ винъ біля насъ! помремо, то буде кому очи закрыть, а цихъ всихъ—не сыла удержать пры собі! Не на те мы ихъ учылы!

Терешко.

Чуешъ, вылупокъ, якъ маты та батько побываються за дитьмы? Слухай же и на вуса мотай!

Матюша.

У мене нема ще вусивъ.

Терешко.

Ахъ ты каналія. *(Цилуе въ голову)*. Таланъ! Ще выростуть и вусы.

Тетяна. *(Скмылившись до Михайла)*.

Рослы вы, то мы васъ не бачылы, и вырослы, знатными людьмы поробылыся—тай кыдаете насъ самихъ, старыхъ, немощныхъ! Якъ у цій писни спивається: „Мы повырастаемо, тай розійдемося... *(Плаче)*. *(Михайло била неи и утишае. Демидъ, Иванъ, Петро и Васылына спивають)*.

Ой, не журысь нене, не журыся намы!
Якъ повырастаемъ, розійдемось самы.

[Въ цимъ мисци Терешко бере Карпа и Матюшу за руку и веде на передъ кону. Колы писня иде дали]. „Буде насъ маты по горахъ по долынахъ, ай буде насъ нене—*(въ цей ментъ маты плаче дужче, писня лунае дали, а Матюша чыта гусы: „Предлыною хворостылюю“..., помы не опустьятъся зависа)*.

Терешко. *(Цилуе Матюшу въ голову)*.

Таланъ!

ЗАВИСА.

Д і я ІІІ.

У батькивъ въ хати.

Я В А І.

Тетяна, Васылына и Явдоха.

Тетяна. *(Плаче).*Васылына. *(Била неи, по паузи).*

Не плачте, мамочко, не плачте, ридна!
Я вже васъ не покыну, я не поиду бильше
вчытысь, я буду зъ вами жыть, вамъ по-
магать, я за цей часъ уже прывчылась до
хазяйства и воно мене не такъ лякае, якъ
перше.

. Явдоха.

Отъ и гараздъ, отъ и розумно, а то
одно товчешъ: поиду, тай поиду на якнсь
тамъ курсы...

Васылына.

Мамо, не плачте-жь! Сказала, що зо-
стаюсь пры васъ, то вже застаюсь.

Тетяна. *(Вытера очи).*

Дорога моя! Ты жъ у мене одна; мы
достатки маемо, чого тоби тынятысь, кы-
дать насъ старыхъ? А Богъ пошле пару,
збудуемо тоби хорошу хату; не схочешъ зъ
Карпомъ укупи весты хазяйство, мы спра-
вымо вамъ власне, дамо земли; ты прынай-
мни старистъ нашу доглянешъ, очи намъ

закрыешъ, а то сыны, бачъ, розвіялысь скризь, тай забулы за насъ; одынь Карпо сыдыть на грунти, тай того ридко бачу, бо його дило не хатне.

Явдоха.

Мы вже васъ не покынемо, доглянемо и васъ, мамо, и тата.

Тетяна. (*Цилуе Явдоху*).

Невисточко моя золота, розумного батька ты дыгына; я тебе шаную онъ якъ! Я зъ тобою, якъ зъ ридною дочкою, увесь часъ жыву... а сыны видцуралысь: Михайло оженився, Петро оженився—тай на весилли не була и невистокъ не бачыла, байдуже имъ, що маты тутъ вбывається, якъ чайка пры дорози упадае за дитками, що розлизлысь по степену шырокимъ, та ночами темнымы квылыть, та постиль дрибнымы умывае. Имъ тамъ скризь весело, воны люди, звылы свои гнизда, воны въ чынахъ, въ почоти, а що жъ намъ зосталося на старисть литъ? Тилькы й радощивъ, що тишыть око, дывлячысь на щастя дитей, а дитей нема,—диты розбиглыся, забулы!..

Явдоха.

Та не вбывайтесь мамо! Ще и Михайло и Петро прыидуть, ще побачыте и невистокъ своихъ, пань знатныхъ.

Тетяна.

Охъ, дочко, чье мое сердце, що воны чужи намъ будуть: мы прости, а воны паніи! Коли бь хочъ зятя доброго Господь пославъ! Який бы винъ не бувъ, хочъ-бы ученый—преученый, та винъ буде добрищый до тещи, що выгодувала йому жинку гарну, тай дочка бильшь мае впливу на зятя, а нижъ сынъ на невестку! Зяти давно бь вже послухалы своихъ жинокъ и прыхалы бь провидать жинчныхъ отця, неньку-стареньку; а невесткы свекрухъ не люблять и певно не хотять ихать до насъ, тай сынивъ не пускають. Петро тутъ недалеко оженився, у Полтави, а й чуткы нема!

Васылына.

Ну, я Петрови не дывуюсь: одно—недавно оженився, а друге,—винъ смиренный, якъ овечка!

Явдоха.

Якъ баранчыкъ, скажы!

Тетяна.

Не шпеть його, моя дытыно,—мени жаль Петра, винъ и справди смиренный, а вона, може, не пускае...

Васылына.

А Михайло?

Тетяна.

На кого—на кого, а що на Михайла, то не надіялась никола, що бь його такъ

посила жинка, що й зъ дому не пускае,
зъ родомъ—родыною побачытысь...

Явдоха.

Учени, а серця не мають!..

Тетяна.

Ни, ни!.. Не кажы такъ! Вони бѣ онъ
якъ, та жинкы!.. (*Чуть голосъ Карпа: «Демьде,
ходимъ у хату»*). Сюда йде Карпо и Демьдѣ.
Карпо не любе, що я вбываюсь такъ за
Мыхайломъ и Петромъ. Ходимо до тебе
Явдохо, тамъ ще побалакаемъ, не будемъ
имъ тутъ заважати. Охъ, цей Демьдѣ бувъ
бы мени любимъ зятемъ: и поштывый и
казаиновытый.

Явдоха.

Розумный, ученый и сыльно праце-
вытый.

Васылына.

Та цытьте, ось вони вже въ снняхъ.

Явдоха.

А ты бѣ, Васылыно, пишла за Демьда?

Васылына.

Отъ, ей Богу!... ще почують.

Явдоха.

Де тамъ почують! Вони на подвирьн...
Слухай, не круты бо хвостыкомъ ябъ лы-
сычка. Бачъ, маты бѣ хотила такого зятя,

якъ Демыдъ... Не вже мижъ вамы не було ни якои розмовы.

Васылына.

А вже жъ що не було.

Явдоха.

Не повірю. Винъ очей зъ тебе не зводять. (*Входе Демыдъ и Карпо*).

Я В А П.

Ти жъ, Демыдъ и Карпо.

Демыдъ.

Добрыдень, мамо! Зъ Покровою будьте здорови! (*Цилує їй у руку*). Вы не дивуйтеся, що я васъ клычу мамою, бо инакше не прыходиться сказаты! Я тутъ прожывъ чотыри мисяци, якъ у рідныхъ.

Тетяна.

И я тебе люблю, Демыде; ты гарный и добрый парубокъ! Ходимо, диты!

Карпо.

А зъ нами жъ чомъ не хочете посидить?

Явдоха.

Та у насъ дило бабське, а у васъ мужчыньске!

Карпо.

Хиба! (*Выйшли*).

Демьдъ.

Ну отъ, сегодня и строкъ мій закінчився!

Карпо.

Ще вчора.

Демьдъ.

Скажіть мени Карпо Макаровичъ, якъ вамъ за часъ увесь мого тутъ пробування подобалася моя праця?

Карпо.

Не тилько мени, але и батькови и матери и вы и Иванъ здавалися дивовижными робитныками! Вирыть не хогилось, що це працюють непривычни люде! Теперь вы смилыво можете весты самы мале свое хазяйство и знаннямъ и працею служыть зразкомъ не тилькы школярамъ, але и ихъ батькамъ!

Демьдъ.

Ну, слава Богу, колы такъ! Заразь буду пысать проэктъ свій у земство, про зразкове хазяйство пры школи, а тымъ часомъ почну заводуытысь...

Карпо.

Тилькы хазяйку треба добру.

Демьдъ.

Та я соби наглядывъ, тилько не знаю, чи пиде.

Карпо.

Ха, ха, ха! Не знаю, чи пиде!.. Отъ тоби й парубокъ!

Демьдъ.

Та парубокъ, здається, не зъ посліднихъ, але трапляється частенько, а може и найбільше: що намъ подобається той, кому не доводилобы мы!

Карпо.

Бува! И ще гирше бува: намъ треба вола, а подобається кинь, и мы купуемо коня! Годи одынь въ ярми опыныться, другый же буде басувать на добрій паши... Такъ трапляється найбільшъ зъ панамы... А якъ ты его спряжешъ коня зъ воломъ? И библия намъ таку супрягу забороняе. (Сміється). Стережитися, щобъ зъ вами такъ не трапылось.

Демьдъ.

А що бъ сказали вы, якъ бы я васъ спытавъ: чи до пары мени буде ваша сестра, Васылына?

Карпо.

О... Це вамъ скоринце знать... А любыть вона васъ?

Демьдъ.

Не знаю, бо я ще не пытавъ.

Карпо.

Отъ тоби й маешъ! Такъ вы попереду спытайте!

Демьдъ.

А виддадуть?

Карпо.

Эхъ, вы—лемишка, лемишка!

Демьдъ.

Я, знаете, чоловикъ бидный...

Карпо.

Та хороший, розумный!

Демьдъ.

Спасыби!

Карпо.

Богови дякуйте за це! А на мою думку, колы дивчына кохае щыро, то буде все робыты такъ, якъ хоче чоловикъ: у симби-жъ, абы згода—то вже й до пары!

Демьдъ.

Багато разивъ вже можна було прызнаться, побалакать, та я боявся... (*Входе Терешко, Сергій и Тарась*).

Я В А III.

Ти жъ, Терешко, Сергій и Тарась Гупаленкы.

Терешко.

А що? Эге не ждавъ? Доброго здоровья, зъ празныкомъ!

Сергій.

Зъ Покровою— само собою!

Карпо.

Спасыби! Будьте й вы здоровы зъ празныкомъ! Сидайте!

Терешко.

А маты, батько, Васылына, дома?

Карпо.

Маты и Васылына дома, а батько сегодня раненько поихалы въ городъ зъ Иваномъ.

Сергій.

Такъ.

Терешко.

А ты знаешь хто це?

Карпо.

Ба! не знаю.

Терешко.

Сергя Гупаленка не знаешь?

Карпо.

Не знакоми, а фамылія видома! Перши хазяины на всю околицю, тысячу десятинъ посадають, якъ же не знать?

Терешко.

А цей козарлюга—його небижъ, Тарасъ Гупаленко!

Тарасъ. *(Всесь часъ самопевный тонъ мае).*

Изъ Петербурху. Унтеръ-офицеръ конногвардійського полка въ запаси. *(Подаетъ руку Карпови).*

Карпо.

Вернулись на хазяйство?

Сергій.

Само собою.

Тарась.

Не хотивъ вертатыся — мени и въ Петербурзи було добре, та отецъ и маты просылы.

Терешко.

А чого мы прыхалы, такъ я тоби заразъ скажу: оцей самый козарлюга (*показуе на Тараса*) хоче сватать Васылыну.

Демьдъ. (*Склонюеться. Шукает шапки*).

Чы я въ шапци сюды прыйшовъ, чи безъ шапки?

Карпо. (*Усмихаючысь*).

Не примитывъ.

Демьдъ.

Мабуть у васъ зосталась. (*Хутко выйшовъ*).

Я В А І V.

Ти жъ, безъ Демьда.

Терешко. (*Показуе на шапку Демьдову*).

Оце жъ мабудъ его шапка! Ха, ха! Чого це винъ зашамотався такъ, неначе перелякався?

Карпо. (*Усмихаючысь*).

Не знаю.

Терешко.

Щось винь давно туть третья;
чи не дума тежь сватать Васылыну? Га?

Карпо.

Може, то его дило!

Терешко.

Чуешь, Тарасе? Не пиддайся!

Тарась.

А якъ пробувшы пять литъ въ сто-
лыци Петербурзи,—мы соперныкивъ не
боимося и за себе встоимо!

Сергій.

Само собою.

Карпо.

Давно вернулыся до дому?

Тарась.

Мени здається бильше года, а на про-
вирку выходе—всего тры недили. Ха, ха,
ха! Жыття въ столыци Петербурзи и пры-
ривнять до вашого не можна!.. Тамъ вси
мають, знаете, моднисть и формальнисть,
а туть? (*Выйма и дывытьця на золоти часы*). Одно
слово—хахландія! Ни зь кымъ кумпанію
вдыть...

Сергій.

Само собою.

Терешко.

Ну, братъ, не кажи! То ты ще не прыдывывся! У насъ, у Лубняхъ, те-жь ученыхъ багато: и прокуроръ, и исправныкъ, и дыректоръ гимназій, и архитекторъ, и... багато людей достойныхъ. Якои жъ тоби ще кумпанія?

Тарась.

Лубни видъ насъ недалеко... Тай Лубни ваши—не стolicyя. Нема, якъ стolicyя—Петербурхъ: опера, цыркъ, своя братія живе въ казарми, якъ у роскошному палаци... Весело! Не те, що у васъ, въ хахландіи! Ха, ха, ха!

Карпо.

До Лубень справди далеко, а тамъ била васъ близенько земський начальныкъ живе; винъ Петербурхській.

Тарась.

Ага! Та все не було случаю; а теперь прыйдеться завести знакомство... Знаете, дядушка Сергій, Кулишови воли геть чысто пообтыралы наши скырты сина... Такъ треба до земського.

Сергій.

Само собою.

Карпо.

Отъ и кумпанія.

Сергій.

Само собою.

Тарась.

Нема кращой кумпаніи, якъ образована дама! А де їи взять? кругомъ подывився— мужыкы, хахлы,—прямо смутокъ за серце взявъ... А тутъ дядюшка Терешко на той смутокъ нагодывся и каже: такъ и такъ, учена племянница висимъ класивъ скинчыла... Ну, я стримглавъ сюды! Хочу себе показать и даму сердца побачыть! А якъ пробувши пять литъ въ столыци Петербурзи, не думаю, щобъ гарбуза пиднеслы. Ха, ха, ха!

Терешко.

Дежъ такы!

Сергій.

Само собою!

Терешко.

А ты, Карпе, якъ думаешъ? ты жъ тутъ усему голова.

Карпо.

Тутъ усему голова—Васылына.

Терешко.

Та що тамъ Васылына! Глянь, якый козарлюга!... Усяка дивка тилькы побаче— козою за нымъ поскаче!

Сергій.

Само собою.

Тарась.

Ха, ха, ха! Хороша прымовка: „Побаче— козою поскаче!“ А що вы думаете? Бувало;

усего бывало... И скакалы! Ей-ей, скакалы!... Я не хвастаю,—катався, якъ сыръ въ маслѣ.—Въ Петербурзи образовани дамы кругомъ...

Сергій.

Столыця—само собою!

Терешко.

Тилько одно, що Васылына тебе наукою переважить.

Тарась.

Не думаю. Я й самъ, дядюшка Терентій, не безъ науки; формальность розумію и зъ учеными дамами знакомства мавъ не разъ: въ каретахъ навить издывъ, ей, ей! Бувавъ и въ опери, и въ цырку... Свить бачывъ, и хочъ кому не дамъ у кашу наплювать, и черезъ те хочу сватать учену; проста дивчына мени не пидъ стать: ни якои формальности нема: куды зъ нею пидешъ? въ опери засне, въ цырку перелякаеться. Ха, ха, ха! И клипай очыма передь людьми. *(Выйма знову часы и крипко закрывае).*

Сергій.

Само-собою—клипай!

Терешко.

Такъ выходить, и тебе вчено? Онъ якъ! У насъ е унтеръ-офыцеръ Крайка—такъ зовсимъ простой; а ты, бачу, вченый!

Тарась.

Зъ Петербурху и учебну команду пройшовъ! Безъ науки въ унтеръ-офѣцеры конно-гвардійскаго полка не выскочышь...

Терешко.

Невже, слухай, ты знаешъ: ла-меръ, ла—перъ?

Тарась.

Якъ?

Терешко.

Ла-меръ, ла-перъ!

Тарась.

Щось не прыгадаю... (*Протяюмъ*). Ла-перъ! Ага! Якъ же, якъ же, знаю: це ресторація така! бувавъ, бувавъ!

Терешко.

Ни, братъ, не туды попавъ! Це наука!

Тарась.

Выходыть, въ учебній команди ии не проходятъ.

Терешко.

То-то що не проходятъ, а отъ мій Матюша проходе. (*До Карта*). Бида зъ тією наукою. Оце недавно бувъ у городи, провидувавъ Матюшу, французьке, братъ, учыть почавъ...

Тарась.

Французъке? *(Дывитья на часы)*. Знаю. Мерсы?

Терешко.

Та ни, яке тамъ мерсы! „Ла-меръ“ „ла-перъ“ одно слово-наука! И ниякъ не потрапышь сказать: неначе такъ, та не такъ! Я вже нанявъ Матюши научытеля и самъ довго сидивъ бия ныхъ. Слухавъ, слухавъ, ничего не второпавъ. Матюша каже: „ла-меръ“, „ла-перъ“ „ла-серъ“!—Уси сміються. Учытель поправляє, и поправляє,—я жъ чую,—такъ само: „ла-перъ“, „ла-меръ“, „ла-серъ“. Тю, бый васъ сыла Божя! Тай Матюша жъ такъ само говорытъ: „перъ, меръ“! Ни, кажуть не такъ! Матюша ажъ плакавъ... Беда!

Карпо.

Ничого, згодомъ налама языка.

Тарась.

Налама, налама—це правда! Въ учебній команди зразу тежъ сыльно важко и не зрозумило, а якъ языкъ наламаешъ-пишовъ!

Сергій.

Само собою—пишовъ!

Тарась.

А якъ бувшы въ столыци Петербурзи...
(Вбѣгае Васылына, за нею Демидъ).

Я В А В.

Ти жь, Демьдъ и Васылына.

Васылына.

Доброго здоровья дяющка! *(Цилується зъ Терешкомъ).*

Тарась. *(До Сергія).*

Настояща-дама серця.... пидходяща!

Сергій.

Само собою!

Васылына *(До всьохъ).*

Зъ празныкомъ! *(Въ цей ментъ Демьдъ гово-
рить тыжо до Карна).*

Тарась.

Унтеръ - офыщерь конно-гвардійського полка, Тарась Гупаленко, изъ Петербурха!

Васылына. *(Робе книксенъ и видходить до Карна. Тыжа розмова. Карно їи цилуе, а потимъ Демьда. Тыжъ часомъ).*

Тарась. *(До Сергія).*

Ловка и вси формальности зна!

Сергій.

Само собою—зна!

Терешко.

А що, хйба не краля?

Тарасъ.

Не ждавъ таку въ хахландіи найты...
Думавъ шукать у Петербурзи... Дама настояща, и формальности... и все... неначе въ Петербурхъ попавъ прямо на Невській!

Терешко.

А яжъ казавъ!

Тарасъ.

Дядюшка Терентій, идить зразу въ атаку, на прыступъ! *(До Серія)*. Настояща дама серця!

Сергій.

Само собою—зъ серцемъ.

Карпо. *(До Васылыны и до Демьда)*.

Ну, слава Богу, що такъ сталося! Дуже, дуже радъ!

Терешко.

А що, Васылыно, скоро насъ покличешъ на весилля?

Тарасъ. *(До Серія)*.

Ловко атакуе.

Васылына.

Ще не знаю.

Терешко.

Мабудь безъ дядька не обійдеться...
Треба буде поклопотать... а?

Васылына.

А не обійдеться!

Тарась. (*Крутить вусь и дивыться на часы*).

А колы що, той мы поможемо...

Васылына.

Спасыби!

Тарась. (*До Серія*.)

Чуете? Яки формальности!

Васылына.

Колы ласка, то за боярына прошу.

Тарась.

Не въ согласіи! Бажаю стать у першу шеренгу!

Карпо.

Опизнылысь! Васылына иде замижъ за Демыда Семеновыча!

Терешко.

Оце такъ!

Тарась. (*Видходе, до Серія*).

Промахъ!

Терешко.

А чомъ же ты видъ разу не сказавъ?

Карпо.

Бо й я не знавъ. А помы мы тутъ говорылы, ихъ тамъ, у мене, благословыла маты.

Тарась.

Неприятный промахъ! *(До Сергія)*. Такъ намъ тутъ ничего робыть.

Сергій.

Само собою.

Карпо.

Просымо зъ нами пообидать, зашьемо заручыны! *(Балакають тыхо зъ Васылыною и Демьдомъ, Васылына весело, сміється)*.

Терешко.

Пообидаемо справди!

Сергій.

Само собою!

Тарась.

Та вамъ ничего, а я осоромывся. Теперь—ни въ сыхъ, ни въ тыхъ; не той узявъ прыцилъ и не попавъ въ мишень. Шпакъ сміяться буде въ вичи; ни, краще ретыруюсь! Прощайте! *(Прощаються)*.

Карпо.

Вы-жъ нашої хаты не мыняйте!

Сергій.

Само собою! *[Выходитъ]*.

Тарась.

Не надіявся. Теперь хочъ не показуйся въ Петербурхъ столицю... Попорчена менадаль! *(Выйшовъ)*.

Терешко. *(Чухае голову. Про себе)*.

Пропала поросна свыня!

Карпо.

А вы, дядьку, зостанетесь?

Терешко.

На чыимъ вози идешъ, того й писню спивай! Прощайте! А на весилли погуляемъ! Пошлы вамъ, Боже, щастя. Ха, ха, ха! Пропала вся пыха столычна у Тараса. *(До Карпа)*. Ты думаешъ, що я не розумію, що-винь, а що-Дымыдъ? Розумію! Маладець учитель! хвалю! и Васылыну хвалю: до пары выбра-ла дружыну! *(Выходитъ, Карпо за нымъ)*. Бачъ, столычна птыця кырпу гне, а ла-меръ ла-перъ и не нюхавъ... *(Выйшлы)*.

Я В А VI.

Васылына и Демыдъ, потімъ Карпо.

Демыдъ.

Ще килька хвылынъ, и я бъ зоставсь въ дурняхъ!

Васылына.

Чого такъ?

Демыдъ.

Якъ бы я першый не посватавъ, то Гупаленко бъ васъ узявъ.

Васылына.

А хто його зна. *(Входе Карпо)*. Винъ гарный!

Демыдъ.

Отъ бачыте! И гарный, и багатый!

Карпо.

И дурный, и нахаба, и самопевный! Звычайный, старший городовый изъ Лубень, а послухалы бѣ, що винъ тутъ говорывъ: „кругомъ хахландія, мужыкы... и нема йому кумпані!“ А? Самый протывный покручъ послиднего сорта, и той глузуе надъ хахломя! И такихъ не мало и межъ освиченымы и неосвиченымы бездарамы! Ихъ обійшла прырода своимы дарамы: творыла, бачыте, дуже хапко, наскоро, и забула покласты имъ у головы хочъ грудочку доброго, простого мужыцького мозку, а черезъ те воны и крутяться усе жыття, мовъ въ ополонци, не прыстаючы ни до якого берега!.. Я, радъ, що на обидъ винъ не зостався. Немае гирше, якъ чоловикъ, зопсованыи жыттямъ и отеченнямъ, потеряе натуральный розумъ: въ голови макитрыться, все ходе вверхъ ногамы и винъ самъ ходе у тьми, та стукається лобомъ то объ той, то объ другый чужый одвирокъ и до смерты вже не выйде на шляхъ простои, звычайной людыны!

Демьдъ.

Браво, браво! Чудовый малюнокъ!

Васылына.

А цей молюнокъ, знаешъ, зачипае трохы и мене...

Карпо.

Ха, ха, ха!

Демьдъ.

Може колышню, давнюю?

Карпо.

Бувъ той грихъ! Ну, а теперь ты выйшла вже на шляхъ простои, натуральной людыны. (*Цилуе її*). И черезъ те моднисть и формальнисть, якъ каже Гупаленко, тобі будуть протывни. (*Входе Иванъ, одянений въ нову пару*).

Я В А VII.

Ти жъ, и Иванъ.

Васылына.

Гляньте, якъ Иванъ нарядывся!

Иванъ.

«Хочъ горя набрався, за тежъ у робу вбрався», — якъ кажуть Херсонськи кабатажни матросы! (*Карпо, Демьдъ и Васылына обступаютъ Ивана и нобы пробуютъ матерію, пощипуютъ його*).

Карпо.

Ничого.

Иванъ.

Ай!

Демьдъ.

Добре сукно.

Иванъ.

Та ну тебе!

Васылына. (*Хоче піймать за рукавъ, Иванъ ухмыляється. Васылына пада на Демьда. Демьдъ її обніма*).

Карпо.

Ага, піймалась! Ну, корыстуйся жь
случаемъ—цилуй!

*Демьдъ хоче поцилувать Васылыну, вона усмьяється и дае
ему тумака въ спину.*

Демьдъ.

Ого!

Карпо.

Це перша проба. (Смїється)

Иванъ. (Смїється)

Чудовый настроій! Певно щось тутъ
безъ мене сталося добраго? Ну, прызнавайся,
Демьде!

Карпо.

Э, братъ, що тутъ сталося,—довго
росказувать! А коротенько: Васылына иде
замижъ за Демьда!

Васылына. (Тикае въ двери, Иванъ їи придержуе).

Иванъ.

Стривай, лысычко!... (Васылына жова лице
на груди Ивана. Випъ їи обтирае и цилуе.) Поздрав-
ляю зъ закиненнямъ ликарскихъ кур-
сивъ. (Смїєть)

(Входе Макаръ. Васылына, сміючысь, выривається видъ Ивана,
бїжить до Карпа и тупить до него; вси сміються).

Я В А VIII.

Ти жъ и Макаръ.

Макаръ.

Отъ якъ у васъ весело! Певно Иванъ смишыть? Гляньте, яка тютя! Прямо таки председатель земської управы! *(Сміється)*

Карпо.

Тутъ, тату, загальна радисть: Васылыну посватавъ Демьдъ, и мама вже дала свое благословення. Теперъ ще ждалы васъ, щобъ и вы поблагословылы!

Демьдъ. (Бере Васылыну за руку и пидходить до Макара въ пари, стають навколуюшки).

Благословить, тату!

Макаръ. *(По паузи).*

Благословляю и благаю Господа мыло-сердного, *(пидводе ихъ и цилуе. Входе Тетяна и Явдоха)* щобъ винъ пославъ вамъ любви и згоды въ симби на многи лита!

Тетяна.

Та тилькы знайте, що я не одпустю Васылыны съ своего дому: жывить пры насъ! Це моя найпершая умова! Буде вже зъ мене, наплакалася и настраждалася! *(Здержуючы слезы)*. Повылиталы птахы зъ гнизда и покынулы насъ старыхъ: а ни Михайло, а ни

Петро и носа сюды ни покажутъ!... Поженылыся на панночкахъ и забулы батька, матирь. А Васылыны не пусто видь себе! одна, тай ту не буду бачыть?

Макаръ *(Вытирае слезы)*.

Та не плачь! отъ ище! Все ради, а вона плаче! Чого имъ видь насъ видходыть? Демьдъ любе хлиборобство, — бачыла, якъ працювавъ чотыри мисяци, — збудуемо имъ гарну хату, поручъ зъ Карповою, тай нехай хазяинують: хочъ укупи зъ Карпомъ, хочъ наризно; а тутъ же и школа е, можна зъ нашимъ учителемъ поминятыся...

Демьдъ.

Не журытыся, мамо, мы васъ не покынемо.

Карпо.

А зъ учительствомъ дило уладнаемо. Ну, давайте жъ обидать та запьемъ заручыны, Явдохо! Внесы, голубко, слывьянкы, *(Явдоха иде, маты, Васылына и Демьдъ окремною группою балакають тыхо! Маты гладыть Васылыну по голови, та цилуе їй руки!)* А слывьянка певно добра, бо пьять литъ ждала цего случая.

Макаръ. *(До Ивана)*.

А ты, сыну?

Иванъ.

И я выпью слывьянкы.

Макаръ.

Сливьянка сливьянкою, а ты бѣ жы-
нвсья.

Карпо.

Поидемъ до Кравченка! Тамъ, братъ,
дивчына Тетяна, якъ макивъ цвѣтъ!

Макаръ.

Эге, эге! Кравченки хазяины, сыну,
давни, ридъ хороший, чесный, багатый, а
до того и сусиды.—Катай!

Иванъ. (*Жартовливо*).

Въ Кытай!

Макаръ.

Та ну бо, не выгадуй! Тыжь показавъ
себе онъ якымъ робитныкомъ, теперь пора
звыть гниздо; женисья!

Тетяна.

Женисья, сыну! Я Тетяну Кравченкову
бачыла и знаю. Хороша-прехороша!

Иванъ.

А вы думаете я не бачывъ? Бачывъ
у церкви и балакавъ на паперти зъ нею.

Тетяна.

Бачывъ? Балакавъ? Отъ и гараздъ! А
правда-жь гарна?

Иванъ.

Крацой и не треба!

Карпо.

Такъ идемо сегодня надъ вечерь; чого зволикатысь?

Иванъ.

И справди ничего зволикатысь! Приборканый я бувъ и тилькы мріямы литавъ туды, де сердцемъ жывъ давно! И отъ теперь я спробувавъ себе на тяжкій праці строкового, здобувъ робочу дисциплину, набрався певности у своихъ сылахъ—и воскресъ: у мене крыла одрослы, я почувваю смилывисть въ души и йду на сцену!

Карпо.

Въ театръ?

Макаръ.

Отъ тоби й маешь!

Тетяна. (*Схоплюється*).

Куды идешь?

Иванъ.

Служыть въ театри, мамо, хочу!

Макаръ.

Тилько що успивъ зробітысь добрымъ робитныкомъ, справжнимъ чоловікомъ, и на тоби: знову химера! Залышы, сыну, цю химеру!—Осядъся на земли—святе дило!

Тетяна. (*Утыра слезы*).

И цей кыда!

Иванъ. (*Цілує матирь*).

Я васъ николи не покину, николи не забуду!

Карпо.

Театръ... Страшна, мій брате, ричь! Ты самъ ранищъ казавъ, та и я знаю... краще вникъ жыть строковымъ робитникомъ, прынайми есть харчи, ніжъ бездарю актеромъ поневирагысь, старцювать!..

Иванъ.

Ахъ, Карпо! Я такъ люблю театръ, якъ божевильный свои фиксы! Зрозумій, брате: вси личать мене невдахою, и самъ себе я мучывъ думкою, що уродывсь никчемнымъ! Дай же мени спроможнисть попробувать на сцени свои сылы! а може жъ я талантъ?

Карпо.

А памьятаешъ, мы бачылы у городи актеривъ, и, не дослухавшы піесы до кинця, ты втикъ зъ театра? Ха, ха, ха!

Иванъ.

Хиба то піеса, хиба то актеры?..

Карпо.

А може жъ и ты кращымъ не будешъ? Скажу твоими словами: мрії твои—суета!

Иванъ.

Демьдъ! Заступайся за мене! Карпо! Може я и справди чудодій, може мои мрії

суета; сцена жъ—мій кумыръ, театръ—священный храмъ для мене! Тилькы зъ театра, якъ зъ храму крамаривъ, треба гнать и фарсъ, и оперетку—воны—позоръ искусства, бо смакъ псують и тилькы тишаться порокомъ! Геть ихъ зъ театра! Митлою слидъ ихъ заместы. Въ театри грать повинни тилькы справжню литературну драму, де страждання души людської, тривожить камьяни сердца и, кору ледяну байдужности на нихъ розбывшы, проводить въ душу слухача жадання правды, жадання загального добра, а пролытымы надъ чужымъ горемъ слезамы убиляють его душу паче снигу! Кумедию намъ дайте, кумедию, що бычует сатырою страшною всихъ и смихомъ черезъ слезы сміється надъ пороками и заставля людей, мимо ихъ воли, соромытысь своихъ лыхыхъ учинкивъ!.. Служить такимъ широкымъ идеаламъ любо! Тутъ можна иноди й поголодать, щобъ тилько певнисть мать, що справди ты несешъ нехыбно цей стягъ священный!

Демидъ. (*Мицно стыскуе руку Ивана*).

Я подиляю твою думку, я чую сердцемъ, що ты артысть и справди! Карпо! Не ламайте чужою воли, я певень, що Ивана сцена жде давно,—вицдамо его сцени!

Васылына.

Таточку, мамо, Карпо! Не сылуйте Ивана жыть въ сели! нехай винъ робить те, що любить.

Карпо.

Та Боже поможы ему, и я радъ помогты.

Тетяна.

Може и справи тамъ его щастя?

Макаръ.

Ну щожъ, нехай иде... и Михайло щось про це казавъ и раявъ.

Иванъ. *(Цилуе батька, матирь, Карта).*

Спасыби, спасыби за помичъ! Теперь жыття мене до себе маныть и усмихається такъ мыло, якъ Васылына усмихнулась заразъ Демыдови! Вы щаслыви—и я щаслывыи у цей часъ! Ура!.. *(Цилуе Васылыну и Демыда).*

Макаръ.

Стривайте! Здається хтось пидъихавъ.

Карпо. *(Загляда у вично).*

Коляска графа Тютти!.. Що це, чого це?..

Иванъ. *(Загляда зъ задy)*

А въ колясци нашъ Петро.

Тетяна.

Петро! *(Бижыть зъ хаты).*

Макаръ. *(Иде за нею).*

Та не бижы бо такъ стара, а то ще упадешъ. *(Выйшовъ).*

Васылына. (*Радисно скаче*).

Петя, Петя! Слава Богу, хочь мама заспокоиться! (*Выйшла*).

Иванъ.

А зь нымъ поручь якась пышна краля—певно жинка! Хто жь то ще верхы?

Карпо.

Старшый сынъ графа Тютти.

Иванъ.

Угу! Зь кавалеромъ замисть прыданого...

Карпо.

Якесь паскудство! А бидна мама, дывысь, дывысь: мало не звалыла Петра!..

Иванъ. (*Видийшовъ видъ вкна*).

О, матери! Якъ бы вась диты такъ любылы, якъ вы дитей, тоди-объ не жалъ було такъ упадаты били ныхъ!

Карпо.

Ведуть пидь руки кралю.

Иванъ.

И знову суета! А, подла суета! Ну, ну побачымо, що за птыця Петрова молодыця!

Карпо.

Графъ коня прышпорывъ и подався зь двору!

Иванъ.

Не удостоивъ.

Карпо.

А ну его! Скатертью дорога. *(Входятъ Аделаида, одялена гарно, модно, ефектно. Матъ, легенько ѣй держаться за рукавъ, заглядаючи у вичи. Сидомъ Петро одятений въ судейську одежу, зверху шыня на опашкы. Васылына и батько.*

Я В А IX.

Ти жъ, Аделаида, Петро, Тетяна, Васылына и Макаръ.

Тетяна. *(Упадаючи била Аделанды).*

Невисточко моя, паняночко!.. Якъ намалевана—гарнисенька! Роздягайся, Роздягайся! *(Тымъ часомъ Петро цилується зъ братамы и Демьдомъ. Тетяна повернулася до Петра, била Аделанды стае Васылына, хоче ѣй помогты скинуть шыяпу, та одводе ѣи руку).* Петя! Якъ же ты переминывся!

Петро.

Одежа друга, мамо! *(До Аделанды).* Адя! Це браты мои: Карпо и Иванъ, а це-Короленко.

Аделаида. *(Стрепенувшись, радисно и шикаво).*

Пысатель?

Петро.

Сельскій учитель.

Аделаида. *(Нестуючы).*

Учитель... *(Робыть загалный уклянь и сьда).*

Иванъ. *(До Карпа).*

Прывитлива!

Карпо.

Що то у неі у тій торби ворухытыся?

Тетяна.

А я тутъ ждала тебе зъ жинкою, ждала, умливала, мало не злягла зъ печали. *(Скыда раптомъ шынею и кладе на скрыню).* О, и въ тебе аполеты, якъ у Мыхайла *(Петро обертається до Ивана и Карпа. Маты загляда ему у вичи и цилуе).*

Аделаида. *(До Васылыны).*

Вы учылысь въ гимназіі?

Васылына.

И скинчыла.

Аделаида.

Бідна!

Васылына.

Чого?

Аделаида.

Скинчыла гимназію и живеете на сели у простій мужыцькій хаті.

Васылына.

Це прадидивська, у насъ е гарный димъ.

Аделаида. *[До мишечка].*

Чого тоби Амишка? *[Роспускае торбочку, звиднїля чоказується голова бїлої манюнеї собачкы].*

Бидненька, якъ носыка зморщыла! Повитря не гарне? Заразь пондемо! [*Тулить собачку до лыця*]. Мишка моя хороша. [*Цилуе и*]. Це графъ прывизъ зъ Парыжа и мени подарувавъ Пьеръ!

Петро. [*Такъ кынувся, що мало не звалывъ матирь, и пидбигъ до Аделаиды*].

Аделаида.

Я задыхаюсь, таке важке повитря.

Васылына.

Це пахнуть такъ васылькы.

Аделаида.

Фи!.. Мишка! Не кусай!.. Пьеръ! Тамъ насъ ждуть!

Петро.

Адечка мыла, посыдымо—ще жъ рано.

Аделаида.

Зубы, якъ голкы!.. Якъ у васъ багато рушныкивъ—вы мабуть вси тутъ умываетесь? [*Петро пидійшовъ до матери*].

Васылына.

Це для красы.

Аделаида. [*Прытулыла собаку до щокы*].

Ха, ха, ха! Пьеръ!

Петро [*Схоплюється и пидбига*].

Що, Адечка?

Аделаида.

Идемъ. Ай!

Тетяна.

Що тамъ?

Аделаида.

Противна Амишка вкусыла за ухо!
[Запыла собачку въ мишокъ]. Сыды тамъ, зла фу-
рія!.. Пьеръ! Идемъ!

Тетяна.

Що це ты, неvistочко моя золота?
Плюнула черезъ поригъ, тай зъ хаты?

Петро.

Мамочко, голубочко, вы бачте що я до
васъ на хвылыночку...

Тетяна.

Якъ на хвылыночку? що ты говоришь,
мій сыну?

Петро.

Бачыте, Адя давно запрощена до гра-
фа. Вона учылася разомъ зъ его дочкою, а
та сегодня имениныця, такъ насъ тамъ
ждуть обидать... Я, мамо, завтра заңду.

Аделаида.

Пьеръ!

Петро. [Бижыть до нец].

Та посоромся хочъ ридни!

Тетяна.

Петя! [Петро повертається до матери].

Аделаида.

Пьеръ! *[Петро приближае]*. Идемъ, а ни, то
я сама пойду.

Тетяна.

Боже мій, Боже мій! *[Хлыпа]*.

Макаръ.

Стара, годи! колы запрошено до графа,
то нехай иде! Може тамъ кращый обидъ!

Петро. *[До батька]*.

Не то що... А запрошено... якось...
знаете... обещалы! Коней выслалы... сынъ
графа самъ зустрічавъ...

Аделаида. *[Иде до дверей]*.

Пьеръ!

Петро. *[Хана шынелю]*.

Я заразъ!

Аделаида. *[Робе загалный поклонъ]*.

Прощайте. *[Цилуе Васылыну]*. Мени вась
жаль!

Васылына.

А мени Петю жаль!

Аделаида.

Пьеръ! Уже нерано, тамъ ждуть.
*[Выйшла. Петро наскоро цилуе матирь, батька, бижытъ
до дверей, вертаецься, хоче попрощатъсь зъ Карпомъ.
Чуть) Пьеръ! [Винъ кыдаецься зъ хаты, прыговорючы]:
Завтра заиду, завтра заиду, завтра...
«Пьеръ».*

Карпо.

Эхе—хе! Ускочывъ!

Тетяна.

Сыну мій, Петрусю, дытыно моя доро-
га, занастывъ ты свою голову! (*Плачущи,
иде на дворъ*).

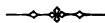
Макаръ..

Оце невисточка!

Иванъ.

Чучу!! Свынота!

З А В И С А.

Д і я І V.

Кабинетъ.

Мыхайло (*Чита газету*).

Отъ тоби и старшый пысаръ Иванъ
Барыльченко! Первокласный артыстъ, вси
газеты въ одынь голосъ славлять. И за та-
кый короткый часъ—всего два рокы! (*Влоде
Наташа*).

Я В А І I.

Мыхайло и Наташа.

Наташа.

Я думала, що тутъ хто небудь е, а це
ты самъ зъ собою говорышь!

Мыхайло.

Чытавь газеты! И вычытавь прыятну новыну. Я тоби, Наташа, не говорывъ ще: у мене е братъ, такъ, знаешъ, невдаха, недоучка, босякъ по характеру... розуміешъ: босякъ! И теперь раптомъ знаменытись! Первокласный артысть за короткый часъ! Талантъ, и понавъ на свій шляхъ.

Наташа.

МЫЛЫЙ артысть, босячокъ! Якъ бы я хотила его бачыть! Дежъ винъ?

Мыхайло.

Въ Москви пожынае лавры! Щасливый: незалежність, лавры и гроши.

Наташа.

Охъ, якъ я люблю артыстычне жыття. Я перше хотила буты артысткою, такъ татко...

Мыхайло.

О, ты мала бъ поспихъ—ручаюсь! Красыва женщины и безъ талану на сцени мае бильший поспихъ, ніжъ некрасыва зъ таланомъ.

Наташа.

Хиба я гарна?

Мыхайло.

Ты сегоднн гарна, якъ майскій ранокъ!

Наташа.

Тилькы сегодня?

Мыхайло.

Що дня, разъ-у-разъ ты гарна; а сегодня особливо! И якъ тоби лычыть ця нова прычиска, и гепюры на рукавахъ, и...

Наташа.

Ну... *(Затуля ему ротъ рукою).*

Мыхайло *[Цилуе руку].*

Такъ щобъ така красавыця не мала на сцени поспиху? Зарани бъ поручывся...

Наташа.

То такъ тоби здається, бо ты самъ въ хорошему настрою: именынныкъ, статскій совитныкъ и инспекторъ!

Мыхайло.

Це ты, моя зирко, така щаслива, це черезъ тебе посыпалось стилькы жыттевыхъ удачъ на мене.

Наташа.

Чого жъ я? Особи твои заслугы, твоя докладна записка... Ну, дядя мій, директоръ,—все разомъ... Не въ примирь другымъ...

Мыхайло.

А всежъ черезъ тебе, мій ты тализманъ, моя ты маскота! *[Цилуе її].* Знаешъ,

колы и на дали такъ буде мени усмихаться фортуна, то я скоро и въ директоры выскочу, а тамъ и «дѣйствительный статскій» не за горами! Само собою, що и статскій такъ рано—прятно! Тилькы статскихъ теперь развелось за надто багато! Пры тому статскій все такы не генераль, а дѣйствительный—Ваше превосходительство!

Наташа.

Якъ Ваше Превосходительство, такъ и старый!... Не хочу! Отъ татко теперь генераль—Ваше превосходительство, и слипый! Краще бѣ винъ заставався все жыття полковныкомъ, тилькы щобъ бачывъ...

Мыхайло.

Нещастя!... А не ослипны твій татко такъ нежданно, винъ пишовъ бы далеко!...

Наташа.

И мы бѣ поихалы на той рикъ на Ривьеру, а теперь вже не побачу я тебе, красо всего свита, николы!

Мыхайло.

Чого?

Наташа.

На наше жалування и на таткову пенсію далеко не поидешъ; хнба твоя родына поможе...

· Михайло.

Бережливисть поможе намъ зробить запасы, а на запасы можна поихать и на Ривьеру.

· Наташа.

Бережливисть! Ха, ха, ха! Мы зъ таткомъ жылы на вси и теперь зъ тобою живемо на вси! Отъ и на сьогоднішній вечеръ вже багато взяли въ боргъ! А пенсія ще не прыйшла, и тоби зъ дому не прысылають... Мыша, чи не посварывся ты зъ своимы?..

· Михайло.

· Бороны, Боже!

· Наташа.

А чого жъ ты два roky збираеся поихать до батька и все зволикаешъ? Не розумію! Може вони сердяться, а черезъ те й грошей тоби не прысылають... Мыша! Поидемо, мылый, до твоихъ, повезы мене, познакомъ! Я певна, що зъумію прыворожыть твоихъ старыхъ... Я буду грать, спивать; у васъ же есть піанино?

· Михайло.

Поидемо, поидемо, весною поидемо!

· Наташа.

Слово?

· Михайло.

Слово!

Наташа.

Гляды жь!.. Кажуть въ Полтавській губернії чудова прырода; а батькы твои давни помищыкы, то певно посадають старынне яке урочыще: замокъ, паркъ!.. Ахъ, якъ я люблю старынни помищычи усады!

Мыхайло.

О, тамъ била Лубень и въ Лубняхъ— дуже гарно! Сула, горы, манастыр, мало-россійска Швейцарія.

Наташа.

Ахъ, Швейцарія... Ривьера! Колы я васъ побачу?

Мыхайло.

Побачышь, клянусь! Таткови вже выйшла пенсія и не мала... Куды винъ и дине, жывучы пры насъ? Квартыра казенна, мое жалування хороше, визьму ще побильше урокивъ, плюсь бережливисть, а тамъ поидемо въ Полтавщину, визьмемо у батька добрый плюсь,—и на Ривьеру!

Наташа.

Боже!.. Невже? Мыша мылый, голубчыкъ! (*Цилуе ею*). Не вже мы поидемо на Ривьеру? Ахъ, ахъ! О, незабутне минуле! Ты знову воскрешаешъ передь очыма, ты знову наповнышь душу тривогою шырокого жыття: выборне товарыство, катання, гуляння, интрыгы! Ахъ! Краса пры-

роды знову налле у серце жывуцой и цилющой воды и поклыче до жыття вси фібры молодого серця!.. Я наново рождаюсь видь думкы однін! Мыша, хороший мій, якъ я тебе люблю! (*Цилуе ею*).

Мыхайло.

О, моя мыла! я все для тебе зрблю!
(*Влоде Акила*).

Я В А III.

Ти жъ и Акила.

Мыхайло.

А, Акила Акиловычъ, якъ я радъ, що вы прыйшлы! Поможете намъ? Я чувъ видь директора, Федора Ивановыча, що вы настоящій метръ-до-тель!

Акила.

Можу! Ха, ха! На щоть закусокъ можу! Порядокъ тожъ... чай... ерунда! Наталія Петровна не буде турбуватись.

Мыхайло.

Спасыби вамъ, спасыби! Сидайте покы що, покурить: може газету почытаете?

Акила.

Не вартъ, ерунда! (*Влоде Тарабановъ одянений въ поношений жакетъ, въ калошахъ,—одна глыбока, друна милка,—и въ билому колпакови*).

Я В А IV.

Ти жъ и Тарабановъ.

Тарабановъ.

Здравія желаю, ваше превосходительство! Явивсь по вашему приказу.

Михайло.

Це поваръ, Наташа.

Тарабановъ.

Служивъ у барона Корфа! Акила. Акиловычъ зна мене... рекомендуйте.

Акила.

Тверезый — сверхъ поваръ, пьяный — ерунда.

Тарабановъ.

Сегодня чысть, якъ хрусталь!

Михайло.

Побачымо; у насъ есть и кухарка хороша. Такъ ты иды, братъ, на кухню и роздывысь на провызію.

Тарабановъ.

Я зъ кухни ретырувався, ваше превосходительство!

Михайло.

Чого такъ?

Тарабановъ.

Кухарка войну объявила: Паша бунтъ пиднимае и, поставившы передъ плытою.

непрыступну барикаду—помыйныцю и велычезный вихоть, страща мене облыть помыямы, колы осмилюся початы прыступь до плиты!

Мыхайло.

Що вона зъ ума зійшла?

Тарабановъ.

Ревность, ваше превосходительство.

Мыхайло.

Яка ревность?

Тарабановъ.

Ревнует мене до плиты!

Акила.

Отъ ерунда!

Мыхайло.

Акила Акиловичъ! Будь ласка, помырить ихъ тамъ!..

Акила.

Борысь! А ты тверезый?

Тарабановъ.

Якъ рекрутъ на часахъ!

Акила.

Ерунду мелешъ! Ходимъ! (*Выйшовъ*).

Тарабановъ.

Главне дило Паша въ воинственномъ азарти, якъ воевода Пальмерстонъ. (*Выходитъ*).

Я В А Ч.

Наташа и Михайло, потимъ Ваня.

Наташа.

А поварь, знаешъ, босячокъ; я люблю босячкивъ, воны теперь въ моди. Ну й злюка жъ Паша! Що й мишае поварь?

Михайло.

Очевыдно соревнованіе! Акила ихъ помырыть. (*Входе Ваня*). А що Ваня?

Ваня.

Генераль пытають, чи вже пидшылы червону пидкладку пидъ тужурку?

Наташа.

Скажить, скоро буде готова! Тилькы Ваня, голубчыкъ, пидкладка буде не червона, а зелена. Татко слипый, ему усе одно, а вы не промовтесь!

Ваня.

И мени все одно!

Наташа.

Такъ идить и скажить, що скоро буде готово; тилькы не промовтесь.

Ваня.

Будьте певни. (*Выйшовъ*).

Мыхайло.

Що ты зробыла, Наташа?

Наташа.

А що?

Мыхайло.

Ну, якъ же такы можна, взяла и пидшыла тужурку генераль-маіора зеленою пидкладкою! Червону треба.

Наташа.

Я знаю, мылый! Тилько червону треба було купыть, а у насъ грошей нема: все зывь сегоднешній вечирь; такъ я взяла свою зелену шерстяну юбку, попорола, и Дарына пидшыла зелену пидкладку.

Мыхайло.

Непрятно... и навить жаль обманювать старого.

Наташа.

Ну, отъ! Татко не бачыть, нихто ему не скаже, и винъ буде задовольненный. А сказать таткови, що у насъ грошей нема—гирше, и винъ не повирыть, бо личыть тебе багатымъ. Ну, и непрятно, знаешь, прызнаться...

Мыхайло.

Та воно такъ... Тилькы... якось... А!.. Було-бъ хочъ пораятысь, може бъ я взявъ матерьяль у Ивана Дмытровыча въ боргъ...
(Входе Даша и несе сирѹ тужурку зъ генеральскыма по-

тонамы и зеленою пидкладкою). Ну, хочъ погонны генеральски.

Наташа.

Це татко самъ купывъ раньше.

Я В А VI.

Ти жъ и Дарына, потимъ генераль.

Наташа.

Глядитъ же, Дарыно, не промовтысь, що пидкладка зелена, а не червона.

Дарына.

Та имъ, дорога моя пани, усе одно: чи червоне, чи зелене! сказано—чоловикъ темный. (*Входе генераль. Ваня его веде*).

Генераль.

Ну, готово?

Дарына.

Готово, Ваше Превосходительство. (*Наташа цилуе его въ щоку, генераль гладыть їи по голови*).

Генераль.

Наташенька! (*Мыхайло цилуе его въ щоку, генераль гладыть по голови*) Мыша! Здоровъ, братъ! Здоровъ,—пидъ генераль! Ха, ха, ха! Ну, Дарына, давай надинемъ генеральску тужурку. (*Скида халатъ*) И халатъ пидибьемъ генеральскою пидкладкою. [*Подають тужурку и помогаютъ надить. Надившы тужурку, одвернувъ полу, погладывъ рукою, потимъ погладывъ лацкана и, взявши*

рукою погоны) Чую пидъ рукою, що погоны генеральски, а отъ пидкладку (*Знову одвертає полу и глядыть*) Не розберу!... Червона?

Наташа.

Червона, татку!

Генераль.

Слиный! Не бачу! Охъ, яка тяжка потеря!.. Отъ сегодни будуть гости винтыть, а я не можу! Умираю, братъ, за карты!... Ну щожъ, прыйду, хочъ посыдю, послухаю, якъ други: (*Передражнюе*) дви пики... тры пики... тры червы... малый шлемъ въ бубнахъ... Ха, ха, ха! Люблю, коли гра туго намотується на нервовый валь... Температура пиднимається, нервы настроени по високому камертону... Ху! Жарко! Братъ, Федоръ Ивановычъ, бере прыкупку... Зализъ — прыкупка ни къ чорту!... Судорга пройшла по выду... Переводыть духъ, отдувается, вытыра лысыну и починається турниръ! Ха, ха, ха! Теперь не дай Богъ быть партнеромъ Федора: вси помылкы—на него! Гримъ и блискавка.

Наташа.

Я навить боюся за дядю Федора: горячыться, крычыть, кашляе, ажъ сыніе, и знову крычыть! Здається, отъ-отъ буде парашчъ!

Генераль.

А-а! Гримъ и блискавка!

Наташа.

И увесь гримъ за тры копійкы (*Мыхайло сміється*).

Генераль.

А-а! Ха! Тры копійкы! Не въ тымъ ричь! Тутъ умственна эквилибристика: чоловікъ дума, риша, розриша, кыпыть, и раптомъ—тарахъ! нетой ходъ—безъ одніи!... Тарахъ, безъ двохъ! Нервы вытягнулысь, одна помылка повела за собою другу, третю, все вверхъ ногамы! Ну, и баталія! Тутъ жыття! а... а... Ха, ха, ха! Люблю! Ну, помы пробьють барабаны и закыпыть на зеленимъ поли бой смертний,—~~ходимъ~~ Ваня, дочытувать «Розвидчыка». (*Бере Ваню за руку и идуть*).

Я В А VII.

Мыхайло и Наташа, потимъ Акила.

Мыхайло.

Якъ жаль татка! Скилько у него энергій! Щербъ служыть, повышаться,—и на тоби таке нещастя: слепота!

Наташа.

Це у насъ въ роду. Дидь мій, тежъ генераль, ослипъ пидь старисть... А що, Мыша, колы я ослипну? Боже мій! Якъ страшно! (*Почынае плакати*). Я... я... стара... зморщена и слипа, никому не потрібна...

Мыша, ты мене покинешъ, а татка вже не буде... охъ, охъ! якъ била серця здавило.

Мыхайло.

Наташа, мыла моя, годи! Охота мучить себе никому невидомою будущиною! Колы тамъ що буде, та ще й чи буде, а ты заразъ псуешь свои ясни очи! Видъ слизъ очи теряють ясність, яскривисть и красу...

Наташа (*Вытирае очи*).

Невже?

Мыхайло.

Ну, якъ же можна: гости и ты заплакана! Скажуть, що мы сварылысь, що я тебе бывъ; мало чого не выдумае баронеса: вона зъ павутины виревку сплете!

Наташа.

Не буду, не буду! Побижу прышудрюся.
(*Выбиае, зъ дружить дверей выводе Акила*).

ЯВА VIII.

Мыхайло и Акила.

Мыхайло.

Ну що, все благополучно?

Акила.

Ерунда! Помырывъ! Выпылы по чарци и помырылысь. Теперь весело прынялысь за роботу; самоваръ я веливъ ставыть; те-

перъ ознакомлюсь зъ бухветною сылою, зъ закусками и треба спрыготовыть десертъ!

Мыхайло. (*Въ двери*).

Дарыно! (*Входе Дарына и подае пысьмо*).

Дарына.

Почтальонъ прынісь.

Мыхайло.

Такъ отъ, Дарыно, покажить Акилу Акиловычу бухветъ, закускы, десертъ... я жъ уже до цего не мишаюсь: колы що и ягъ подать,—це ваше дило, Акила Акиловичъ!

Акила.

Ерунда! (*Пышовъ. Даша за нымъ*).

Я В А ІХ.

Мыхайло, потимъ Наташа.

Мыхайло.

Видъ кого жъ це? (*Розрыва конвертъ, выйма лыстъ и повертае до підпысу*). Твій братъ Карпо Барыльченко... Подла фамылія!... Такъ неприятно для слуха: „Барыльченко“. Заразъ видно простоту рода. Дѣйствительный статскій совитныкъ—Барыльченко. Чорты батька зна що! И переминыть не можна: куды не поверны, все чується погане якесь «барыло!» (*Пробиае пысьмо*). Не доставало! (*Чытае тыхо*) И чога бъ я ихавъ за пятьсотъ вер-

стовъ, та ще въ такой!.. день!.. прямо наче навмысне змовылысь... И що его робыть?...
(*Входе Наташа, тыленько підходе.*)

Наташа.

А видь кого це лысть?

Мыхайло.

Та видь одного знакомаго.

Наташа.

Дай я прочитаю...

Мыхайло.

Не вартъ!...

Наташа.

Дай! Може це видь женщины?

Мыхайло.

Ну отъ! Коля хочешъ, по правди, це видь брата.

Наташа.

Видь артыста, видь босячка? О, це дуже цикаво! Дай!

Михайло.

Ни, це братъ не цикавый.—Вишь прожывъ въ сели.

Наташа.

Ну, дай же!

Мыхайло.

Ты не прочитаешъ. Поганый почеркъ. Я самъ прочитаю. «Коханый брате, Мыхайло!

Що зъ тобою сталося, що ты два роки не прииздышь? Перше пысавъ, то сымъ, то тымъ заспокоювавъ батькивъ, а теперь за-мовкъ, и мама мучыться тутъ и всихъ мучыть своимъ неспокоемъ. Оце днямы такъ плакала, що мусилы згодытысь, щобъ ихала одвидаты тебе празныкамы. Потимъ нагада-далы, що ты скоро именованникъ, и отъ мама прыиде на цей день до тебе. Пышу тоби, щобъ ты выхавъ на вокзалъ и зустривъ ии, бо вона мабуть не потрапе. Дома все благополучно. Иванъ пишовъ на сцену, де мае великый поснихъ и заробля гроши не мали. Петро женився на дочци председателя окружного суда и ныни вже судебный слидователь. Батько, и маты, и мы вси кланяемся твоий жинци, хочъ и не знаемо ии. И чому бъ то не прыихать, що бъ матиръ заспокоить? А теперь доведеться намъ турбуватись: якъ то вона добереться до тебе въ такимъ великимъ городи! хиба може батько поиде зъ нею. Твий братъ Карпо Барыльченко».

Наташа.

Яка я рада, яка я рада! На решти такы побачу твою матиръ, а може и тата, бо ты наче навмысне ховаешъ ихъ видъ мене! Дежъ такы! Два годы, якъ мы побралысь, и ты доси мене не повизъ до дому до своихъ! Я думала, що ты въ сварци; а теперь бачу, що мама тебе любе, колы старистью прыиде

на твои именины. Побижу заразь, скажу таткови.

Мыхайло.

Стривай, Наташа!... Просты мене, що я тобі раньше не говорывъ... Все збирався тай доси не зибрався... Не легко, знаешъ, выпутатысь, колы запутаеся, якъ муха въ паутыну!... Ахъ, якъ бы ты знала, якъ мени и теперь не хочытья говорыть, то ты бь пожалила мене...

Наташа.

Та що тамъ? Ты мене лякаешъ! Говоры мерщій!

Мыхайло.

Бачышь: ты роду настоящего дворянского, дидь твій—генераль, батько—бувь полковныкъ на шляху до великыхъ чынивъ, и я боявся открыто сказать, що я...

Наташа.

Та що ты втикъ зъ каторжныхъ работъ, чи що?

Мыхайло.

Я изъ простого роду... Розуміешъ? Батько мій—багатый козакъ, просто сказать—мужыкъ, гречкосій, и маты така-жъ: сама проста людына! Воны добри, чесни, розумни, трудолюбиви,—нась повчылы, и черезъ науку мы стали ривни всемъ панамъ, а воны якъ булы, такъ и зосталысь прос-

ТЫМЫ мужыкамы. И отъ теперь воны идуть сюды, може отъ-отъ одчыняться двери и на поригъ; а тутъ у насъ збереться городська знать: баронеса, председатель земскон управы, директоръ и други. Я не знаю, що мени робыть, якъ мени передъ бомондомъ показать своихъ батькивъ мужыкивъ? Порай!

Наташа.

Ахъ, ахъ! *(Пада на диванъ и закрыва лице рукамы)* Боже мій! Такъ ты мужыкъ?

Мыхайло.

Я статскій совитныкъ, а батько та маты...

Наташа.

Мужыкы! Фи! Якъ же ты посмивъ такъ обманыть насъ?

Мыхайло.

Неправда! Я не обманювавъ: мене не пыталы—я промовчавъ!

Наташа.

Охъ...охъ! Боже мій! Жинка мужыка! Видъ насъ же одступыться все фешенебельне панство. Якъ же я теперь людямъ покажусь? що батько бидный буде почувать? Генераль и—мужыкы! Слава Богу, що винъ ослищъ, прынаймни не побачыть своихъ свативъ.

Мыхайло.

Що ты говорышь, опамятайся! Наташа, мыла' моя!..

Наташа.

Не пидступайте до мене близько. — Видь васъ жытнымъ хлибомъ пахне! Вы — мужыкъ, я васъ не люблю, я зъ вами розведусь!

Мыхайло.

Розумни люде будуть сміятысь надъ твоимъ горемъ!

Наташа.

Неправда! Все пожаліють мене нещасну. Ахъ, ахъ! Яка подлисть на свити завелась: мужыкъ кинчае университетъ и его не признаешъ, хто винъ? Попадае въ высше коло людей, иде на Ривьеру и ловыть благородну зъ дида-прадида дивчыну, якъ дурну рыбку въ ситку, обнимае ии нижный станъ своимы мужыцькымы лапамы, цилуе ии мужыцькымы губамы... Фи! Обманъ, нызькый обманъ, видь якого не можна навить и встерегтысь!..

Мыхайло.

Ха, ха, ха!

Наташа.

Винъ ще й сміється! Нахаль, мужыкъ!

Мыхайло.

Неправда! Твій мужъ статскій совитныкъ, а ты дурочка! *(Пидходе до неи)*.

Наташа.

Ай! Не підходьте! я не выношу запаху жытного хлиба! *(Входе генераль)*.

Я В А Х.

Ти жь и генераль, его веде Ваня.

Генераль.

Чую—баталія! Ну, думаю, Федорь за картамы! Пробылы барабаны и зелене поле открылось...

Наташа.

Ваня, выйдить! я вась поклычу. *(Ваня выходе)*.

Генераль.

Що зь тобою, Наташа? Ты заговорила такымь голосомь, неначе zostалась на велыкимь шлеми безь пьяты?

Наташа.

Ахь, таточку, голубчыку, я все прог-рала! я нещаснійша людьна! *(Хлыта)*.

Генераль.

Що тамь? Пропала провызія на кухни, розбылы выно?

Наташа.

Осудовысько, осудовысько!

Генераль.

Заспокойся! Все можна достать въ ресторани; хочь и дорожче, але що робыть? Дежь Мыша?

Мыхайло.

Я тутъ.

Генераль.

Що зъ нею?

Мыхайло.

Я одибравъ лысть зъ дому...

Генераль.

Ну и що жъ?

Мыхайло.

Сегодня буде моя маты, а може й батько.

Генераль.

Ну, и слава Богу! А все жъ такы не розумію: въ чимъ же тутъ осудовысько, Наташа?

Наташа. *(Плачучы).*

Его мама... и тато.. *(Рече).* Мужыкы!

Генераль.

Ха, ха, ха! Ну, и прекрасно! Черезъ мужа и ты зильеся зъ великымъ народнымъ океаномъ, обновышь кровь дитей, не будешъ рождать слипыхъ! А Мыхайло, твій мужъ, черезъ науку, есть благородна щепал.. Розуміешъ? отъ проста яблоня, іи калировалы, прывывку зробылы, — и родятыся кальвили—высшій сортъ яблукъ... Коринь простый, а яблука кальвиль! Ха, ха, ха! Я думавъ, Богъ зна що трапылось... Ну, заспокойся!

Наташа.

Якъ? И тоби, таточку, ничего? И це тебе не обража?!

Генераль.

Ни крапли! (*Мыхайло его цилуе*). Я знавъ давно, мени сказавъ дядя Федиръ; изъ формуляра выдно! Тешерь тилькы дурни носятъ ся зъ своимъ, може не заслуженымъ, часто случайнымъ аристократизмомъ... Чеснисть, образования, наука, умъ, таланъ, — важно, а решта — плювать!

Наташа.

Таточку! Ты не смієся? А батько, маты... воны мужыкы и сегодня прыидуть.

Генераль.

Сегодня прыидуть, а завтра пойдуть... Ну, помырысь! я чую, що ты образыла Мышу!

Наташа. (*Поглядяе на Мыхайла*).

Мыша!.. Иды сюды!

Генераль.

Ни, братъ, ты иды до него...

Наташа. (*Пидходе и обнима Мыхайла*).

Просты! (*Цилуе его*).

Мыхайло.

А чымъ пахну?

Наташа.

Духамы... трэфль!

Мыхайло.

Якъ скоро выпарывся жытныи хлибъ.
(Дзвюнокъ).

Наташа.

Гости! (Кыдаецца въ залю).

Мыхайло. (Цидбигае до дверей)

Акила Акиловычъ, гости! (Акила въ дворяль).

Акила.

Ерунда!

Мыхайло. (Бере генерала пидъ руку).

Заразъ открыецца кумпанія на зеленимъ поли; прысоглашаю, якъ военного посредныка!

Генераль.

Ха, ха, ха! Ну, братъ, признайся, що безъ посредныка и тоби було поганю!

Мыхайло.

А якъ же, замисць пороху запахло жытнымъ хлибомъ! (Обыдва сміються и выходяць).

Я В А Х І.

Выходе Акила, иде до залю, загляда въ двери.

Акила.

Пять утробъ! Директоръ, баронеса и ще одынъ, два, тры,—такъ пять! Ерунда! (Иде до дверей). Пять стаканивъ! (По хвыли обфигантъ несе на пидноси: чай, сужари и други, потрібни до чаю, прыправы).

Акила.

А ромъ? Дарына! Ромъ! Отъ ерунда!
(Дарына подае, устанавливают на пидноси). Взавъ и забувъ! Директоръ любе зъ ромомъ. *(Дзвимокъ; загляда у двери).* Ще тры... Наши учители—ерунда, пидождуть. *(Официантъ вертається).* Тры ще. *(Дзвимокъ; загляда).* Одынъ. *(До официанта).* Налывай чотыри. *(Дзвимокъ).* Пидожды, щобъ разомъ... Отъ, ерунда, якъ росходылысь! Ну, носить чай зъ Дашею,—я приймуь гото-выты десертъ. *(Пишовъ. Часто дзвоняць. Ходяць въ залу: то Даша, то официантъ; туды несуть чай,—назадъ порожни стаканы. Пизнице, по хвыли, дружный смихъ, трель—четырець голосивъ „Я его не люблю! Гратъ, такъ гратъ, ничого постолы морщитъ!“ Хто жъ зъ реонса ходитъ? Бабскій ходъ! Ну, гратъ! (Появляется Акила, подывився въ двери). Двадцять два чоловика. (Крыкъ „Козыря, козыря!“ Чымъ же крыть?). Директоръ уже крычыть! (Входе Михайло).*

Я В А XII.

Акила и Михайло, потимъ Наташа.

Михайло.

Спасыби вамъ, Акила Акиловичъ! У васъ знаменытый порядокъ...

Акила.

Порядокъ и дисциплина, решта ерунда! Думаю подать десертъ, есть гулящи дамы, нехай грызуть и идять, николы буде грызты блыжнихъ!

Мыхайло.

Ха, ха, ха!

Акила.

Ерунда! (*Пишовъ. Изъ зала входе Наташа.*)

Мыхайло.

И ты покинула гостей?

Наташа.

Тамъ никола у гору глянуть: Марія Петровна и Глафира Аееногеновна разбирають родословну Зимыча; Катерына Александровна и Михалина Купырьяновна завелы споръ про оперу: одній Фигнеръ до сердца прыпавъ, а другій Собиновъ; решта слуха. Така розмова затягнеться довго; а я запрымитыла, що ты выйшовъ, и соби... Мылый, ты не сердыся?

Мыхайло.

О, ни, ни! Я, знаешь, самъ тривожусь, на щоть прыизда батькивъ!.. Бачышь, то, що ты говорила про мене,—дытяче не порозуминня зъ фактомъ; але справди ввисты батька и маму въ наше коло, де разбирають родословну Зимыча, и знову баронеса... прямо такы страшно... За чоловіка страшно.

Наташа.

Ахъ, ахъ! Не говори! У мене голова болыть.

Мыхайло.

Ты краще подумай, що робыть! Власне кажучы, все ерунда, якъ говорыть Акила;

а отъ нема смилосты ввесты своихъ батькивъ, одягненихъ у селянську одежу, въ залу. Чортъ—зна що! Це халуйство,—я розумію, и отъ за всимъ тымъ мучусь: що скаже баронеса! Ще хочъ бы одежда друга, знаєшь, загальна... Мама и тато дуже розумни люде, лишнего не скажуть... але одежда... одежда! Особливо жиноча... а!

Наташа.

Мыша, я твою маму переодягну въ чорне платя моеи покійной мамы!

Мыхайло.

Ангель мій, чудова идея! А якъ не зійдеться? Моя мама,—жинка, знаєшь, огрядна...

Наташа.

А шнуровка нащо? Мы зъ Дарыною добре іи зашнуруємо и прийдеться.

Мыхайло.

Идея, идея! Ангель мій! (*Цилує її*) Добре придумано!.. Ты жъ маму умовишь сама, вона податлива и згодиться для тебе все зробить, а отъ батько!... Ну, батько ничего: оригиналь помпщыкъ, ходе въ національній одежи! Чудово, чудово! (*Дивытьсь на часы*). А знаєшь, уже часъ, якъ Харьковскій поиздъ прыйшовъ. Сегодня ихъ не буде! Воно й краще—безъ маскарadu; ну, а завтра хочъ и прыйдутъ, байдуже, абы безъ гостей.

Наташа.

Мыша, а ты попросишь у нихъ грошей на Ривьеру?

Михайло.

Попрошу и дадутъ!.. Батько чоловікъ багатый, дуже багатый, а мама—вискъ! Дадуть, дадутъ, тилькы треба прынять нижно, ласкаво!

Наташа.

Дадуть? Мыли мои мужычкы, ахъ, якъ я люблю ихъ! А що до прыему, то я ихъ зачарую... (*Входѣ Дарына*). Никого нема?

Дарына.

Никого. Тилько тамъ на кухни знову иде колотъ: цоваръ пьяный и кухарка здається пидъ шефе!

Михайло.

А щобъ ихъ чортъ узявъ! И паша выпыла?

Дарына.

Щось на те похоже.

Михайло.

Акила Акиловычъ; (*Акила на дверяхъ*). Тарабановъ пьяный!

Акила.

Треба заразъ выгнать.

Михайло.

Рады Бога, навидайтесь, що тамъ!

Акила. *(Иде).*

Отъ ерунда! Дарына, подавайте десертъ. *(Выйшовъ).*

Наташа.

Я на хвылыну и заразъ назадъ. *(Выйшла).*

Мыхайло.

А я пидожду Акилу Акиловича. *(Дарына и официантъ несутъ десертъ и скоро вертаються).* Баронеси, потимъ директору, председателю.

Официантъ.

Десертъ просто ставыться на столи, такъ и Акила Акиловичъ велилы!

Мыхайло.

Ага, на столи?... Гараздъ, гараздъ! Поставте на столи!.. *(Пидшовъ).* Такъ краще, не буде очевыдно, кого бильше шанують. *(Дарына, що вернулася одныты десертъ, на дверягъ).*

Дарына.

Тамъ якисъ мужыкы пытають васъ.

Мыхайло. *(Про себе).*

Це батько и маты... *(До Дарыны).* Нехай идуть. *(Дарына зныкае).* Якисъ мужыкы!.. Навить для Дарыны батько и маты мужыкы! И все подла одежа робе. *(Входе Тетяна и Макаръ, одягнени празныково: Макаръ въ новій, чорного, тонкого сукна, чумарци, безъ пояса; Тетяна въ червоныхъ чоботяхъ, роскишній плахти, повязана по очинку чорною лусткою и тонкою намиткою; зверху темна керсетка з рукавами).*

Я В А XIII.

Тижъ, Макаръ и Тетяна, потимъ Наташа.

Тетяна.

Сыну мій! *(Кыдається Михайлови на шыю и цилуе его)*. Дытыно моя дорога! Що жъ це ты насъ видцурався?

Михайло.

Мамочко! *(Цилуе и)*. Николы... Служба... збирався... Ей! И не мигъ... Тату! *(Цилується)* Якъ же васъ Богъ мылуе?

Макаръ.

Помалу, сыну! *(Маты держитъся за Михайла и заглядае ему въ вичи)*. На привелыку сылу тебе знайшлы. Запхавъ въ гимназію, заплатывъ сторожеви карбованця за те, що провивъ.

Тетяна.

А де жъ жинка... Наташа...

Михайло.

Вона заразъ... у мене гости.

Тетяна.

Ты жъ именыныкъ! *(Цилуе его)*. Пошлы тоби, Боже, щастя!

Михайло.

И именыныкъ, и статскій совитныкъ, и инспекторъ!

Макаръ. (*Зъ тривою*). •

Онъ якъ!.. Нехай тебе... Господь благословить! [*Цилуе*]. Бачъ, стара, де ему прыиздыть до насъ, колы треба служыть. Не дурно-жъ стількы заслугъ мае. (*Утырае слезы. Входе одинъ изъ юстей на дверяхъ*).

Гость.

Мыхайль Макаровычъ, вы вступающыи?

Мыхайло.

Я исходящыи! (*Гость зныкае, входе Наташа*).
Наташа! Отъ мама, тато!..

Наташа.

Мамочко! (*Цилуе ии*).

Тетяна.

Яка жъ гарненька, якъ янголятко! зирко моя! Дай же я тебе ще поцилую. (*Цилуе ии*).

Макаръ.

Якъ королівна! (*Цилуе ии*).

Наташа. (*На бикъ*).

Фу, якъ жытнымъ хлибомъ запахло!

Мыхайло.

Наташа, поведы маму до себе! шанже-ля робъ!

Наташа.

Ходимъ до мене, мамочко.

Тетяна.

Ходимъ, ходимъ, моя короливно! (*Пишлы*).

Макаръ.

Тамъ, сыну, я зоставивъ дивци жарене порося, гындычку, пивпуда масла. Теперь у тебе гости, якъ разъ прыгодыться.

Мыхайло.

Гараздъ! Сидайте, тату! (*Входе Акила*).
Ну що?

Акила.

Ерунда! Пропала вся вечеря!

Мыхайло.

Якъ?

Акила.

Поваръ пьяный, Паша пьяна... Ну, драка и все полетило въ помыйныцю, а що було на плиты—въ огонь!

Мыхайло.

Скандалъ!!

Акила.

Ерунда! Я достану въ ресторани. Давайте грошей.

Мыхайло.

Грошей! (*Шукае*). Треба до Наташи!.. Тату, дайте, будь ласка, покы Наташа, 25 рубливъ.

Акила.

Ерунда! Найменьше сорокъ!

Мыхайло.

Не вже?

Акила.

Двадцять пять персонъ, по два блю-
да,—въ кращимъ ресторани.

Макаръ (*Достає и дає гроши*).

Та тамъ же, сыну, велике порося, сыте...
гындычка годована,—може бь обійшлыся?

Акила.

Порося и гындычка—ерунда, хиба такъ
на пидмогу, якъ холодна закуска! Ну, я
иду! (*Выходе*) Отъ ерунда!

Макаръ.

Клопоты, сыну, велики у тебе клопо-
ты,—не легко ти чыны достаються! (*Вбѣає*
Паша, а слидомъ всовується Тарабановъ).

Я В А XIV.

Тижъ, Паша и Тарабановъ.

Паша.

Росчитайте мене!

Тарабановъ (*Показує на Пашу*).

Вотъ въ воинственнимъ азарти
Воевода Пальмерстонъ,
Поражає Русь на карти
Указательнымъ перстомъ!

Мыхайло.

(*Гнивно, задавленымъ голосомъ*). Убирайся! Босьякъ! Що ты наробывъ зъ провизією? все пропало... Причь, пьяныця!

Тарабановъ.

Горькій, Ваше превосходительство! Одначе простить, я не выновать. (*Иада на колита*) Якъ лысть передь травою! (*Показуе на Пашу*). Непрыятель выскочывъ на позицію и все повалывъ въ помьи.

Паша.

Брешешъ, босьякъ, ты повалывъ!

Тарабановъ. (*Встае*).

Кухарка, руки по швамъ: зъ тобою говорыть поварь барона Корфа!

Мыхайло.

Пишлы вонъ обое! я васъ твари въ участокъ.

Тарабановъ.

Ваше превосходительство, переменить гнивь на мылость! Я все поправлю: вытягну провизію зъ помый, вымыю уксусомъ и на плыту. Я не разъ такъ робывъ. Все повари такъ роблять, а господа идять и хвалять.

Макаръ.

Идить, люде добри, колы чёстью просять.

Тарабановъ.

Мужычокъ, не твое дило!

Мыхайло.

Убирайся, говорю!

Тарабановъ.

Ваше превосходительство, дозвольте
остаться одному и доказать свѣй талантъ.
А Пашу я въ потылицю!

Паша.

Ахъ ты, босякъ мороженный! Ты мене
будешъ гнать въ потылицю? [*Засукуе рукава*].

Тарабановъ.

(Робить прѣмъ на руку) Ударю въ штыкы!
зъ намы Богъ. *(Грае на губахъ наступленіе, не пере-*
мняючы позы. Влоде Акила, хапа обохъ за комиры и
выводить. Тарабановъ не перестаетъ грать и въ той ментъ,
колы его веде Акила).

Я В А XV.

Мыхайло, Макаръ, потимъ одынь зъ гостей и
Акила.

Мыхайло.

Ху ты, Господы! *(Сиди въ крисло и обмаху-*
еться газетою).

Макаръ.

Спочынь сыну, спочынь! Цуръ ему,
яка морока! Охъ, не легко ти чыны достъ-
ются! *(Влоде одынь зъ гостей).*

Гость.

Мыхайло Макаровычъ, идить сюда!

Мыхайло.

Простить, я не маю часу. *(Входе Акила).*

Гость.

Зъ директоромъ, Федоромъ Ивановычемъ, ударъ!

Мыхайло *(Зсхакуе).*

Що? Боже мій! *[Бижыть въ залу].*

Акила.

Отъ ерунда! *[Тежъ пишовъ у залу]*

Макаръ.

Хто жъ це осмилывся его ударыть? Отъ тоби и благородна кумпанія. *[Входе Наташа и Тетяна, одягнѣна въ чорне плаття, у чепчыку. Макаръ не признае жинкы, почтыво пиднимається и кланяется].* Це мабуть ваша мама? Доброго здоровья, свахо! прывивъ Богъ пориднытысь.

Тетяна.

Та що ты, старый,—це я! Це такъ неvistочка мене нарядыла, що бъ вывесты до своихъ знатныхъ гостей! Тилько я не можу ходыть... Якъ спутана и пидъ груди пидпырае! Ой, не можу дыхать! *(Хоче систы)* И систы не можна!

Наташа.

То зъ непрывычки мамо; воно пройде, обійдеться; а за те якъ вамъ гарно! прямо—

баронеса! Жаль, що вы на захотили пры-
пудрытысь!

Макаръ.

Чи ты не здурила, стара? Якъ ты
могла дозволыць такый глумъ зробіць надъ
собою?

Тетяна.

Колы жь Наташа такъ просыла, такъ
просыла, що я не змогла одмовыты и муси-
ла одягатысь... Ой, яка тисна супоня, не
можу дыхать! Ой, дочко, розпережы мене,
бо я задавлюсь.

Макаръ.

И ты, дурочко стара, дозволыла зро-
быць зь себе малпу! Иды заразъ переодяг-
ныся! Не вгодни мы такымы, якъ е,—не
треба! Прощайте, Богъ зь вамы! Ще чого
добраго вымажете насъ сажею и будете по-
казувать для смиху своимъ гостямъ.

Наташа.

Моя маты такъ одягалась и нихто не
смiявся.

Макаръ.

Коневы сидло, воловы ярмо! Переодя-
гайся мени заразъ тай гайда до дому!

Тетяна.

Та Богъ зь тобою, старый! Мени вже
ничого; я могу вытерпить, якый тамъ часъ.
(*Входъ Михайло.*)

Я В А XVI.

Тижъ и Михайло.

Макаръ.

Подывысь, полюбуйся, якъ твою матирь жинка перевела на чорта, на видьму зъ лысой горы...

Тетяна.

Старый! та мене вже не давить!

Макаръ.

Такъ мене давить соромъ—я не могу тебе бачыть, такъ наче тебе оплёвано!

Михайло.

Дуроци говорыте! Який тутъ соромъ? хто оплювавъ? Переодяглы въ благородну одежу и бильше ничего! Пожалійте вже хочъ вы мене: я такъ утомывся сегодня, що не могу говорыть, не могу думать. Ты знаешъ, яке нещастя, Наташа? Зъ Федоромъ Ивановычемъ ударь! Заразь побиглы за ликаремъ.

Наташа. *(Бижыть въ зало).*

Ахъ, ахъ! *(Михайло за нею).*

Я В А XVII.

Макаръ и Тетяна.

Тетяна.

Ой, старый умливаю, пидъ грудьмы давить, ребра трищать,—не могу дыхать!..

Макаръ.

Отъ безглузда! Що жъ теперъ робить?
(*Роздвляється*) Не выдко, де починається супоня; хочъ бы нижъ. (*Шука въ кешени*). Нема!

Тетяна.

Ой, рятуй, задавить супоня! Клычъ ту молодыцю, що мене супоныла... Боже мій, забула, якъ ін звать.

Макаръ.

Хочъ сядь.

Тетяна.

Не можу прыгнутысь, печинку выпера. Дарыно, Дарыно! Слава Богу, нагада. (*Влоде Дарына*). Ой, роспусты супоню, бо я лусну!

Макаръ.

Скорйще! На мылость Божу, зглянься! Що ты зробыла зъ старою жинкою? грихъ такъ знущатысь!

Дарына.

Такъ велено! Ходимо я заразъ роспустю (*Тетяна хоче ити и путається у шлейфи*). Одкыньте ногою, ногою одкыньте! Оттакъ. (*Показуе*).

Макаръ.

Хвыцны, стара, хвыцны! [*Идтимае шлейфъ, вона выпуталась и пишла*].

Тетяна. (*Идучи*).

Ой, маты Божа, змылуйся! Ой, росперизуй мерщій! (*Зниклы*). (*Влоде Акила*).

Я В А XVIII.

Макаръ и Акила.

Макаръ.

Що тамъ сталося? Хто такъ смертельно ударывъ директора?

Акила.

Киндратъ!

Макаръ.

Отъ тварь нечувствевна! Таку особу осмилывся ударыть.

Акила.

Ерунда, винъ не розбирае особъ. Теперь для вашого сына одкрыеться вакансія—директора.

Макаръ.

Одному—горе, другому—радисть, одному смерть—другому благополучіе и почесты.

Акила.

Одно слово—ерунда!

Макаръ.

Чудне, не зрозумиле жыття людське.
(*Входе Наташа и Михайло*).

Наташа.

Даша, шляпу!

Акила.

А що директоръ?

Мыхайло!

Прыйшовъ до памяти, повезлы до дому.
(*Даша хутко вносе шляпу. Наташа надива передъ зеркаломъ*).

Наташа.

Пальто! [*Даша хутко иде и вертаецца зъ пальтомъ; Наташа надива*].

Акила.

Такъ я туды!

Мыхайло.

И мы туды.

Наташа.

Чого жъ стоишъ, Мыша? Одягайся!

Мыхайло.

Я заразъ... А вы тату, выбачайте, посыдьте тутъ сами, мы тилько подывимося, що тамъ зъ директоромъ. (*Выходитъ Наташа попереду, за нею Мыхайло*).

Акила. (*До Макара*).

Тры копійкы програвъ у карты и такъ сердився, що доставъ паралича. [*Повертаецца*].
Отъ ерунда. [*Выйшовъ*].

Тетяна. (*На дверяхъ передятена въ свою одежду*)

Куды жъ це вони? Гожынулы насъ, а сами повтикалы?

Макаръ.

Тикаймо и мы звидциля мерщій въ старе
свое гнздо! Тамъ гарно все—и ясно, и про-
сто, и spokійно, якъ небо и земля! А тутъ,
кругомъ, якъ бачу, одно: суета суетъ и
всяческая суета!

З А В И С А.

ЖИТЕЙСЬКЕ МОРЕ.

Комедія у 4-хъ діяхъ

(Протягъ „Суеты“).

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Иванъ Барыльченко, артистъ.

Маруся, его жинка.

Карло Барыльченко, хлиборобъ.

Мыхайло Барыльченко, директоръ гимназіи.

Наташа, его жинка.

Хвѣля, копытанъ власного комерческаго парохода.

Ванна, актриса.

Крамарюкъ, актеръ.

Надя, молоденька актриса.

Усай, антрепренеръ.

Кактусъ, помошныкъ режиссера.

Банитовъ Демисъ, актеръ.

Райська, актриса.

Графъ.

Дама 1.

Дама 2.

Дама 3.

Крутыцкій.

Степа.

Петя.

} его диты.

Деркачъ.

Кругляковъ.

} Изъ публыкы.

Вася, театральныи портныи.

Приська.

Катря.

Махметка.

} Прислуга на дачи Ивана
Барыльченка.

Д і я І.

Застольна кимната на дачи у Маруси Барыльченковой.

Я В А І.

Мыхайло, Иванъ и Карпо. *(Одягнени у верхню одежу, зъ шапкамы въ рукахъ, ждуть. Пауза).*

Иванъ. *(Робе цыгарку и закурюе).*

Ну, й довго бабы наши наряжаються.

Маруся. *(Выходе зъ зонтыкомъ въ руци).*

Я готова!

Мыхайло.

А Наташа покы на голови волосокъ до волоска прыкляде, то й ноги заболять ждучы. *(Сидае).*

Наташа. *(Зъ дверей.)*

Не можна жъ иты гулять розтрипавшы волосся!

Мыхайло.

А ты бѣ гладенько, якъ Маруся,—любо глануть!

Маруся.

Спасыби.

Наташа.

У кожного свій стрій и смакъ.

Иванъ.

Та ще поспіємо до снідання прогулятьсь. Що це, Марусю, [нашъ [Нептунъ-Хвеля цілий місяць у насъ не бувъ?

Маруся.

А певно його підхопылы хвели и гойдають десь у мори.

Иванъ.

Море, море, море!.. Сегодня мы послідній день уси вкупи, а завтра кожного зъ насъ підхопыть жытейське море и понесе на своихъ гризныхъ хвеляхъ!.. Кого на миль посадить, кого объ каминь розибье, а хто й самъ захлыбнеться водою... Одынъ Карпо йде въ натуральну жыттеву прыстань. Знаешъ, братъ, мени завжди прыятно згадать, якъ я колысь у поли працювавъ. Я, братъ, часто теперь жалкую, що не зоставсь зъ тобою звятую землю оброблять, та вже пизно!.. 15 литъ артыстычної діяльности вытворылы зъ мене штучну людynu, зъ розбытымы нервами.

Мыхайло.

Що за пессимизмъ? Ха, ха, ха! Недавно ты свою працю и взагали штуку

выхвалявъ, а заразъ землю й хлиборобство хвалышь?...

Маруся.

Цей сезонъ на дачи Иванъ частенько ставъ впадаты въ пессимизмъ... Мени здається, що винъ скучае тутъ зо мною.

Иванъ.

Боже сохрани!—Нервы, мыла! Знаешъ, братъ, заразъ я не тилько Карпови, а й тоби завыдую!

Мыхайло.

А я тоби!

Иванъ.

Ха, ха, ха! Выходыть, вси мы не задовольнени, вси одынъ другому завыдуемъ и кожному здається, що другому краще, ніжъ ему. Цикаво!..

Мыхайло.

Я, власне кажучы, всимъ задовольненный и завыдую тилькы вильнымъ профессіямъ и талантамъ: незалежне становыще, самъ соби панъ и обовязкивъ ниякыхъ.

Иванъ.

Ой, не кажы! Незалежність и панування безъ обовязкивъ не можливо! Ты въ свой пради що дня йдешъ бытымъ шляхомъ, безъ крытыкы, гарантированный казначействомъ и заразъ и въ будыщыни... Тутъ вырастае самопевність, а самопевність дае душевный спокій! Нашъ боже

братъ, артыстъ, пидлягаючы суду не тилькы бездарныхъ рецензентивъ, але суду кожного, навить неосвиченого, слухача, певного шляху не мае, иде въ свой праці наослипъ; живе що дня иллюзіямы, безъ гарантіи будущыны, зъ тысячами щоденныхъ неприятныхъ випадкивъ. Пры такыхъ умовахъ до самопевности далеко, до спокою и задовольнення ще дальше!..

Карпо.

Правда, правда! Тяжка праця! Дывытысь прытно, а бутъ въ шкури артыста ябъ не хотивъ!

Иванъ.

Ще погы ты на сцени, то нибы почувашъ задовольнення: публычність цикавиться тобою!... Але це тилькы такъ здаеться!... Власне кажучы, цикавляться не тобою, а тією истотою, яку ты на сцени творишь всимы своимы нервами и доводишь публыку до иллюзіи. Иллюзіи зныклы—и ты одынь! Громадське життя, зо всимы своимы питаннямы, плыве мимо тебе, якъ щось чуже... Оттоди почувашъ суетство такой праці и хочеться сховатись такъ, що бъ тебе ниhto не бачывъ, и ты щобъ никого не бачывъ, зоставшысь самымъ собою, а не въ шкури вытвореныхъ персонаживъ, яки тебе вже навить не цикавлять!

Мыхайло. (*Зитхае.*)

Ниhto не вида, якъ хто обида!.. (*Мовчатъ*). А ты задовольненный, Карпе?

Карпо. *(Сміється)*.

Я про це не думавъ и не думаю:
никoлы, брать!

Иванъ.

Робоча дисциплина! А? Натурально.
А що натурально, то й гарно, й прьятно,
й спокійно; вси жъ выдумани людьмы про-
фессіи псують найкрацого чоловика, а въ
кинци кинцивъ перетворюють саму здоро-
ву людьну въ неврастенька, дитей же
цихъ нещасныхъ—роблять дегенератамы!...

Мьхайло.

Наташа! Я, Ей Богу, роздягнусь и не-
пиду гулять!

Я В А П.

Ти жъ и Наташа.

Наташа. *(Выходячы)*.

Що за нетерплячка! Я чула вашу роз-
мову и готова сперетчатись безъ краю! Иванъ
Макаровичъ сегодня хоче все прогнать зъ
жыття людьского и проповидуе смерть!..

Мьхайло.

Ходимъ уже!—я хочу прогулятысь и
тоби треба купыть...

Наташа.

Стривай! Тилькы мертвякы можуть...
Ахъ! Зонтыкъ забула! *[Побила въ кимнату]*.

Мыхайло.

Ну отъ! Дежъ тутъ быть спокойнымъ!
[*Вси сміються*].

Наташа (*Выскакуе зъ зонтикомъ*). *3 Параллелье. А*

Спокій,—смерть! Жыття—вична праця, вичне незадовольнення; вони примусують чоловіка шукать кращого, и въ цимъ—прогресь! Чоловикъ повиненъ кыпить, кыпить и кыпить, а выкыпивъ, прохолонувъ—спы!

Мыхайло.

Я вже выкыпивъ, (*Сміється*) и йду спокойно подыхать чудовымъ повітрямъ. (*Иде*)

Иванъ.

Прошу!

Наташа. [*За нею Иванъ и Карто. На дверяхъ*].

Ты, Мыша, никола не кыпивъ! (*До Ивана*). Мыша спавъ и спыть посередъ сонныхъ педагогивъ. Нудно такъ живій людыни! Я не люблю жыття сонного одноманитного, якъ маятныкъ... Якъ соби хочешъ, Мыша, я йду на сцену. (*Голосъ зникае. Выйшли*).

Я В А Ш.

Маруся, Катря и Приська.

Маруся.

Катерына! (*Входе Катерына*). Приготовляйте стиль для сниданку, я зайду тилькы въ кондитерську и скоро вернусь. [*Выходе*].

Катря. (*Дивітае Приську*)

Присю! Несы сюды посуду. *Всодыть Приська зъ тарилкамы и скатеркою; накрывають круглый стіл, що стоить середъ хаты).* Надокучылы вже гости-никилы й погулять.

Приська.

Сегодня вже вси, слава Богу, розъизжаються.

Катря.

А бидна Марія Даныловна зостанеться зъ дитьмы сама! Сумно буде.

Приська.

Чого сумно? Менше роботы тай тилькы. Я безъ роботы нисколы не сумую! А прыйде твій коваль, а мій Махметка—и буде намъ весело! Може ще Махметка сторожемъ у нашъ двирь стане.

Катерына.

Та я не про насъ. Я кажу, що пани нашій буде сумно.

Приська.

А морякъ?

Катря. (*Дывитья на Приську мовчки).*

Хиба?!

Приська.

А то жъ!

Катря.

Дывы! (*Мовчатъ*). Що жъ це его давно такъ не выдко?

Приська.

Жде, поке Иванъ Макаровычъ выйде. (Мовчатъ). Колы чоловікъ та жинка, якъ отъ наши, надовго розризняются, то обое розвагу знайдуть... Такъ скризь... Думаешъ, що Иванъ Макаровычъ тамъ десь буде сумовать?

Катерына.

А може й буде, винъ сыльно любе паню.

Приська.

Любе, а сумовать не буде! Якъ разъ, такой винъ! Ще жинка, розризнывшысь зъ чоловікомъ, буває, що зостається вирною ему; а чоловікъ никола въ свити. Вони гириши насъ, я ихъ за це ненавыжу!

Катря.

А Махметка?

Приська.

Такой же! Татарьска собака!.. Ще позавчора бачыла, якъ прысидавъ била Мотри... Ну й зацидыла жъ я его въ мордяку, ажъ зубамы клацнувъ!

Катерына.

Ха, ха, ха!.. И ничего?

Приська.

Вышкырывъ зубы, промовывъ: разъ, два! Тай годи! Я, Катре, зла буваю, якъ собака, на увесь свить зла: правды нема! Отъ и заразъ: яка це правда? Вони пишлы

на проходку, а мы имъ готуй снідання!
Хиба, ты думаешъ, трудно панею буты?

Катря.

Цевно трудно. Треба учытысь багато!

Приська.

Ничого не треба! Треба тилько гарно одягатысь,—и пани... Я служыла въ Одесси, въ гостынныци, зъ одною дивчиною—іи тежъ Катрею звалы,—а потимъ я у неі служыла за горнычну! (*Елаца языкомъ*). Отъ и знай!

Катря.

Кому яке щастя!

Приська.

Правда, що вона гарна була,—якъ на-малевана, паны ій проходу не давалы... Воны страхъ люблять гарныхъ дивчатъ: хтѣ бъ вона не була—имъ все одно, абы гарна! Ей, правда! И взявъ іи якыйсь панычъ. Потимъ черезъ годъ, чи що, наймаюсь я до пани. Дывлюсь, ажъ то Катря, тилькы вже не Катрею зветься, а Ларысою. Розряжена въ шовкъ, черевыкы на высокыхъ коркахъ, голова якъ куделя, на все пхека,.. а сміятысь вывчылась такъ гарно—прямо, якъ канарейка спивае; навить я любила слухать іи прыятный смихъ! Отамъ я надывылась... Тьфу! Панычи ій руки цилують, а вона ихъ по морди бѣе.

Катря.

Бый ихъ сыла Божа! и ничого? Google

Приська.

Ничого! Вдаре по морди и залъеться своимъ гарнымъ смихомъ, а воны й соби сміються.

Катря.

Шкода, Присю, що мы зъ тобою не таки гарни, якъ та Лариса.

Приська.

Я бѣ не хотила! Протывне жыття, паскудство! гиршого нема въ свити: краса злыняе, видъ роботы одвыкне!.. Спершу москали будуть бытъ по морди, а потимъ зъ тѣрбою ходытыме!..

Я В А І V.

Хвыля и Маруся. (*Дивчата выходятъ*).

Маруся. (*Зъ коробкою*). *З Ва и зкоро*

Отъ и стиль готовый, а вернуться наши, будемо сидать. Сидайте. Де вы тутъ взялыся такъ нежданно?

Хвыля.

Тилькы що прихавъ. Дывлюсь, кумпанія, хотивъ пидійты, а потимъ побачывъ, що вы одризнылысь и пишы въ кондитерську, тоди я за вами по горячому слиду... И отъ стою, дывлюсь и таю... Бувъ я въ Александріи, Марсели, Лондони и нигде не зрадивъ вамъ, день и ничъ тилько про васъ думавъ, мало не потерпивъ аваріи... Якъ же вы поживаете, моя радисть? я занудывся за вами!

Маруся.

Платонъ Пылыповичъ! Вы знову за свое? Не смійте такъ говорить зо мною!

Хвыля. (*Бере шапку*).

Вы у поганому настрои—я тикаю. (*Иде до дверей и стает*). Два мисяци я васъ не бачывъ!..

Маруся.

Вы знаете давно, що я не люблю такыхъ выдносынъ.

Хвыля.

Щырыхъ?

Маруся.

Хочъ бы й найщырійшыхъ! Не забудьте, що вы для мене звычайный гистъ, другъ мого мужа, и що я вамъ поводу николи не давала зневажать мене!...

Хвыля.

Чымъ же я васъ зневажаю? Я бь тильки хотивъ быть риднымъ для вашои души и сердца!... Я васъ давно любывъ и люблю, а вы не хочете зо мною ласкаво говорить!... Не хочете знать мене!

Маруся.

Я васъ знаю.

Хвыля.

И що жъ вы можете сказать недоброго про мене?

Маруся.

Вы... Не хочу говорить!

Хвыля.

Говорить! Лайте, тилько говорить!

Маруся.

Вы багатый, распаскуженный удачами чоловикъ... Чого вамъ заманеться, вы хочете того добыть и, хочъ бы на шляху до вашои меты лягли трупы, вамъ однаково...

Хвыля.

Малюнокъ вирный! И знайте, що я добыду, чого хочу!

Маруся.

Николы! Вы злый чоловикъ, вы затесались у дружбу до Йвана и наважылысь ограбить вашого друга!

Хвыля.

Боже сохрани, я не грабытель, мене ограбылы! Я васъ любывъ ще дивчыною, а вы, пидъ впливомъ сценычныхъ эфективъ, проминяли мене на иллюзію щастя!

Маруся.

Неправда! Я безмирно щаслива! Благородна висока душа Ивана для мене ридница, нижъ ваша: черства, практычг Иванъ—поззія, а вы—проза!

Хвыля.

Марія Даныловна, и вы проза!

Маруся.

Може я черезъ те й люблю поэзію.

Хвыля.

Поэзія легко зражае—настрій для неі
все!

Маруся.

Иванъ чесный чоловікъ.

Хвыля.

Я честы видъ него не однімаю...
Иванъ чесный чоловікъ, але, якъ артыстъ,
жыве нервами и зражае вамъ щодня, а
ныни цего за безчестя вже ніхто не
лычыть.

Маруся.

Неправда ваша,—я лычу!

Хвыля.

Бо вы багато казочокъ читалы! У
васъ дытячыі поглядъ на людськи видно-
сыны! вы ще не выкупалысь въ жытей-
ськимъ мори!

Маруся.

За тежъ вы такъ багато въ нему
купалысь, спускаючысь на саме дно, що
повни багна видъ того мулу, який зоставсь
на васъ.

Хвыля.

А якъ я вамъ покажу, що на вашому
Иванови бильше мулу, ніжъ на мени?

Маруся.

Знаете, що я вамъ скажу?

Хвыля.

Не знаю.

Маруся.

Идить соби зъ мого дому и никола тутъ не появляйтесь, або никола не говорить мени ничего про мого мужа! Я люблю Ивана, я вирю ему, а вы цилый годъ спокушаете мене; хотите розбыть мою виру и отруить мою душу. Коли вы справди мене любите, то не виднимайте жъ видъ мене своимы натяканнямы тѣи святой виры, якою я жыву, якою я щаслива!

Хвыля.

Колысь люде вирылы въ казку, що земля стоитъ на трехъ кытахъ; теперъ знаютъ истыну, и перемина казкы на истыну не зробыла людей нещаснымы! Я вамъ докажу, що Иванъ зрадныкъ, и вы будете щасливы зо мною!

Маруся.

Никола въ свити! На це я не здатна, и потеря виры въ одного Ивана для мене ривна потери виры до всихъ, ривна духовной смерти.

Хвыля.

Побачымо.

Я В А У.

Тижъ, Иванъ, Михайло, Наташа и Карпо.

Иванъ.

А, Нептунъ, властитель моря, здоровъ, друзяка! (*Цилується*) Що жъ це тебе такъ давно не выдко? Спасыби, що завернувъ! Я сегодня одъизжаю, такъ хочъ поснидаемъ укупи! Марусю, отъ ты все журылася, що сумно тутъ самій; а Платонъ? Винъ же мій другъ и тебе такъ щиро поважае, що й безъ мене буде провидувать... Ты, братъ Платонъ, не забувай Марусечку мою! (*Цилуе Марусю въ руку*). Мій тыхий, свитлый ангель, мій пріютъ и прыстанъ видъ буръ жытейскихъ. Ахъ, жытейське море, братъ, страшнице, нижъ те море воды, надъ якимъ ты властитель! Ну, що жъ, Марусечко, будемо снідаты! Черезъ часъ пароходъ отходыть и нашымъ гостямъ треба ихать.

Маруся.

Заразъ звелю подавать. (*Выйшла*).

Иванъ.

Ху ты, Господы! Платонъ! Ты жъ не знакомый ще, а я, дурноверхый, забалакався, та й забувъ. (*Пидводыть его до Наташи*). Моя братава. Нептунъ, богъ моря, копытанъ власного корабля—Хвыля! А це мои браты: Михайло й Карпо!

Михайло.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ
Барыльченко.

Иванъ.

И кавалеръ и директоръ гимназіи...
Треба жъ сказать весь тытуль.

Карпо.

Барыльченко.

Иванъ.

Безъ тытула! А ни, стривай. Украин-
скій козакъ! Я гордую тымъ, що родомъ
самъ козакъ. Колысь, братъ, наши диды
надъ моремъ панували и на поганенькихъ
човнахъ до Синопа добирались и Скутарь
руйнували; а мы вже отъ плаваемъ жы-
тейськимъ моремъ и частенько руйнуемо свое
здоровья видъ того, що плавать не уміемо,
або плывемъ не туды, куды слидъ. (*Подаютъ*
снѣданокъ). Отъ и снѣданья. Прошу сидать.
(*Сидаютъ*). Горилочки?... Марсалы... Вамъ чого?
(*Пьютъ, идятъ и балакаютъ*).

Хвыля.

Сегодня покидаете нашъ благодатный
Крымъ?

Михайло.

Сегодня. Пора. Бильше мѣсяца у брата
гостювали.

Наташа.

А мени здається, що я тилькы вчера
сюды приехала! Звычайно, Крымъ не Ривь-

ера... Ахъ, Ривьера, Ривьера! Але тутъ, на дачи у Ивана Макаровыча, мы жылы въ товариствѣ велького артыста, духъ которого витае надъ усымъ! Мени весело було въ такимъ товариствѣ, я не забуду николы тыхъ хвылынъ високого настрою души, яки я мала, дякуючы Ивану Макаровычу! День у мене плынувъ, якъ одна годына: веселисть Ивана Макаровыча, его глыбокый юморъ, его сливы довго ще лунатымутъ у моимъ серци!

Хвыля.

Чуете? Оттакъ вси жинкы ему спивають. Щасливый!

Маруся.

Ивана вси люблять, и мени то мыло.

Иванъ.

Не завьдуй, братъ!.. А знаете, Наташа, сучаснымъ рецензентамъ не вадыло бѣ поучытысь у васъ пысать рецензіи... Жаль, що вы не пышете, а зъ васъ бувъ бы прыятный для актеривъ рецензентъ.

Мыхайло.

Ха, ха, ха!

Наташа.

И зовсимъ не смишно! Приидете до насъ, будуть ще краци рецензіи. Нашъ учитель словесности прекрасно пыше.

Мыхайло.

Учытелямъ гимназiи заборонено пы-
сать дуροщи.

Наташа.

Я попроою, и буде пысать.

Хвыля. *(До Карпа).*

Вы, выдымо, хлиборобъ?

Карпо.

Хлиборобъ. Теперь диты вже працю-
ють, а я дозволивъ соби першый разъ въ
жытти покынуть землю, щобъ покупатысь
въ мори, по совиту ликаревъ.

Хвыля.

И що жъ, помогло вамъ море?

Карпо.

Якъ баби кадыло. Що разъ зопсуешъ,
того вже никола не поправышь.

Иванъ.

И не тилько въ здоровьи, а и взагали?..

Карпо.

Прырода не йде на компромисы.

Маруся.

И я такъ думаю.

Наташа.

Здається вамъ, Иванъ Макаровычъ, не

мае нащо скаржытысь: вы цільна людына!
Я рідко бачыла такыхъ.

Мыхайло.

Недавно ты це саме казала учытелеви словесности.

Наташа.

Ну, такъ що жъ? И Тарась Петровычъ людына цільна—высокого росту, брюнетъ, красивый.

Мыхайло.

Та такъ. Тилькы що ци одзнакы до цільности натуры мало стосуються.

Наташа.

Выдчепысь, педантъ! Иванъ Макаровычъ, а колы жъ вы до насъ прыидете?

Иванъ.

На Риздво.

Наташа.

Ой, якъ довго ждаты! Дождыдаючы васъ, наша публычність буде дни личыть.

Хвыля.

Особлыво вы. (*Мыхайло сміється*).

Наташа. (*Глянула на Мыхайла, знизнула плечыма, до Хвыли*).

Вы угадалы.

Хвыля.

Якъ бачу, вы велыка поклонныця талантивъ.

Наташа.

О, я умираю за сценою, особливо колы въ театри грають таки артысты, якъ Иванъ Макаровичъ.

Иванъ.

Мени вже страшно! Вы ще не бачылы мене на сцени, а зарани уявляете соби щось надзвычайне; це може дуже пошкодыть вражинню: колы ждешъ багато, то одбираешъ дуже мало.

Наташа.

Я жду того, що можливо взяти, и надіюся, що визьму и выпью повну чару.
(*Мышайло сміється спокійнымъ смихомъ*).

Иванъ. (*Зъ чаркою въ руки спивае. Все налывають и помагають спивать*).

Повныи чаркы всимъ налывайте,
Щобъ черезъ винця лылося,
Щобъ наша доля насъ не цуралась,
Щобъ краще въ свити жылося и. т. д.

(*По скинченню пьесы*). За ваше здоровья,
дороги мои!

Наташа.

Браво, браво! (*Шидбила й цилуе Ивана*).

Карпо. (*Дывыться на часы*). *На розузи*

Пора. (*До Маруси*). Дозволяете? (*Маруся кива головою. Встають*). У мене все готово, а отъ и фурманъ пиддыхавъ. (*Цилується зъ Иваномъ*).
Прощай, братъ! Спасыби тоби за все! Не

мынай же старога гнізда! Мама сыльно за всима вамы сумуе, а особлыво теперь, колы тато померь, и вона зосталась сыротою. Знаешь, прожывшы пятьдесятъ литъ вкупи чесно, злылыся душама въ одну истоту, а потимъ раптомъ одного не стало... и мовъ тебе розризано на двое, и ты що дня чуешь незаличыму рану. Тяжко бува дывытысь на іи очи, повни якоись невымовной журбы!

Иванъ.

Прыиду, хочъ бы тамъ що! Я тоби напышу. Поцилуй маму, Явдоху, Васылыну, Демыда, усихъ, усихъ!

Карпо.

А ты, Михайло? Може бь теперь оце зо мною заихавъ; крюкъ не велькый.

Наташа.

Заидемо, Мыша!

Михайло.

Ніякъ не можна, писля завтрего экзамены... Самъ знаешь, якъ же безъ директора... Я жь одпуску не бравъ.

Карпо.

Та такъ. Прощайте! (*Цилується зъ Марусею*).
А вы до насъ, зъ дитьмы, погостювалы бь!

Иванъ.

А що ты думаешь, Марусечко? Я зь тобою спышуся, и мы зьидемось у куни до Карпа.

Маруся.

Зъ радистью, якъ що диты будуть здорови!

Наташа.

Вы напышитъ мени—колы, то й я прыиду.

Иванъ.

Добре.

Карпо.

Прощайте, бувайте здорови!

Иванъ.

Кланяйся всимъ!

Маруся.

И видъ мене!

Карпо.

Спасыби. *(До Михайла).* Негайтеся! *(Выйшовъ).*

Михайло.

Ну, до побачення! *(Цилуються зъ Иваномъ, цилуе въ руку Марусю и йде).* Спасыби за все! *(Допутно Хвѣли).* Будете въ нашимъ городи, прошу не мынать моеи хаты. Прыятели брата—мои прыятели. Наташа, Карпо жде.

Наташа.

Пидожде. Що жъ я не прощавшысь пиду? Прощайте, Марія Даныловна! Просымо до насъ на Риздво. *(Цилується).* Иванъ Макаровичъ, до прыятного побачення! *(Цилуе его, йде й обертається).*

Мыхайло.

Наташа, Карпо жде! Опизнымось!

Наташа. *(На пороги).*

Я такъ зриднылася зъ вамы, *(чуть слезы)*
що прямо такы розлучатыся не хочу, а
мушу... *(Вытира очи).* До побачення! *(Вси выхо-*
дять. Прислуна, що раньше почала приборку, выносятся
де яку пакунку, вертається и кинча свое дило).

Я Катерина випровадилася зъ мамцею
Я В А VI. *и мамцею*

Катерына и Приська, потимъ Иванъ,
Маруся и Хвыля.

Приська.

А сколько воны тоби далы?

Катерына.

Генераль — карбованця, генеральша —
два, а той мугыряка — четвертакъ.

Приська.

И мени такъ само далы.

Катерына.

Спасыби й за те. Буде чымъ почасту-
вать коваля и Махметку... Тилькы, що
Махметка не пье, — имъ заборонено.

Приська.

Та бреше! Якъ бы люде не робылы
того, що имъ заборонено, то дуже бь сумно

жылося! (Иванъ, Маруся и Хвыля вертаются). Ма-
рiя Даныловна! Махметка хоче нанятысь до
нась у двирь за сторожа.

Иванъ.

О, сторожъ вирный.

Маруся.

Надежный. Нехай прыходе. Прыносьте,
дивчата, решту билизны... (Дивчата выйшлы).

Иванъ.

А я прыляжу, бо рано вставъ, утомив-
ся. Сонъ передь обидомъ—золотый. А ты,
Платонъ, обидаешъ зъ нами?

Хвыля.

Може.

Иванъ.

Такъ я зъ тобою не прощаюсь. (Выходитъ).

Я В А VII.

Хвыля и Маруся.

*Добра пауза. Маруся переклада речи и кладе ихъ
въ скриню; дивчата вносять глажени сорочки, кладуть
и выходятъ.*

Маруся.

Чого жъ вы мовчите? Роскажуйте, що
бачылы цикавого у свити.

Хвыля.

Вы не любыте слухать того, що я го-
ворю, а я такъ переповненный одною дум-

кою про васъ, що мени ничего бильше въ голову не лизе.

Маруся.

Ну, то чытайте онъ журналъ; а то вы слидкуете за моими рухамы, и я не могу спокійно робыть своего дила.

Хвыля.

Дозвольте жъ хочъ дывытысь на васъ!

Маруся.

Зъ вами можна потерять и святе терпиння! Вы нахаба, якихъ я ще не бачыла!.. Якъ бы я не була певна въ своихъ моральныхъ, сылахъ, то росказала бъ все Иванови.

Хвыля.

Роскажить. Винъ выкличе мене на поедынокъ; и я его убью.

Маруся.

Фу, протывный! Що зъ вами сталось?

Хвыля.

Я васъ люблю безумно! (*Входе Приська*).

Приська.

Марія Даныловна, Махметка тутъ.

Маруся.

Клычъ. (*Приська выйшла*). Дуже рада, що такъ сталось. Я замкну двери передъ вами и для охраны поставлю сторожа Махметку.

Хвыля.

Не забывайте, що татары золото любятъ.

Маруся.

Не миряйте всего золотомъ. Махметка преданный мени чоловікъ и за его плечыма я буду тутъ сидить, якъ у фортеціи.

Хвыля.

Нема такой фортеціи, яка бъ після довгои осады не здалась. (*Входе Махметка, на видъ сильный чоловікъ*).

Махметка. (*Кланяється*).

Доброго здоровья!

Маруся.

Здоровъ, Махметка. Ты хочешъ нанятись сторожемъ до мене?

Махметка.

А чого жъ не хотить? Настояще хочу!

Маруся.

Мы тутъ сами бабы зостаемся, то ты насъ будешъ стерегты не тилько видъ злодѣивъ, а и видъ злыхъ мушцынъ.

Махметка.

Махметка самъ злый, его знаютъ: разъ — два и черезъ парканъ сторчъ головою!

Маруся.

Мени такога и треба. Маешъ 10 карбованцивъ у мисяць и харчи. Згода?

Махметка.

Маешъ вирного пса!

Маруся.

Зъ сегоднешнего дня и заставайся.

Махметка.

Дзвінокъ і
Я вже застався. Будешъ довольна. (Вы-
ходе). Махметка слово держыть! (Чуть дзвінокъ)..

Маруся.

Видчинить двери.

Хвыля.

До речи, подывлюсь, чи мицный замокъ.
(Иде. Двери видчиняются и показується ефектна, красы-
ва артыстка Ванина).

Я В А VІІІ.

Ти жъ и Ванина.

Ванина. (На дверяхъ).

Простить! Позвоныла и хотила ждатель,
колы дывлюсь, двери незамкнени, и я увій-
шла. (Пидходе). Выбачайте, може не въ пору?
Артыстка Ванина. А вы певно Марія Даны-
ловна, жинка нашего знаменытого артыста?

Маруся.

Такъ.

Ванина. *(Обнима и цилуе).*

Дуже рада зъ вами познакомытысь. Мы зъ Иваномъ Макаровичемъ служымо у одной трупы.

Хвыля.

Давно?

Ванина. *(Глянувши на него, до Маруси).*

Иду на сезонъ и забигла спытать, колы иде Иванъ Макаровичъ.

Маруся.

Сегодня; прошу сидать.

Ванина.

Познакомте.

Хвыля.

Копытанъ власного судна.

Ванина.

Морякъ?

Хвыля.

По сухому пути судномъ не плавають.
(Идучы мимо Маруси). Одна зъ багатехъ.

Ванина.

Що вы сказали?

Хвыля.

Ничого—я кашлянувъ.

Ванина. *(Смѣется).*

Орыгинальный кашель.

Хвыля.

Морський!

Ванина. *(Сміється).*

Такъ Иванъ Макаровычъ иде сегодня?
Дуже рада, що матыму попутчыка.

Хвыля. *(Підъ нисъ).*

Прыятногò для серця.

Ванина.

О, та у васъ сухой бронхитъ!

Хвыля.

Застарилый, хроничный.

Я В А ІХ.

Ти жъ и Иванъ. *(Зъ маленькымъ своимъ сынкомъ на шыл, скаче конемъ).*

Иванъ.

Гоць, гоць, гоць! Тпрр! О! Людмыла?
А ты де тутъ взялася?

Ванина. *(Протяга ему руку).*

Тилькы що прыйихала.

Иванъ.

Руки заняты. Де жъ була?

Ванина.

На дачи Ракофукса. Брала морськи ван-
ны, иду на сезонъ и захала провидать
васъ.

Иванъ.

Я заразъ. Эдамъ пасажыра няни.

Маруся.

Чому жъ не одпочываешъ?

Иванъ.

Лигъ—не спытьця. А тутъ Ивасыкъ прыйшовъ... Ну, козакъ, держысь, визьмы батька за чуба! Такъ. Гоць гоць, гоць! (*Скаче конемъ за двери*).

Ванина.

Ахъ, яка чудова картина! И хто бъ подумавъ, що велькый артыстъ Иванъ Макаровычъ такой прымирный симьянынъ? У мене слёзы на очахъ!

Хвыля.

У васъ на мокримъ мисци очи.

Ванина.

Морякъ прывыкъ до воды и ему скризь мокро, тилькы душа, очевыдно, суха и не почува симейныхъ радоцивъ.

Хвыля.

А вы симейни?

Ванина.

Я женщины и артыстка: иллюзии легко находятъ стежку до нашего сердца.

Хвыля.

Зрозумивъ! Иванъ грае роль батька, а вы плачете?

Маруся.

Даремно! Иванъ прекрасный симьянынъ и благородный батько першъ усега, а потимъ вже артыстъ.

Хвыля.

И поэтъ...

Маруся.

Щобъ вы знали! Одно достоинство не выключаетъ другого, а тилькы доповня и робе чудовый, гармонійный акордъ, якый чаруе души всихъ!

Ванина.

Правда, свята правда! (*Цилуе її*). Иванъ Макаровичъ нижный, благородный чоловікъ, а черезъ те загальный кумыръ.

Хвыля.

И вашъ?

Ванина.

•И мій! Ха, ха, ха! У васъ, власне кажучы, язычный бронхитъ, вамъ бы не вадыло поличытысь!

Хвыля.

Тутъ нема добрыхъ ликарихъ. Одынъ, правда, есть; колы жъ и той, пидъ впливомъ поэзи, не хоче практиковать! Може бъ вы взялыся поличыть мене?

Ванина.

Прыизжайте до насъ у Харькивъ, тамъ мы васъ скоро выличымо!

Хвыля.

Боюсь, щобъ мій бронхитъ не обернувся въ карманну сухоту.

Ванина.

А мени здається, що вамъ ничего бо-

ЯТЫСЬ; у васъ и заразы певно карманна сухота. Ха, ха, ха!

Хвыля.

Хто самъ сміється своему остроумію, той не остроумный!

Маруся. *(Засміявшись)*.

Эге, вы вже ображаетесь! Явна признака, що силы на миль.

Хвыля.

На такой мили сыдять приятно.

Ванина.

Ха, ха, ха! Де вы его взяли? Ей Богу, оригинальный морякъ! Я дуже люблю оригиналивы!

Хвыля.

А я дуже люблю гарныхъ жинокъ!

Ванина *(До Маруси)*.

Зъ нымъ не заскучаешь!

Маруся.

Докучить! *(Входе Иванъ)*.

Я В А Х.

Ти жъ и Иванъ.

Иванъ. *[До Ваниной, подае руку]*.

Ну, теперь доброго здоровья! *(Ванина робить руку, хоче поцилувать Ивана, Иванъ держитъ ии*

за руку, до Хвыли). А що: правда Людмыла Павловна гарна и весела молодыця?

Хвыля.

Бой жинка!

Иванъ.

А тоби, Людмыла, якъ здаецься мій другъ?

Ванина.

Бой чоловикъ!

Хвыля.

Пара пятакъ.

Ванина.

Дешева рыбка—погана юшка! Я до тебе... я до васъ, Иванъ Макаровычъ, на хвылынку,—мене тамъ ждуть.

Хвыля.

Хто?

Ванина.

А ну, вгадайте.

Хвыля.

Звычайно: поклонныкъ талану.

Ванина.

Я не таланъ.

Хвыля.

Гарненьки жинкы вси зъ таланомъ.

Ванина.

Спасыби.

Хвыля.

Выбачайте, чымъ Богъ пославъ, тымъ и частую!

Ванина.

Отъ чудакъ! Зъ вамы не зговорышъ...

Хвыля.

Такъ договорыся!

Иванъ и Маруся. (*Смѣются*).

Ванина.

Та ну васъ къ чорту! Дайте побалакать зъ Иваномъ Макаровычемъ.

Хвыля.

Сышъ!

Ванина. (*Тона ногою*).

Та постійте бо хочъ хвылыну!

Хвыля.

Ни, я краще посыдю. (*Сидает*).

Ванина.

Ха, ха, ха! Отъ ще морський чортъ! Якъ же вы себе почуваете, Иванъ Макаровычъ?

Иванъ.

И добре и погано: добре, бо одпочывъ, погано, бо знову починається протывна суета, для якои я мусю покидать свій рай!

Ванина.

А ваша дача справжній рай!

Иванъ.

Це не моя—я тутъ гисть; дача Марусына, и цей рай безъ неи не бувъ бы раемъ!

Ванина. *(Подходьтъ до вѣкна. Иванъ иде до неи и стае поручъ).*

Хвыля. *[Маруси].*

Парочка.

Маруся.

Мефистофель!

Ванина.

Ахъ, яка краса: и море выдко якъ на долони... и горы...

Иванъ. *(Тыхо).*

И якого чорта ты прыперлась! Пысавъ же, що выиду сегодни...

Ванина.

Не можна очей одирвать. *[Тыхо].* Не выдержала—просты! Ахъ, садъ. *[Отходьтъ].* Ахъ, садъ який! Рай, рай кругомъ! Я вамъ, Марія Даныловна, завыдую... Никому не завыдую—це не въ мойй натура,—а вамъ завыдую: дача—~~ваша~~ и мужъ—велькый артысть! Щаслива!

Маруся.

На половыну; я мужа не бачу пивроку, а тутъ прыкована тилькы обовязкомъ матери..

Ванина.

О, обовязокъ матери—прятный обовязокъ: винъ надъ усымъ пануе въ жиночимъ серци, для него все можна въ жерству прынести, все виддаты!

Хвыля.

И чоловика?

Ванина.

И чоловика.

Иванъ.

Ну, це вже занадто!

Хвыля.

Колы бь матерынство надъ усымъ такъ панувало въ жиночимъ серци, то не робылы бь стилькы абортивъ.

Ванина.

Пры чему тутъ борть? Морякъ видь борта ни на ступинь. *(Сміється и вси сміються)*. А вы, Марія Даныловна, якъ дывытесъ на матерынство? Вамъ и кныгы въ руки.

Маруся.

И я, и мужъ, и диты, и матерынство одно циле, а циле повынно быть вкупи, зь него не можна выдилыть и малои частыны, бо тоди, кримъ стражданій души, пропада и святость, и краса, и гармонія семьи.

Иванъ.

О, моя любя Марусечко! Ще не бага-

то терпиння, и у тебе буде рента, яка дозволить намъ не розризнятысь никола.

Хвыля.

На старисть.

Иванъ.

Що жъ робыть?

Ванина.

Ой, засыдилась! Нерано. Прощайте, дорога Марія Даныловна, найщаслывиша мижъ жинкамы! Дуже рада, що зъ вами познакомылась! (*Цилюються*). До побачення, Иванъ Макаровычъ! ~~Я не выношу качкы и в Симферопели одиночнну.~~

Хвыля.

И я зъ вами.

Ванина,

Будьте здорови, бажаю вамъ выличытысь видъ язычного бронхита.

Хвыля.

Я заразъ же иду за ликаремъ (*Берешатку*). Може хочъ винъ дастъ мени певне ликарство.

Ванина.

Розуміете? Ей Богу, винъ хоче иты за мною. Я его боюсь! Прыдержте его, будь ласка!

Маруся. (*Смиючысь*).

На вищо жъ вы себе ликаремъ объ-

явылы? теперь личить! Пациентъ, знаете, настырливый,—не видчепытесь.

Ванина. *(Капризно)*.

Иванъ Макаровичъ!

Иванъ.

Та винъ жартуе! Платонъ, ты жъ зо-
станесся зъ нами обидать?

Хвыля.

Я хворый, я не могу исты, я иду
за ликаремъ.

Ванина. *(Залывается смихомъ)*.

До зобачення! Я тикаю *(Выходитъ и сто-
итъ въ смяхъ смючысь)*.

Хвыля.

Я не одстану.

Иванъ. *(Держытъ его)*.

Залышы, що за охота... Оставайся...
ты мене ображаешъ и... слухай, що ты не
бачывъ бабъ, чи що?

Хвыля. *[Тыхо]*.

Не могу, братъ, овощъ хороша и жде,
хиба не бачышъ.

Иванъ.

Що жъ це вы, Людмыла Павловна:
тикаете, стоячы на мисци? Певно сами
ждете?

Ванина. [Сміється].

А куды жь я видь него втичу? До-
жене.

Хвыля. *(Въ сinyaхъ).*

Я, зь вамы до Симфєрополя! А помы
що: руль, лѣво на бортъ—въ ресторанаъ
«Россія»! Ручку! Повный ходъ! *(Ванина подае
ему руку, и заливаючысь смихомъ, выходять).*

Я В А Х І.

Иванъ и Маруся.

Иванъ.

Чортъ батька зна що! *(Иде до вiкна).* Прав-
да, що пара пятакъ! *(Дывыться у вiкно. Про себе).*
Тварь! *(Мовчать. Потимъ зитхае. Маруся спокійно
складае речы въ скрыню. Иванъ барабаныть нетерпяче по
склу вiкна).* Маруся!

Маруся.

Що Ваня?

Иванъ.

А скоро буде обидъ готовый?

Маруся.

Не раньше якъ черезъ году.

Иванъ.

Ху, якъ довго!... Мени, знаешъ, щось
исты хочыться... Я за сніданкомъ ничего
не ивъ... *[Мовчать].* Марусечко!

Маруся.

Що голубчыку?

Иванъ. (*Подходе*).

Давай, Марусечко, погуляемо сегодня зъ тобою.

Маруся. [*Обнима его*].

Давай!

Иванъ.

Ходимъ въ ресторанъ. Въ «Россіи», знаешь, хорошій обидъ и шампанського мени скортило выпить зъ тобою на дорогу, а дома нема.

Маруся.

Богъ зна що выгадавъ! Сегодня й у насъ обидъ гарный, по твоему заказу. Я не люблю кабацькихъ обидивъ и повитря кабацьке мене завжды нудыть!... Шампанського я не пью, а дома есть добре выно, яке ты любышь, и я выпью за кумпанію, потимъ одпочынешь. (*Дыветься ему у вичи*). Ваня, ты нахмурывся? Чого, сердце?

Иванъ.

Ни, ни, моя голубко, чого бъ же я хмурывся?

Маруся.

Я хочу зостатысь ци килько годинъ зъ тобою самъ на самъ, будь же ласкавый! (*Обнима его*). Було бъ тоби зоставыть Ванину обидать у насъ, и Хвыля бъ зостався.

Иванъ.

Нехай ій чортъ! Ты знаешь, я іи ненавыжу! Фойда! Терпитъ не могу такихъ!

(Ходе по хати) Нахалка! Ху! Навъязалась незнакомому мущыни...

Маруся. (Сміється)

Хиба тебе це ображає? Нехай собі фліртує: Що вона, замужня?

Иванъ.

Не знаю. Я тилько передъ кинцемъ прошлого сезону познакомывся... Вона зо мною раньше не служыла... (Мовчатъ. Иванъ ходе по хати, про себе). Падлюка!

Маруся.

Ваня!

Иванъ. (Сполоханий).

Я? Николы въ свити!

Маруся.

Що зъ тобою?

Иванъ.

Ничого, серце, а що?

Маруся.

Ты сказавъ: «николы въ свити!»

Иванъ.

А—а, ха! Думкы, знаешь, бродять въ голови: не розризнятыся на той сезонъ зъ тобою, и въ слухъ зирвалось ршеніе: «николы въ свити».

Маруся.

Хороше ршеніе! Може бъ его заразъ и выповныть, Ванюша?

Иванъ.

Заразъ?!... Ни, це дуже раптово: все треба ламать. Цей сезонъ тры перейзды зъ двома дитьмы, въ отелю, — и дорого и тисно... Ни! А на той сезонъ я устроюсь на-однимъ мисци, зарани найду хороше мешкання и будемъ вкупи жыть. [*Мовчать*].

Маруся.

Ваня! По якій прычыни вы зъ Ваниною на ты?

Иванъ.

Я? Хпба я ий говорывъ — ты?

Маруся.

Навить вона сказала тоби ты и поправылась потимъ на вы.

Иванъ.

Може, може! Звычайни театральни видносыны — нибы по товарыськи... Це погано й справди. Я часто даю соби слово держать себе инакше, а проклята прывычка звертае на старый шляхъ!... Тоби це неприятно, Марусечко?

Маруся.

Ни, не то... А такъ... Кто его знае, якъ и сказать! Односыны на ты зъ молодю красывою женщиною ниби свидчать про якусь близкнсть, и потимъ — призвыще таке у неи „Ваннина“.

Иванъ.

О, ха, ха, ха! Це ричь звычайна: одынь сезонъ — Ванина, другій — Платонына!... А ты трошки ревныва...

Маруся.

Ни, мій любый! Нп! Покры я виру, нищо мене не трывожыть, а потеряю виру — нищо мени виру не верне! Я нездатна ни на ревність, ни на компромисы! Зрада и смерть — для мене одно! Хто мени зрадыть, той умирае для мене на завжды, безъ повороту.

Иванъ.

Чесно... Чесно... Але жорстоко! Пуританизмъ выйшовъ въ тиражъ. Безъ компромисивъ жыты не можна.

Маруся.

Ни якихъ компромисивъ не розумію; прямота, чесність, чыстота — мій девізъ. [Мовчать].

Иванъ [Шидходе до вихна].

Сегодня буде качать. Глянь, Марусечко, яка краса: море бишено бѣе своимы могучными хвылямы обѣ скели, реве и завывае, — мовъ сердыться, що нема у нього сылы розбыть предковичню прыпону, якою натура обмежыла его видѣ земли, — и мусыть пты на компромисъ!.. Иды сюды, Марусечко. [Маруся шидходе. Иванъ обнима иі за талію и прыгорта до себе].

Марусечко, мени страшно робыться, колы я уявлю соби, яка манюня кузочка чоловікъ въ поривнанни зъ тїєю сылою, що онъ такъ вельчно розвернулася передъ нашими очыма и ховається въ небесній блакыти... Глянь, який валъ горне до берега, нибы хоче розбыты свою прыпону-скелю! Ху! Розбывся самъ объ скелю въ манюни крапли, крышталемъ заблыщали крапли на сонци, сяючы квиткамы радугы... И могутно, и красно, и страшно. [*Прыгортае Марусю близько до себе и цилуе въ лобъ*].

Маруся.

Чого жъ страшно? Гарне не страшне, мылый... Що зъ тобою? Ты знервованый, увесь тремтышь, очи горять...—ты хворый?

Иванъ.

Ни, моя люба,—я здоровый! А нервы справди пиднялыся, мовъ передъ выходомъ на сцену въ новій одповидальній роли... Я розлучаюся зъ тобою—це компромись, а ты не признаешъ компромисивъ, и мене смутокъ обнявъ.

Маруся.

Це не компромись!.. Це обовязокъ, який на насъ.. наклало жыття и твоя професія. Ты свято выповняешъ свій обовязокъ до мене, до семьи; я выповняю свій—до тебе, до семьи: и цымъ самымъ не тилько не обтяжаемо одынь другого, а навить сприяемо-

розвою и нашого щастя и нашого благополучія въ будучыни. Ты працуюешъ, а я, шыра твоя помишныця, дома зъ дитьмы пыльную наше гнздо и готую тобі спокійный одпочывокъ. Певнисть, що мы чесно идемъ поручъ до меты, помагае мени лекше переносыть скруху, яка часто окутуе мене одыноку. Колы жъ зблыжаецься часъ твого прыизду, я ожываю! Тутъ знову настае весна для мене, и въ купи зъ тобою я забуваю вси прыгоды нашого роздвоеного жыття.

Иванъ. *(Бере ии за обидви руки, дывыться на неи).*

Свитла, благородна душа у тебе, безцинна Марусечко! Для тебе жытейське море не страшне, а я боюсь его.

Маруся.

Чого жъ, мій мылый?

Иванъ.

Тамъ, въ жытейскому мори, де я повиненъ плавать, якъ и въ мори воды,— часто хвылямы страшнымы залывае людей! Воно кыдае нымы, якъ малымы трисочкамы, и бье и розбивае объ ту межу, за яку вони не сміють переходыть, а переходять по немоци своїй...

Маруся.

Межи—ричь свята, на те вони поставлени предковичною мудростію, щобъ здержувать людей видъ гибели.

Иванъ.

Ахъ, моя дорога! Якъ бы жъ то для чоловика булы таки мицни и выдыми межн, якъ отъ скеля для моря... А колы межн вси въ людей духовни, пхъ не выдко... И прысплять тебе бажання зли, якымы повна наша кровь, и пидхоплять хвыли, а валъ девятый розибъе жыття объ межу, якъ разъ винъ розбывъ объ скелю воду въ прахъ! Тилькыкомпромысы помагають. [*Весело*]. Слухай, Марусечко! Невже колы бъ я тоби зрадывъ, выпадково, безъ крыхты коханя до другои... а такъ, по дурному, оставляючы завжды въ свойй души и въ серци твою свитлу, благородну истоту, невже жъ, пытаю, ты бъ не простыла?

Маруся. [*Зъ страхомъ видступае*]

Ты мене лякаешъ: не мовъ ты зрадывъ вже и ждешъ прощеня видъ мене?

Иванъ.

Ха, ха, ха! О, ни, ни! Це такъ... теоретычна розмова.

Маруся. [*Ласково*].

А ты бъ що сказавъ, колы бъ твій другъ, Хвыля, вси шість мисяцивъ нашего розлучення займавъ твое мисце?

Иванъ.

Це инча ричь... Це паскудство: формальне обдумане жыття одній женщины зъ двома—фи!

Маруся.

Ха, ха, ха! И скількы я не чула розмовъ про це пытання, вси мужчыны ведуть до того, що имъ все можна, а женщины— не можна!.. Ни, мій мылий, чого мени не можна робыть безъ потери честы, того й тоби не можна! Знай: я тоби не зрадо никола въ свити—клянусь! А колы ты зра-дышь,—я порву на вискъ зъ тобою! *(Дзвінокъ)*.

Дзвінокъ

Иванъ.

Хто бъ це? *(Иде въ прихожу. Видчмяются двери. Ванина, сміючысь, въ прихожій)*. „Не пускайте его, не пускайте“. *(Вбшае въ кимнату)*.

Я В А XII.

Ти жъ, Ванина, а потимъ Хвыля.

Ванина.

Дорога моя, простить! Ей Богу, я не не знаю, що робыть зъ вашимъ морякомъ? Прылышь, якъ репъяхъ до кожуха: куды я, туды й винъ. Не бытсья жъ мени зъ нымъ! Мусила тикать пидъ вашу опику.

Маруся. *(Сміється)*.

Добре зробылы, що вернулысь! Роздягайтесь—будемо обцдать. *(Входе Иванъ и Хвыля)*.

Иванъ. *(Веселый)*.

А що?.. Найшла коса на каминь!

Хвыля. *(На дверяхъ).*

Хто зъ насъ каминь—не знаю; знаю, що я коса, а вона трава.

Ванина. *(Скыдае шляпу, жартовляво).*

Нахаль, неможливый нахаль! Я такого мужчыны ще не бачыла, прямо хочъ городского клычъ! *(Вси сміються).*

Маруся.

Присько! А вы, Людмыла Павловна, заведить такого сторожа, якъ я. *(Входе Приська).* Поклычъ Махметку и давай обидать. *(Приська выйшла).* Въ наши часы, навить, пидлиткы, гимназисты, маючы едыныцю за спряженіе глагола «люблю»—грають въ любовь, флиртуютъ и прытупляютъ прыродну своему викови соромливисть на завжды... Черезъ це, по моему, зъ ныхъ, въ кинци-киндивъ, выходятъ не лыцари, якъ колысь, а мушчыны-кокоткы! И отъ теперъ женщины ходыть безъ сторожа не можна!

Хвыля.

Ха, ха, ха! Марія Даныловна фанатикъ умовной чыстоты... Ультра-пуританка. *(Входе Махметка).*

Ванина.

Ахъ!

Хвыля.

Знакомый? *[Иванъ сміється].*

Ванина.

И не смишно и не розумно.

Маруся. *(Дае картку Махметци).*

Пиды въ крамныцю Шарого и пры-
несешъ дви пляшкы шампанскаго.

Махметка.

Разъ-два! *(Выйшовъ).*

Маруся.

А правда надежный сторожъ?

Хвыля.

Видъ такого сторожа те жъ треба
мать сторожа!

Ванина.

Ей Богу, на той сезонъ заведу соби
махметку. *[Вси сміються].*

ЗАВИСА.

Дія II.

Уборна Ивана и Крамарюка.

ЯВА I.

Иванъ. *(Въ одежи и грими Отело передъ зер-
каломъ. Поправляе гримъ. Крамарюкъ въ
улу куре. Посередыни Ванина, быля
неи графъ и Хвыля. По паузи, въ две-
ри вылядае Кактусъ зъ книжкою въ
рукагъ).*

Кактусъ.

Иванъ Макаровичъ, скоро друга сцена.
[Зачиня двери].

Хвыля.

Сегодня мы, Людмила Павловна, вечеряемъ?

Графъ..

А слово?

Иванъ.

Въ чимъ дило?

Графъ:

Писля спектакля графыня васъ жде въ Европейскій.

Иванъ.

А вы, Людмила Павловна, зъ Платономъ?

Ванина. (Сміється).

Вы въ роли Отело—я васъ боюсь.

Хвыля.

Щобъ ревности не выкликать?

Иванъ.

Ха, ха, ха! Даремна ричь! Я взагали не ревныый. Марусечка моя—сама впрность; а тутъ?.. Тутъ мени нема кого ревнувать.

Хвыля.

Людмила Павловна, винъ правду каже?

Ванина.

Я не смію судыть: Иванъ Макаровычъ говорыть про свою жинку.

Кактусъ. (*Въ дверяхъ*).

Иванъ Макаровычъ, друга сцена. [*Зникае*].

Иванъ.

Иду. (*Иде, за нымъ Хвыля, Иванъ обертаецца до Графа, который шепчыть ся зъ Ваниною*). А вы, графъ?

Графъ.

Иду, иду! Вы на сценн—и я иду. (*Вси выходяць*).

Я В А П.

Крамарюкъ и Ванина.

Крамарюкъ.

Графъ выйшовъ для выду и заразъ верныть ся.

Ванина.

Я боюсь, Степочка! Та ще лыха година прынесла пидглядача Хвылю... не знаю, що робыть.

Крамарюкъ.

Ахъ, мій ангель, а я нащо? Вы поидете зъ графомъ, Иванъ Макаровычъ зъ графынею, а Хвыли я скажу, що у васъ болыть головка, и самъ пиду зъ нымъ вечерять—отъ и все! А покы Иванъ Макаровычъ скинчыть ~~спектакль~~, покы вер-

ныться зъ вечера, — вы будете спать сномъ праведныци.

Ванина.

Гляды; Степа, щобъ мы не попались: Ваня ревныый, а у ревныыхъ очи бачать у четверо, а чуття уявляе имъ все невидоме въ десятеро.

Крамарюкъ.

Я, Людечка, старый горобецъ — одни зубы зъивъ, други вставивъ, — зо мною въ сильце не піймають! Пры тому, все склалось натурально: Иванъ Макаровычъ — зъ графынею, а вы зъ графомъ. Ха, ха, ха! И тамъ и тамъ — безгришный флиртъ: може якый невинный поцилуйчыкъ, тай годи!

Ванина.

Що ты, Степа! Ты знаешь, якъ я люблю Ваню... Мени просто хочеться покатысь хорошымы киньмы.

Крамарюкъ.

Ангель мій! Це не практычно! Невинный поцилуйчыкъ дасть графу надію въ будущыни, — и отъ въ бенефисъ подарунокъ.
(*Входе графъ*).

Я В А Ш.

Ти жъ и графъ.

Ванина.

Графъ! Вы не въ театри?

Графъ.

Голова почала болить... А ничь чудово поэтычна: морозна, ясна, я хочу проиха-тысь за городъ, погы спектакль скинчыться... хочете зо мною?

Ванина. (*Соромлыво*).

Ніяково...

Графъ.

Зо мною?

Ванина.

Щобъ не подумалы чого—я соромлюсь.

Графъ.

Соромливисть красить женщину въ загали, а гарну—робыть крацою у двое. Прошу!

Ванина.

Степанъ Кузьмычъ, можна?

Крамарюкъ.

Зъ графомъ, Людечка? Можна!

Ванина. (*До Крамарюка*).

На вашъ отвить... (*До Графа*). Заразъ! Ждите въ вистибули. [*Хутко выйшла*].

Графъ. (*Подае руку Крамарюку*).

Спасыби. Вечеря за мною. [*Выходе*].

Крамарюкъ. (*Провожае*).

Радъ служыть, радъ служыть! (*У двери*).
Вася, Вася!

Я В А IV.

Крамарюкъ и портный.

Кактусъ. *(На дверяхъ).*

Тыхо! Иванъ Макаровычъ на сцени.
(Змыкъ. Входе портный).

Крамарюкъ.

Прышый мени, голубчыку, пуговицю до сюртучка и тамъ пидъ пахвою трошкы роспоролось. *(Скыда сюртукъ, портный зашывае).*

Портный.

Иванъ Макаровычъ сегодня сердытый: Людмыли Павловни пальцемъ посварывся, а мене тутъ же вылаявъ ни за се, ни за те...

Крамарюкъ.

Роль, знаешъ, така бишена: страсть, ревнисть, въ пятимъ акти давить жинку... ну и настрій!.. Легко, думаешъ, задавить женщину? Велькый артысть говоре, якъ Оттело, а почувае якъ Иванъ Макаровычъ! Може и у него е своя Дездемона, а у Дездемоны Касю, а зъ боку Ягго... ке, ке, ке!

Портный.

Здається, графъ...

Крамарюкъ.

Тсъ! Вася, ни слова! Боже тебе сохрани, хто небудь почеу. *(Входе Хвля. Порт-*

ный кинчывъ роботу, подае сюртукъ, Крамарюкъ надивае)
Спасыби. (Тыжо). Выйды! (Портный выйшовъ).

Я В А V.

Крамарюкъ и Хвыля.

Хвыля.

Дозвольте зъ вамы познакомытысь:
Хвыля, другъ и прыятель Ивана Макаро-
выча.

Крамарюкъ.

Артыстъ Крамарюкъ, другъ и прыятель
Ивана Макаровыча.

Хвыля.

А?.. Въ takimъ рази и мы повинни
буць прыятелями...

Крамарюкъ.

Дуже радъ!

Хвыля.

Не меньше! Я знаете, драмъ и страш-
ныхъ трагедій не люблю. Доволи зъ насъ
и своихъ драмъ въ щоденнимъ жытти!

Крамарюкъ.

Такъ, такъ! Ахъ, въ жытти багато
драмъ, я самъ люблю бильше кумедію.

Хвыля.

Будемъ правду говорыть, що хороша
зъ сучасного жытти драма, те жъ слу-
хається охотно.

Крамарюкъ.

А-а! Такъ, такъ! И я люблю хорошу съ сучасного жыття драму.

Хвыля.

Хоча теперь драмы зъ сучасного нашого жыття нема, все бильше переводни.

Крамарюкъ.

Переводни, вси переводни.

Хвыля.

А зъ нашего жыття одноманитни, безъидейни; флиртъ—и бильшь ничего.

Крамарюкъ.

Одноманитни, ажъ нудыть, безъидейни, флиртъ и бильшь ничего... справедлыва рецензія!

Хвыля.

А дежъ Людмыла Павловна?

Крамарюкъ.

Голова розболилась: пишла до дому.

Хвыля.

Жаль. А я хотивъ зъ нею повечерять.

Крамарюкъ.

Знаю, знаю... Людочка те жъ мій другъ и прыятель. Вона мени сказала: «у мене головка болыть, а ты, Степочка, иды зъ морякомъ вечерять!»

Хвыля. (*Про себе*).

Идея! За вechereю пидпою и вывидаю все, що для мого плана треба. (*До Крамарюка*).
Прoшу, прошу!

Крамарюкъ.

Сердечно дякую, сердечно дякую. Лю-
дочка такъ и сказала: «винь самъ тебе
попросить».. Ке-ке-ке... Мене графъ про-
сывъ, але я видрикся. Не люблю аристо-
кративъ, хочъ и самъ потомственный дво-
рянинъ.

Хвыля.

А Иванъ, здається, зъ графынею.
(*Жлаца языкомъ*). А?

Крамарюкъ.

Ке-ке-ке! Велькый артысть на роз-
хватъ!.. Тилько Иванъ Макаровычъ ни-ни!

Хвыля.

Бoиться Ваниной?

Крамарюкъ.

Ваниной? (*Довго дивыться на Хвылю, кача го-
ловою*). Не знаю.

Хвыля.

Ну отъ, ну отъ! Це не таемныця—
вси знаютъ.

Крамарюкъ.

Не вже вси знаютъ?

Хвыля.

Та що тамъ, зaлышитъ! И вы знаете.

Крамарюкъ.

Я?! Ке-ке-ке! Вы не прокуроръ?

Хвыля.

Э, дружище, пры чимъ тутъ прокуроръ? Вы старый китъ и розуміете добре, що коханья не утаишь, а публика слидкуе за кожнымъ рухомъ знаменытого артыста— ну, и знае все.

Крамарюкъ.

Правда, правда! Публычність страшенно цикава. Есть таки, що, повирите, роспытують, що истъ Иванъ Макаровычъ; ну, а брехунцивъ у насъ въ трупи багато, и видъ ныхъ все йде у свить... Жывить тыхо, смырно—нихто не знатыме й хто вы; а быйтеса, лайтеса, сваритеса, залыцяйтеса, то не тилько вси будуть пидслуховать, роспытувать, а навить у двери заглядають! Ка-ка-ка! Люды люблять скандалы бильше, нижь людей.

Хвыля.

Та тутъ и скандала нема. Свитова ричъ: Иванъ Макаровычъ безъ жпикы, Ванина не замужня, діявольски гарна, кулисы. плюзін, настрій, молода кровь, ну... Натурально.

Крамарюкъ.

Натурально, натурально! Я не судю! Боже сохрани! я никого не судю; самъ бувъ молодымъ.

Хвыля.

Та вы ще й теперъ, певно, ходожъ!

Крамарюкъ.

Ке, ке, ке! Бильше языкомъ!

Хвыля.

А! Ха, ха, ха!

Кактусъ. (У двери).

Тыхо! (Зачиняе).

Хвыля.

Ну, дружыще, я тилькы сегодня прыпхавъ, не поспивъ зробыть Иванови визита. Де вони жывуть?

Крамарюкъ.

Въ отелю «Россія»; роскишни номера.
(Чуть аплодисменты).

Хвыля.

Кинець акта?

Крамарюкъ. (Прислужається).

Такъ; вызовы! (У двери). Вася!

Хвыля.

Ходимъ пропустымо.

Крамарюкъ.

Коньячку? А, а, а! Жаль, що мы не пишлы ранище, теперъ треба подождать Ваню. (Входе портный).

Хвыля.

Я тикаю. (*Выходе*).

Крамарюкъ.

И я прыбуду заразъ. (*До портного*). Будь тутъ; може що треба.

ЯВА VI.

Крамарюкъ, портный, погимъ Усай.

Портный.

Ивана Макаровыча оточылы дамы,—не дадутъ и переодягтысь.

Крамарюкъ.

А Усая не бачывъ?

Портный.

Тамъ, лае рабочихъ.

Крамарюкъ.

Сердытый?

Портный.

Зборъ не повный.

Крамарюкъ.

Погано. Не дасть авансу. (*Входе Усай*).

Усай. [*До портного*].

Чого ты ховаеся по закуткахъ, якъ собака видъ мухъ, нигде не знайду?!

Портный.

Я тутъ...

Усай.

Вачу. Яки ты штаны давъ Родриго? А?

Портный.

Звычайни, якъ завжды.

Усай.

Звычайни, якъ завжды? У тебе все звычайне... На самому поганому мисци дирка. (*Портный бижыть*). Ну, народъ, не дай Богъ! Тилькы самъ не глянь—скрызъ прорихы..

Крамарюкъ.

Добрывечирь, Лупъ Лупычъ! сегодня прыймають дуже добре.

Усай.

Прыймають, прыймають! На черта мени ихъ прыемъ? що я актеръ? Вамъ абы прыемъ, а жалування злупыте зъ Лупа! Мени нужно 483 р. платыть у день, а зборивъ нема, хочъ вишайся.

Крамарюкъ.

Сегодня мало не повный.

Усай.

А контромаркы ты личывъ? а ученычески ты личывъ? а ти 2-хъ рублеви миста, що я продавъ по 60 к., абы не пустувалы—личывъ? То-то одныхъ контромарокъ: официальныхъ, пивъофициальныхъ, редакціонныхъ, типографскихъ, реквизиаторскихъ,

кумовськихъ, сватовськихъ, музыкантськихъ — пивъ театра. *(Входе портный.* Бачывъ, яки ты штаны даешъ?

Портный.

•Тамъ манюня дирочка, треба шукать, щобъ побачыть.

Усай.

А ты ждешъ, помы буде велыка.

Крамарюкъ.

Лупъ Лупычъ! Завтра буде повный зборъ...

Усай.

Постой! До завтрего далеко. Позычъ мени сегодня пять рубливъ; будь другъ, pozyчъ! Не стало заплатыть вечеровыхъ.

Крамарюкъ.

Давъ бы зъ радистью, та нема, Я хотывъ у васъ просыть авансу пять рублыкывъ.

Усай.

Ну, народъ. Скажы мени, ты жалування берешъ чысло въ чысло?

Крамарюкъ.

Авансыкамы все забираю до чысла.

Усай.

И не маешъ пяты рубливъ, щобъ въ нужди запомогты бѣдному антрепренерови? А хто-жь мени плате жалування, хто? Та

я найбиднищый мижъ вамъ чоловікъ,—мученыкъ нещасный; що де не зирву, та все вамъ, та все вамъ! И у день, и у вечери тилькы чую: дай, дай, дай! 70 ротивъ що дня роззявляють пельку—натлы ихъ! Боже мій! На вищо ты мене зробивъ антрепренеромъ и виддавъ на муку Крамарюкамъ?!..
(*Выйшовъ*).

Я В А VII.

Крамарюкъ и Портный.

Крамарюкъ.

Чувъ? Приятный чоловікъ! Позычь ему пять рубливъ... Ахъ ты, кундель! Та якъ бы у мене було пять рубливъ, то я бъ зъ тобою не говорывъ. Ты зрозумій, Вася: я дворянынь, потомственный дворянынь, прадиць мій мавъ такихъ лакеивъ, якъ Усай, а теперь... (*Розводитъ руками*). Кланяйся Кунделю. Ни, фортель, фортель якый (зъ него бувъ бы хороший буфъ-комыкъ): щобъ не дать мени авансу, винъ у мене pozyчае пять рубливъ! Подумай: сорокъ тысячъ лежыть у Волжско-Каменськимъ банкови, а винъ бере въ ресторани одынь обидъ на два дни.

Портный.

Черезъ те то у него гроши е, а вы, Степанъ Кузьмычь, любыте исты по паньски.

Крамарюкъ.

Люблю, Вася, люблю! Гришный чоловікъ, особливо солони закусочки: семгу, омары, балычокъ, икорку... Та тилькы я, братъ, имъ разъ-у-разъ на чужый коштъ! У мене кожрый вечеръ—есть карась, а караси люблять частувать нашего брата и личать це для себе за честь! Напоить актера для карася ривно выконанню высоко довгу; а вже отъ—грошей никто зъ карасивъ не дасть. Сто рубливъ пропье, сто рубливъ для хвастовства спалыть, а бидному не дасть и трехъ карбованцивъ.

Портный.

А дежъ вы диваете свои гроши, жалуванья?

Крамарюкъ.

Чортъ ихъ знае! Зрозумій! Визьму въ цю руку карбованця, перекладу въ другу, *(показуе манипуляцію)* дывлюсь—десять копіекъ. Тягнусь за панамы и разъ-у-разъ въ довгахъ.

Портный. *(Сміється)*.

Чудакъ.

Я В А VIII.

Иванъ, дамы, мушны, диты.

Иванъ.

Прощу, прошу! *(Одчиня двери, входят дамы)*.
Сидайте! Вася, дай, братъ, ще стилецъ!

1 дама. (*Кладе на стілз квіткы*).

Велькому артыстови!

Иванъ.

Спасыби, спасыби! Вы що разу витаєте мене квіткымы. Глыбоко циню вашу любьязнисть! (*Нюхае квіткы*).

2 дама.

А вы мене обманылы: я васъ ссгодні ждала на кофе!

Иванъ.

Не можна було ни-якъ; я бувъ ссгодні въ осади цилый день.

2 дама.

Такъ я васъ завтра жду обидать.

Иванъ.

Обидаю зъ прытелемъ.

2 дама.

Увичливо, ничого сказать... Мени далы слово, а обидаете зъ прытелемъ.

Иванъ.

Простить, я вамъ слова ще не дававъ.

2 дама.

Ну, такъ дайте слово заразъ!

Иванъ.

Не можу! (*Стукъ у двери*).

Голось. *Крутицького*
 Можна?

Иванъ.

Прошу! *(Входить два пана и двое детей).*

1 *Крутицький*

Крутицькій! А це мои диты: Степа и Петя—будуци инженеры.

Иванъ. *(Здоровкається до 2-го пана).*

А, Деркачь! Здоровь, земляче! Що жь це тебе давно не выдко въ театри?

Деркачь.

За те жинка що-дня.

2 дама.

Не правда, вчора не була.

2 *Деркачь*

Бо Иванъ не гравъ.

Крутицькій.

Степа, Петя! Дывитесь на велького артыста. Тилькы—рукы по швамъ! *(Диты заглядають Иванови у вичи и зачинають на столи то те, то се).*

Иванъ.

Сидайте, курить!

2 дама. *(До Деркача).*

Сеня! Я въ одчап! Иванъ Макаровичъ видрикається видъ нашего хлиба-солы; а я

заклыкала до себе на завтра циле товариство, щобъ показаты нмъ знаменытьсть.

Деркачь.

Що жь, колы не можна завтра, такъ другимъ разомъ!

Портный.

Будемъ переодягатысь?

1 дама.

Ахъ, мы тутъ заважаемо! До завтраго!
(Подает руку Иванови, выходя).

Крутицкий.

Петя, руки по швамъ, не зачинай.
(При слови: «руки по швамъ», Петя кладет руки по швамъ на одну жьть, а потимъ знову зачинает що попалю).

2 дама.

Таъ колы жь обидать до насъ?

Деркачь.

Прошу видъ щирого сердца, якъ земляка!

Крутицкий.

Стена, руки по швамъ! Ты зеркало розибьешь! (Стена, якъ и Петя, кладет руки по швамъ и знову щось зачинает).

Иванъ.

Сегодня у насъ четверь... Такъ... Я у васъ обидаю... въ недилю.

2 дама.

Ждемъ. Глядите же не зрадьте!

Крутицкій.

Дуже радъ, що познакомився, довго збирався. Степа, Петя, ходимъ. *(Степа зачепивъ и звалывъ зеркало, воно розбылось).*

3 дама.

Ахъ!

Иванъ.

Ничого, ничого... *(Про себе).* Погана примита!

Крутицкій.

Звукъ
Дзвонъ
Николы тебе не визьму въ театръ... Простить! *(До дитей).* Ну, руки по швамъ. Маршъ! *(Вси виходять, кримъ 3 дамы. Чуть дзвонюкъ).*

Иванъ.

О, першый?... Я не буду переодягатись, не поспію. *(Портняжый виходе).*

Крамарюкъ.

Я заразъ, можна?

Иванъ.

Иды. *(Крамарюкъ вийшовъ).*

3 дама.

Тутъ такъ гарно, весело, що й виходить не хочеться. Артыстычна атмосфера наповняе душу якоюсь радистью, особливо колы зостанешся зъ вами на одынці. *(Закачуе очи пидъ лоба).* Ахъ, талантъ, талантъ... Яка це велика громадська святыня! Безъ

СЫЛЬНЫХЪ ТАЛАНТИВЪ МЫ ЗАКЫСНЕМО ВЪ МЫ-
ЗЕРІИ ЩОДЕНЩИНЫ. ВЫ БУДЫТЕ У НАСЪ НАЙ-
ВЫЩИ ПОРЫВАННЯ ДО СВИТЛЫХЪ ИДЕАЛИВЪ.

Иванъ.

Спасыби, спасыби! Тилько я не розу-
мію, до чого високого я власне васъ роз-
будывъ.

3 дама. (*Оглядаючысь*).

Якъ до чого, якъ до чого? Ахъ, про-
тивный, винъ ще й пытае, неначе самъ
не знае!

Иванъ.

Не знаю.

3 дама.

Вы сегодня не любязни; напруженість
нервивъ васъ утомила. [*Дивыться довгенько на
него*]. Страстный Отело!.. Я васъ люблю бе-
зумною страстью Бальзаковського возраста!

Иванъ. (*Встаючи кланяется*).

Спасыби! И я васъ люблю страстью
прожоры: такого знаменытого борщу; та-
кихъ солоныхъ огиркивъ и марынованныхъ
баклажанивъ, якъ у васъ, я нигде не ивъ!
Очевыдно, тилькы Бальзаковській возрастъ
уміе такъ смашно готовыть страву.

3 дама.

Що? Вы насмихаетесь надъ святымъ
чуттямъ?

Иванъ.

Палагея Ивановна, дайте спокій и никола не говорить мени про вашу страсть, а то скажу Коли, щобъ винъ васъ въ театрѣ не пускавъ.

З дама.

Вы—божевильный чоловікъ, распаскуженный погаными женщинами, яки, кримъ брудныхъ почувань, до васъ ничего въ своимъ серци не малы, а свята идеальна любовь до вашего талану, яка выключаетъ зъ себе все нызьке, кримъ духовного еднання, для васъ не зрозумила.

Иванъ.

А пры чому жъ тоди страсть Бальзаковскаго возрасту?

З дама. *(Иде до дверей)*.

Я личыла васъ далеко розумнищымъ, а теперь бачу, що можна быть великымъ артистомъ и не меньше великымъ дурнемъ *(Выходе)*.

Я В А IX.

Иванъ, потимъ Надя въ билій сукни.

Иванъ.

Ха, ха, ха! Страсть Бальзаковскаго возрасту помпша мени добрый борщъ исты. Пропалы Лукуловскыи обцды!.. *(Заглядае Надя)*. Надя! Заходь!

Надя.

А нема никого?

Иванъ.

Якъ бачышь,—нема. (*Дзвінокъ*).

Надя.

Другый!

Иванъ.

Ничого, перша сцена безъ мене. Заходь, дытя, освижы атмосферу своею чыстотою. (*Бере ии за руку и садовыть*). Я тебе выглядаю въ кулисахъ цилый вечирь! Твій свитлый образъ ангела дае мени сылу творчесты!

Надя.

Не могла доступытись до васъ и тилькы здалеку дывылась. Я боюсь пидходыть: Людмила Павловна обищала облыть мене сирною кыслотою. А теперь вона поихала зъ графомъ кататысь, и я до васъ забигла...

Иванъ.

Людмыла? Зъ графомъ? Хто тоби сказавъ?

Надя.

За кулисамы вси говорятъ. А я сама бачыла Людмылу Павловну и графа въ вистибюли.

Иванъ.

А—а!.. Чортъ зъ нею! [*Дывыться на Надю*] Чому я тебе ранище не зустривъ... Ты—чыстый ангель, ты бь не зрадыла.

Надя.

И не зрадо! Я люблю въ васъ свѣй идеаль.

Иванъ.

Але ты не моя...

Надя.

И не можу быть вашою никола—вы жонати...

Иванъ. (*Тре лобъ*).

Жонатый?.. Такъ, такъ, дытя мое! Слова твои, мовъ молотомъ ударылы мене по голови: я... жонатый, люблю свою Марусечку и... тварь!.. Брр!.. Край! Завтра почну нове жыття, а ты будешъ моею музою и своею чыстотою освижышь мою попорчену душу. (*Цилуе ѳи въ лобъ*). Иды, дытя! (*Надя выходе*). Ахъ, яка мука зразу насила на душу! Говорю одно, роблю друге. Нема у мене нравственной дыстыплины... Але я ѳи добуду; добуду... свитлый образъ Нади поможетъ очыститься и стать крацымъ! (*Входе Крамарюкъ*). Завтра порву зъ Людмылою!

Я В А Х.

Крамарюкъ и Иванъ.

Крамарюкъ (*Ковыря въ зубахъ и прычмокуе*).

Иванъ.

Выпывъ и закусывъ?

Крамарюкь.

Ке-ке-ке!

Иванъ.

Де Людмыла Павловна?

Крамарюкь. (*Жуе*).

Людечка? Пишла до дому, — головка болыть.

Иванъ.

Брешешъ!

Крамарюкь.

Колы Людечка неправду сказала, то й Степка бреше.

Иванъ.

Лукавый прислужныкъ!...

Крамарюкь.

Ей, не знаю ничего.

Иванъ.

Я стоявъ на выходи и бачывъ, якъ графъ вернувся за кулисы.

Крамарюкь.

Свята правда. Графъ заходывъ.

Иванъ.

Ну, говоры дали святу правду!

Крамарюкь.

Такъ, заходывъ, заходывъ. Постривайте. Чого жъ винъ заходывъ? (*Дывыться въ гору, нагадуе*). А, портъ-табакъ шукавъ и сказавъ,

що йде въ ресторанъ вечерю для васъ за-
казать.

Иванъ.

А Людмила де була?

Крамарюкъ.

Забувъ. Не прыгадаю. Чи тутъ... чи
вже выйшла... Де тутъ прыгадать, колы у
насъ, якъ въ калейдоскопи, все миняється.

Иванъ.

Вона поихала зъ графомъ!

Крамарюкъ.

Не може быть?!

Иванъ.

Скотына ты!

Крамарюкъ.

Де моя шапка, я тикаю. [*Кактусъ на дверяхъ*].

Кактусъ.

Степанъ Кузмичъ, у васъ не була Па-
лагея Осиповна?

Крамарюкъ.

Яка?

Кактусъ.

Ваша... Наша... Ставська! Вона Эми-
лію грае, а зубы пропалы...

Иванъ.

Що?

Кактусь.

Послiдня сцена спочывальни готова, а
Эмилиа безъ зубивъ.

Иванъ.

Яки зубы? Пры чому тутъ зубы?

Кактусь.

У Палагеи Осиповны булы свои, хочъ
и цили, та жовти зубы, а вона вси свои
повырывала и вставыла свижи, били. Въ
першій сцени выняла зубы—десну давылы—
и выйшла, а хтось взявъ зубы.

Усай. (*Вбiгае, до Кактуса*).

Зубы, зубы! Де зубы?

Кактусь.

Не знаю.

Усай.

Жалування одбираешъ чысло въ чысло,
а не знаешъ де зубы? Шукай! (*Кактусь выбiгае*).
Степа, у тебе вси зубы вставни, певно ты
мавъ практику, пьяный не разъ губивъ
зубы; якъ ты думаешъ, де можуть быть
зубы Палагеи Осиповны?

За сценою. (*Шлаксывый голосъ*).

Де мои зубы? хто пожартувавъ, вернуть
мени мои зубы!

Крамарюкъ.

Стривайте! Я якось спавъ на пароходи,
зубы выпалы и собачка Палагеи Осиповны
занесла пидъ стиль.

Усай.

Идея! (*Близьтъ и ще на дверяхъ кричать*). Шукрайте зубы у Амишкы—може собачка взяла? (*Пишовъ*).

Иванъ.

Ну, мылый, я зъ тобою ще побалакаю. Завтра перебирайся въ другу уборну...

Крамарюкъ.

Чымъ же я выненъ?

Иванъ.

Я тебе знаю—ты сприявъ.

Кактусъ (*Въ дверяхъ*).

Иванъ Макаровычъ, починою.

Иванъ.

А зубы?

Кактусъ.

Есть, есть—Амишка грызла.

Иванъ.

Грай теперь Трагедію! А-а-а! Весь настрій пропавъ! (*Пишовъ*).

Я В А XI.

Крамарюкъ потимъ Райська.

Крамарюкъ.

Пропавъ и у мене настрій! Хвыля пишовъ вечерять, а я тутъ жды; винъ повечеря самъ, а я лягай голодный спать. Отъ де настояща трагедія. (*Входе Райська*)

Райська.

Иванъ Макаровычъ на сцени, и я корыстуюсь, що бь побалакать зь вами. [*Шочынае плакать*]. Я нещаснійша женщины!

Крамарюкъ.

Що робыть, я нещаснійшыи мужчына.

Райська.

Мужчына не може быть такимъ нещаснымъ, якъ я.

Крамарюкъ.

Якый я мужчына? Я теперь гирше женщины; я [*зитае*] безъ пола!

Райська.

Не жартуйте, Степанъ Кузьмычъ, у мене сердце болыть... Вы близькый чоловікъ до Ивана Макаровыча, роскажитъ ему мое горе, бо я не смію и попросыть, щобъ заступывся.

Крамарюкъ.

Що жь тамъ сталося? Вы справди стривожени.

Райська (*Здержно злына*).

Уявить собі: мій Алеша завивъ амурны зь вдовою, купчыхою Козодоевою...

Крамарюкъ.

Ахъ, шельма! Що жь вона—багата?

Райська.

Багата, падлюка, що бь ии чортъ узявъ зь ии багатствомъ!

Крамарюкъ.

Щасливый Алеша — вичный кусокъ хлиба!

Райська.

А я, а я? [*Вытира слезы. Спокійно*]. Кто та-
кий Алешка? Безграмотный босякъ, а я
дочка полковныка и черезъ его подлу кра-
соту покинула свою симью... [*Плаче*] Ахъ,
скилькы горя, мукъ я пережыла, покы по-
мырылась зъ батькомъ! Подумайте: босякъ,
разночинець, и дочка полковныка!... Нарешти
батько помигъ... Я выучыла Алешу грамоты,
одягла, вывела на дорогу. Теперь винъ ар-
тысть и кыдае мене. [*Рыдае. На дверяхъ Кактусъ*].

Кактусъ.

Тыхо! Бога рады, тыхо! Тамъ трагедія,
а вы тутъ кумедію ламаете. [*Зныка*].

Крамарюкъ.

Тыхо, тыхо, Павлина Павловна!—
Тамъ трагедія—Отело убыва Дездемону.
Заспокойтесь.

Райська. [*Хлыпаючи*].

Я вже спокійна, я вже спокійна.
[*Вытира очи*]. Попросить Ивана Макаровыча,
щобъ винъ сказавъ пару сливъ Алеши,
Алеша его шануе, винъ его послуха! Подла
тварь, жырна Матрешка, не могла соби
знайти пожарного—давай їй актера!

Крамарюкъ.

А, прынадно! Що не кажить, а прынадно! Алеша, знаете, грае то королівъ, то вельможъ, а пожарный... Що таке пожарный? Все жыття таскаеця зъ кышкою. Поривнання не може быть... Ну, заспокойтесь! Я скажу Ивану Макаровичу. Тилькы треба, знаете, выбратъ пидходящый настрій.

Райська. (*Встае, бере за руку Крамарюка*).

Вы артысть, вы благородный чоловікъ, у васъ чула душа и сердце, вы розуміете чужи страждання, якъ свои!...

Крамарюкъ.

О, розумію, розумію.

Райська.

Надіюся на ваше добре, благородне сердце! (*Выходе*).

Я В А XII.

Крамарюкъ, а потимъ Кругляковъ.

Крамарюкъ.

Ахъ, шельма Алешка! выудивъ такого карася: до смерти забезпеченый чоловікъ!.. Трапляеця людямъ щастя. (*Въ дверяхъ голова Круглякова*). А вамъ чого? Сюда заборонено ходыть.

Кругляковъ.

Кому?

Крамарюкъ.

Всимъ незнакомымъ, а васъ я першый разъ бачу.

Кругляковъ.

Такъ познакомымся: Зализнодорожный чыновныкъ—Кругляковъ.

Крамарюкъ.

Дуже радъ! Тилько я сегодня вечерять зъ вамы не пиду, мене вже заклыкано, а завтра зъ велькою охотою.

Кругляковъ.

Вечерять? Я самъ голодный лягаю спать,—подла жинка все промоуге на театр!.. скажите мени, будьте ласкави: тутъ не бувае що—вечора зъ квиткамы женщына: маленька, чорненька, кругленька, гарненька?

Крамарюкъ.

Тутъ, мылый, всяки бувають: и маленьки, и вельки, и чорненьки, и биденьки, и гарненьки, и поганеньки, и кругленьки, и плесковати. Кого-жь вы шукаете?

Кругляковъ.

Жинку! Розуміете, збожевила!

Крамарюкъ.

Такъ шукайте въ доми божевильныхъ.

Кругляковъ.

Я жъ и шукаю іи тутъ! Подумайте. Я мучусь на ночныхъ занятіяхъ, заробляю горбомъ, щобъ симью прогодувать, а вона, подла, кыда дитей, и що-вечора въ театри!.. Я самъ люблю театръ до смерты: мы зъ жинкою булы перши артысты въ залізнодорожнимъ театри. Тамъ познакомылысь, полюбылысь и женылысь... Але, гратъ—одно, а платыть гроши за театръ—зовсимъ друге! Ну, нехай бы пишла разъ въ тыждень, а то—що-дня! Прыхожу до дому змученый працею, голодный, диты тежъ голодни пыщать, якъ перепелята, а іи нема! Де мама? Въ театри! Браслетъ заклала, литню кофту и чорну спидныцю однесла въ ломбардъ, и все квиткы купуе Барыльченкови. Сегодни не выдержавъ, прыйшовъ сюды, хочу гнать до дому въ потылицю, и не знаю, якъ знайты: думавъ въ уборній у Барыльченка—нема. Порайте, де іи шукать.

Крамарюкъ.

Эврика! Одна пани часто сюды носыть квиткы, страшенно крычыть на вызовахъ и кыдае на сцену свою шляпку.

Кругляковъ.

Вона! Вже дви шляпы побыла, и уранци хрыпыть якъ зъ перепею.

Крамарюкъ.

Бижить заразъ до музыкантського баръ-

ера, тамъ масса учнивъ и пань, тамъ, певно,
и ваша жинка, буде крычать.

Кругляковъ.

Спасыби! За раду колысь вечерею по-
частую! Я ии за уха выведу зъ театра.

(Побигъ. Тедви нуть вызовы и аплодисменты).

Я В А XIII.

Крамарюкъ, Иванъ, потимъ Усай и актеръ.

Голось Ивана.

Доволи вже! Я бильше не пиду! Це
подла интрига!

Крамарюкъ.

Певно завису не въ часъ спустылы. *(Входе
Иванъ. Кыда парыкъ).* Охъ! *[Сидя].*

Усай. *(Вбшае).*

Рады Бога! Приемъ—велыка ричь!

Иванъ.

Не пиду! *[Входе портный].*

Усай.

Иванъ Макаровичъ, голубчыкъ, вый-
дись! Гамъ, крыкъ, вызовы роблять эффектъ—
и завтра сборъ.

Иванъ.

Мучышся, вытягаешъ нервы, а тутъ
тоби навмысне портять сцену, убывають
всю працю.

Усай.

Я іі оштрафую.

Іванъ.

Ни, вы побойтесь пьяного іі чоловіка
и не оштрафуете!

Усай.

На цей разъ, побый мене Богъ, оштра-
фую! И Деныса оштрафую за пьянство...

Кактусъ. *(На дверяхъ).*

Іванъ Макаровычъ, клычуть! *(Зныка)*

Усай.

Чымъ же публика вынна! Слушайте,
якъ крычать!.. Пожалійте дамськи голоса!
Може яка зъ ныхъ спивае въ концертахъ,
або въ театри трезвосты—зовсимъ порве
голосъ. *(Іванъ нервно встает и выходе).*

Усай.

Ху, слава Богу!

Крамарюкъ.

Що тамъ сталось?

Усай.

Этъ, видчепысь! Газеты не пропустятъ
скандала, послі й прочытаешъ *(Выходе).*

Крамарюкъ. *(До портного).*

Завису далы пизно, чи рано; чи хто
зирвавъ сцену?

Портный.

Въ публыци бувъ смихъ, Иванъ Мака-
ровычъ даявъ Софію Ивановну. Денысъ
Павловычъ пьяный заступався за жинку;
а въ чимъ дило, не розибравъ.

Крамарюкъ.

Теперь кому скрутыться, а Степи зме-
леться. [*Входе Иванъ*].

Иванъ.

Діаволы! Жинка сцену портыть, а пья-
ный чоловікъ лизе на бійку. Бездары про-
кляти! (*Сидя*).

Кактусъ. (*У дверяхъ*.)

Ще клычуть!

Иванъ.

Иды къ чорту! Хиба не бачывъ: тамъ
почався домашній спектакль; якыйсь чоло-
викъ тягне видъ барьера за уха ту даму, що
квиткы носыть що—дня. Женщина кры-
чыть не своимъ голосомъ, одбивається; вси
теперь занялысь цымъ фарсомъ и аплоди-
руютъ вже не мени, а домашнимъ актерамъ,
яки розважають публычність писля траге-
діи... Не пиду! Чого стоишь?

Кактусъ.

Я дамъ залисну завису! (*Зныкае*).

Иванъ. (*Скыда верхню одежу, сида
и разтирируется*).

Ну, спектакль!

Крамарюкъ.

Велыкій артысть напружуе мозокъ,
нервы, а бездары...

Иванъ. (*Склоняется*).

Ни, ты тилькы уявы соби: пился удушенья Дездемоны трагычный настрій опанувавъ душама слухачивъ, въ театри тыхо, мовъ нема никого... Постукала въ двери Эмилиа...Отело чытае монологъ...Дали, дали... на рещти... «О, тяжкая страшная годыно! Теперь здається, мусило-бъ настаты затминня сонця и мисяця и зъ страху распастыся вселенній...» и въ цей ментъ раптомъ Дездемона захарчала, якъ недоризане порося!

Крамарюкъ (*Хана себе за волосся*).

Ахъ, ахъ, морозъ по кожи!

Иванъ

Иллюзія счезла, смихъ—и все пропало!
(*Сидя, разрижмировується*). Не ждавъ, щобъ Софія Ивановна, доволи порядочна актрыса, выкынула таке болино; интрига бездары іи чоловика, якый готовъ бы мене въ ложци воды утопыть!

За сценою.

Я не дозволю ображать мою жинку, вона першорядна актрыса. (*Входе актеръ; его держать Усай и тяне назадъ*).

Усай.

Иды, голубчыку, до дому.

Крамарюкъ. (*Пидбига*).

Денысь, Доня, залышы!

Актеръ.

Пидгравайте ему, роботы, якъ винъ хоче, а творыть—не смій...! Винъ—велькый артысть!... Я самъ не меньшый артысть и пораявъ Сони захрыпить. Удушена женщины харчыть—це натурально!

Иванъ. (*Ханае стуло*).

Вонъ, пьяна морда!

Крамарюкъ. [*Тяне за одну руку актера, Усай за другу, до дверей*].

Доня, Доня! постраждаешъ, будешъ каятысь!

Актеръ.

Пустить!

Усай.

Ходимъ, я дамъ аванса! чуешъ: аванса дамъ!

Актеръ.

Авансъ? Спасыби! Ходимъ... Соня—першорядна актрыса, вона хотила лекше захарчать, ну... Зирвався голосъ... ну... выйшовъ киксъ!... И бильше ничего! [*Дражнить*]. «Харчала, якъ недоризате порося»!.. (*Выводять*). Я тоби покажу «порося»!

Иванъ.

О, прокляття на васъ: пьяницы, бездары! Прысмокчеться до театра, якъ пъявка, держать его рады жинкы, и винъ ничего не робе, завыдуе и интригуе! Ахъ, вымучывся! Доволи!... Тикаю въ строкови! (*Входе Усай*).

Усай.

Заспокойтесь, Иванъ Макаровичъ! Пьяный Донька-божевильный; винъ завтра попросить у васъ прощенія.

Иванъ.

Выгнать ихъ зъ театра митлою обохъ! Я не буду служить пры такихъ умовахъ...

Усай.

Ахъ, Боже мій! Ахъ, Боже мій! И на що ты мене зробивъ антрепренеромъ и виддавъ въ руки пъяныцямъ, осламъ, скотамъ, свынямъ! (*Иде до дверей*). Повишусь, ей повишусь! (*Вбига Крамарюкъ*).

Крамарюкъ. (*До Ивана*).

Графыня жде васъ!

Иванъ. (*До него*).

А Людмыла зъ графомъ... У...—У...—У...! (*Мовчить, одрыечато*). Я утомився... Не здужаю... скажы—не пиду.

Усай. (*Пидбига*).

Иванъ Макаровичъ, не ображайте графыню. Вона що-дня бере саму дорогу ложу!

Крамарюкъ.

Просять обоє. И графъ тутъ.

Иванъ.

Покатавсь? Ха, ха, ха!... Скажы: буду, тилькы розгримируюсь!

Усай.

И чудесно, и чудесно! вѣчеря и хороше товарыство васъ заспокоять! Добра-ничъ! (Выйшовъ).

Крамарюкъ. (*Тяжко зитхає*).

Охъ, не знаю, чи повечеряю жъ то я сегодня.

ЗАВИСА.

Д і я ІІІ.

Роскишно убраный номеръ въ отелю, кровати нема.

ЯВА І.

Иванъ, Крамарюкъ и Ванина.

(Ванина въ ранишнимъ пеньюари, пьютъ чай. На столи масло, молоко, сыръ, ветчына. Иванъ ходе по хати, куре, кыда одну цыгарку, заразъ запалює другу.

Ванина.

Степочка! Йижъ ветчыну, чудова!

Крамарюкь. (Що раньше намазавъ хлѣбъ масломъ, кладе на него витчину и истъ зъ велькымъ смакомъ).

Я имъ, я имъ. [Запыгается]. Я безъ церемоніи! (Мовчатъ. Крамарюкь истъ и запыва. Иванъ хODE: Ванина слѣдуе за его руками. Иванъ пидходе до дверей и надавлюе пуговыцю, чутъ электричный дзвонакъ).

Ванина.

Ваня, чай прохолоне. (Мовчатъ; по паузи входить померный).

Номерный.

Дзвоннылы?

Иванъ.

Писля обѣда одну кровать изъ того номера перенесить сюды и поставте тутъ; чуете?

Номерный.

Чую.

Иванъ.

Бильшь ничего. (Номерный выйшовъ).

Ванина.

Ха, ха, ха! Божевильный, ей Богу, божевильный. (До Крамарюка). Розуміете? Я каталась зъ графомъ: знаменыти кони, эффектни саны... графъ просыть... якъ же не покататься?

Иванъ.

У двоухъ, въ часъ спектакля... у ночи...

Ванина.

Чуешъ, Степа, винъ сердыться!...

Крамарюкъ. (*Розжувавшы и ковтнувши*).

Ай, ай, ай! Иванъ Макаровычъ! Вы гниваете на Людечку, на ангела?

Иванъ.

Слухай ты, стара лысыця!

Крамарюкъ.

Я лысыця?! Де моя шапка! Ай, ай, ай! Я лысыця! Я, що въ огонь и въ воду за васъ, за Людмылу Павловну!... Не ждавъ. Де моя шапка? (*Шука*). Богъ зъ вами, Иванъ Макаровычъ, Богъ зъ вами!

Ванина.

Степа! Що ты за чудакъ. Иванъ на мене сердыться, а на тоби злисть зрывае; сидай!

Крамарюкъ.

Для васъ я сяду, (*Сиди*). Для васъ. (*Попаузи*). Я червякъ и прыйму всяку обыду рады васъ, мій ангель.

Иванъ.

Старый ты дурень!

Крамарюкъ. (*Встае*).

Иванъ Макаровычъ! Вы жартуючы, чи справди личыте мене дурнемъ?

Иванъ.

Безъ жартивъ.

Крамарюкъ. (*Бере шапку*).

Въ такимъ рази прощайте,—я не могу вытерпеть такой образы!

Иванъ.

Вытерпышь! Ты привыкъ, така твоя судьба.

Крамарюкъ. [*Зитхасе*].

Видь судьбы не втичешъ. (*Сиди*).

Иванъ.

Де ты бачывъ, скажы мени, ангеливъ въ роскишныхъ пеньюарахъ, навмысне пошытыхъ такъ, щобъ вабыть мущынъ? Видь кого ты чувъ, щобъ ангель гравъ роли кокетоеъ?

Крамарюкъ.

Ха, ха, ха! Логыка, яка неборыма логыка!—а? Отъ и разъ-у-разъ такъ! Иванъ Макаровычъ однимъ словомъ мене побье! Простить, Людмыла Павловна. (*Цилуе йй руку*). Я, справди, за 40 литъ службы ангеливъ на сцени не бачывъ и не чувъ, щобъ ангель де-небудъ гравъ роли кокетокъ.

Ванина. (*Весело*).

Ахъ, Степа, Степа! Та щезъ позавчора, пры тобы, Ваня самъ звавъ мене ангеломъ.

Крамарюкъ.

Такъ!! Звавъ, ей Богу, звавъ—я самъ чувъ! Иванъ Макаровычъ, вы жъ позавчо-

ра Людмылу Павловну самы ангеломъ велычалы, а теперь збываете мене зъ пантылыку!... Ай, ай, ай!

Иванъ.

Выходьтъ и я такой же дурень, якъ и ты.

Крамарюкъ.

А! ну, то я теперь не ображаюсь: ривнисть —ричь велыка!

Иванъ.

Эхъ, ты витрякъ, старый чортяка!...

Крамарюкъ. *(Смѣется).*

Иванъ Макаровичъ, у мене рогивъ нема: я десять литъ, якъ другій разъ овдовивъ.

Иванъ.

Такъ булы.

Крамарюкъ.

Такъ, булы! Ей, булы! *(Ванина смѣется)*
Я два разы бувъ жонатый и обыдва разы замисць лавривъ, ходывъ увинчанный рогамы... Я люблю правду и коженъ разъ жалю, що правду не страшно говорыть тилькы про себе.

Иванъ.

Слухай, не крутысь же, якъ чортъ передь утренею, а скажы правду: ты устроивъ катання Людмылы зъ графомъ?

Крамарюкъ. *[Дивыться то на Ванину, то на Ивана].*

Иванъ.

Ну?

Крамарюкъ. [Зитхае].

Гришный чоловікъ—я! Людмылочка якось говорила, що у графа блискучый выиздъ, кращого въ городи нема, и що прятно бь було покататысь... А я люблю робить прятнисть, ну и устроивъ... Не крыюсь, я правду люблю.

Ванина.

Я говорила?! Степа! Ты говоривъ...

Крамарюкъ.

Я?... А,—такъ, такъ! Я говоривъ, що у графа прятни кони... т. е. не прятни, а хороши кони, а Людмыла Павловна...

Ванина.

Степа! Я ничего не говорила, а через день писля розмовы зь тобою графъ поклыкавъ мене прокататысь...

Крамарюкъ.

Свята правда! Теперъ прыгадавъ: Иванъ Макаровичъ пишовъ зь графынею вечерять, а вы зь графомъ кататься.

Иванъ.

Не правда! я пишовъ до дому.

Крамарюкъ.

Такъ, такъ!... То було другимъ разомъ, а теперъ-я пишовъ до дому...

Иванъ.

Не ты, а я пишовъ до дому.

Крамарюкъ.

Ахъ, Боже мій! Вы мене збылы.

Иванъ.

Протывно слухать!

Ванина.

Мовчы, Степа!

Крамарюкъ.

Мовчу! *(По паузи)*.

Иванъ.

Дошывай чай и пиды скажы Кактусу, що я на репетыцію не прыйду. *(Мовчыть)*. А може и грать сегодня не буду.

Ванина.

Ваня!

Крамарюкъ.

Якъ то можна—«грать не буду»? Я цего не скажу.

Иванъ.

Скажешъ, не вдержышь языка за зубами!

Крамарюкъ.

Геній, ей геній! Якъ винъ знае чоловічу душу! Правда ваша, не выдержу—скажу! Я ничего не можу утаить, я люблю правду.

Иванъ.

И брехню.

Крамарюкъ.

И брехню... Иванъ Макаровычъ, не збывайте мене: чуть-чуть не сказавъ, що й брехню люблю. (*Сміється нехотя*). Ка, ка, ка! Я вментъ! (*Бере шапку*) Иванъ Макаровычъ, Кактусъ живе далеко, ножкы у мене стареньки... А?

Иванъ.

Грошей?

Крамарюкъ.

Яка догадливість! Бисмаркъ! По одному натяканню все зрозумивъ... Що я сказавъ? Людмыла Павловна, що я сказавъ? Одно слово, и не слово а літеру «а»? И Иванъ Макаровичъ—догадався. Великий артистъ!

Иванъ.

А де жъ авансъ?

Крамарюкъ.

Вчора Лушъ не давъ, а той, що взявъ раньше, програвъ Ставському въ стукалку.

Иванъ.

Скотына!

Крамарюкъ.

Правда! Я люблю правду.

Иванъ. [*Дає гроши*]

На! Що бъ ты мени тыждень не прыстававъ за грышмы!

Крамарюкъ. (*Взявши*)

Боже мій, мисяць не скажу ни слова!
[*Трясе на руци червонецъ*]. А щедрість, щедрість,
щедрість яка! Кинь... що Кинь? Кинь цу-
ценя въ поривнанни зъ нашимъ Иваномъ
Макаровичемъ.

Иванъ.

Ну, йды вже! Ты такъ тутъ начадывъ
улеслывостью, що у мене почина голова
болить.

Крамарюкъ.

Нервы, нервы!... У гоніивъ благородни
нервы!... Я вментъ! (*Идбиае до Ванюи, и,
повернувшись, до Ивана*). Иванъ Макаровичъ, мож-
на сказать Людмыли Павловни «ангелъ»?

Иванъ.

Говоры и йды къ чорту!

Крамарюкъ.

Отъ вы знову збываєте мене: посыла-
ете до Кактуса, а говорыте: «йды къ чор-
ту»! Я не знаю, де чортъ живе.

Иванъ.

Онъ, у тій кимнати.

Ванина.

Ха, ха, ха! Разомъ зъ тобою?

Иванъ.

На горе!

Крамарюкъ.

Ай, ай, ай! До зобачення, мій ангель
хранитель! (*Цилуе руку Ваніной*). Не можу на-
дивытысь на вась: вы... перль...

Иванъ. (*Крыкомъ*).

Годи! Иды вже!

Крамарюкъ.

Летю! (*Выбітае*).

Я В А П.

Иванъ и Ваніна. (*Мовчать*).

Ваніна.

- Ваніша! (*Мовчать*.) Отъ дурень! (*Шидде
до нього*.) Заспокойся, мій сокиль ясный, я
більше не буду!

Иванъ.

Тилькы цей разъ, а то вже не буду...
Ха, ха, ха! И такъ симъ разъ на тыждень.
Я кыдаю трушпу!

Ваніна.

Що? середъ сезона?...

Иванъ.

Платю неустойку и тикаю. Я не можу
туть більше зоставатысь; я почуваю себе
погано... Моральный станъ мій разбытый!

Ваніна.

И це все черезъ те, що я зъ графомъ
каталась?

Иванъ.

Це тилько послідня капля; вона по-
лылася черезъ край и розбудыла мою со-
висть. Я давно стражду невымовно! Справди,
яке я право маю ждаты видѣ тебе вирно-
сты, колы я самъ зрадныйкъ передъ своею
жинкою? Безуміе страсти видняло видѣ
мене розумъ, и я не мигъ себе спыныты!
Розумъ шептавъ одно, а кровь перемогала
все, и я купався въ порокахъ: ставъ лице-
миромъ, обманювавъ себе, всихъ обманювавъ
и осквернявъ чыстую, якъ херувымъ, Ма-
русечку мою и моихъ дитей, прыгортаючы
ихъ до свого порочного лона, цилуючы
устами, на якихъ зосталыся слиды твоихъ
цплункивъ... А!... Для кого я такъ мучу
свою душу?... Тамъ мырѣ, любовѣ и чысто-
та, а тутъ порочна страсть! Годи! Чадъ
пройшовъ, я рву усе...

Ванина.

Дурень, ій Богу, дурень! Нервы розхо-
дылысь, и винъ плете таку нисенитницю,
що соромъ слухать. Мырѣ, любовѣ, чысто-
та!... Неначе справди вирити, що его Мару-
ся свята! А Хвыля? Невже ты думаешь,
що цей нахаль не корыстується ласкамы
твоеи Марусечкы?

Иванъ.

Мовчы, тварь! Я задавлю тебе за одно
ще слово зневагы до женщины, якихъ не-
мае середь васъ, якихъ вже мало е на

свити, якымы й свить тилькы держытсья, а безъ ныхъ ему пора давно вже, якъ Содому, завалытсья.

Ванина.

Ха, ха, ха! Ей Богу, мени здаецься, що ты граешъ роль зъ якоисъ, ще не видомой мени, кисло-солодкой мелодрамы. *(Мовчати)*.

Иванъ. *(Ходит по хаті. По паузі)*.

Тикать треба въ свій тихый прують, де жде мене щыра голубка, моя благородна Марусечка. *(Стає и нибы маріє)*. Я збывся зъ шляху, я потерявъ смакъ до чыстого жыття... А тамъ я знайду ривновагу, спочывокъ и тыху радисть; тамъ я выличу свою душу, розшатану, розбыту хвылямы жытейського моря!

Ванина.

Тамъ ты закыснешъ, заплиснявиешь, заснешъ, а щоденщына буднёва погасыть святыи огонь творчесты! Велькый артысть не сміе мырно спать въ семейному покои... Ты выбранецъ, поклыканныи жыттямъ запалювать серця сонной публычносты, а для цего артыстови потрібни сыльни, свижи вражиння, яки заставляють его почувать радисть бытія и дають ему могутну энергію!.. Ну, подывыся жъ въ мои очи, що свитятсья коханнямъ тилькы до тебе одного!.. Ванюша! Мы любимось обое, тутъ и гриха нема, за насъ заступытсья натура.

Иванъ. [*Робе руку до ней*].

Людя!*(Одступа)*. Ни! Не пидходь. (*Закрываетъ лице руками*). Не дывись на мене, я знаю ядъ твоихъ очей—доволи вже отруты! (*Ванина бере его за руку и мовъ хоче прыблизыть до себе*). Пусты!.. Колы кохаешъ, то, рады любви, поспрйай выличыть мою хвору душу!.. (*Ванина выпускае его руку. Иванъ сѣда, тяжко зѣтхае, схлывши голову на руки, обперти объ колѣна. Ванина тыхо пидходе до столу, сѣда, кладе лѣкти на стѣлъ и обпырае на руки голову. Пауза*).

Ванина. (*По паузи пиднима голову. Встае и тыхо пидходе до Ивана. Величю*).

Я чую сердемъ, що ты хочешъ наново родыться! Натура твоя и твои благородни нервы почуваютъ бильше правду жыття, нижъ я, нижъ вси мы! Жиночимъ сердемъ, повнымъ кохання до тебе, я заразъ це зрозумѣла и у сто кратъ бильше тебе полюбыла чыстымъ, высокымъ, благороднымъ коханнямъ—друга! Склоняюся передъ твоимъ бажаннямъ, воно теперъ для мене святыня!.. [*Сѣдае бѣля него и запускае ему руку въ волосы*]. Заспокойся, я тилько другомъ тобі буду. Якъ нижна маты, я стану нянькою тобі, слугою, усымъ, усымъ... ты оживешъ душею. (*Иванъ пиднимае голову и дывыться на Ванину*). Совисть твоя знайде спокій!.. Я закую сердце свое въ ледяну кору и не дозволю ему бытысь до тебе коханнямъ, яке ты заразъ личышь нызькымъ! Ну, руку, другъ!

Иванъ. *(Бере зи за руку и цилуе пальци. Держыть ии руку въ свой руци).*

Якъ ты посвитлила видъ такихъ чы-
стыхъ думокъ! У тебе въ очахъ слезы...
О, мои божественни зори. *(Прытма ии до себе и цилуе въ очи).* Якъ братъ утомленный нудь-
гою тяжкого жытгя, я радъ спочыть у
твого лона... *(Схыляється до неи на плече, обнявши талю. Ванина цилуе его въ руку и гладыть по голови. Пауза).* Якъ прытно почувать, що билия
тебе и зъ тобою розцвитае нове, высоке,
святе бажання—стать кращымъ чоловикомъ!
Людя! Я тебе образывъ—не гнивайся на
мене!

Ванина.

О, мое безцидне, трошки капрызне
дытя! Ты бувъ знервованный, а черезъ те
може и сказавъ що гостре; але я все за-
була. *(Стае проты него и кладе ему обыдв руку на плечи).* Ты не спавъ, ты утомывся, бо му-
чывсь и зитхавъ на цій канапци цилу
ничъ, и не хотивъ прыйти до своей Людечкы.
(Бере его за уха). Ревныва шельма! Ходимъ спо-
чынемъ!

Иванъ.

Людечка, а ты не зрадыла мени зъ
графомъ?

Ванина.

Тоби?! Та нехай мене Богъ накаже!
Ты одынъ властитель моеи крови и души.
(Дывляється одынъ на другого, а потимъ однимъ рукомъ)

обнимаются и целуются. Сильный стукъ въ двери).
Ахъ! Двери не замкнени... [Тикае въ другу кимнату].

Иванъ.

Досадно! (Стукъ). Одчиняйте!

Я В А III.

Иванъ и Хвыля.

Хвыля. (На дверяхъ).

Чую запахъ женщины! У мене, братъ, нюхъ на цѣго звиря надзвычайный...

Иванъ.

Ха, ха, ха! Я, братъ, по своему амплуа пропытався запахомъ парфюмеріи... Де яки зъ жиннокъ выльвають на себе передь спектаклемъ цили шклянкы! Ну, здоровъ дружыще! [Цилуются]. Сидай! Куды ты дився вчора, я не мигъ зъ тобою и побалакать.

Хвыля.

За кулисамы, — якъ на ярмарку народу, такъ я вже и не заходывъ, щобъ не заваять. Я тутъ бувъ ранишь два разы: та одно — що не знавъ де ты, а друге — дилъ багато мавъ...

Иванъ.

Спасыби, що зайшовъ, въ театри справди николы и балакать: то занятый, то чужи люде... Що жъ тамъ моя Марусечка поробляе? Здорова? Я недавно ій пысавъ, а одновиди не маю.

Хвыля.

Здорова, цвите, шые, зь дитьмы во-
зыться, а передь твоимь портретомь мо-
лыться.

Ивань.

Свята женщина! Правда, Платонь,
такихъ нема на свити?

Хвыля.

Мало.

Ивань.

Нема, нема!

Хвыля.

Правду сказать, я такихъ затворныць
не знаю. Що выдумала: поставыла на две-
рихъ божевильного свого Махметку, а той
и мене навить не пускае. Я бувъ всего
разивъ тры-чотыри, бо прыймае тилько въ
празныкъ, колы у нец цилый день гостюе
и прыятелька, довговъяза Мись-Крокетъ.

Ивань.

Ха, ха, ха! Де жь ты ставь?

Хвыля.

У прыятеля. Дила багато. Забигъ
ангажувать тебе на обидь, щобъ хто ра-
нишь не взявъ; ты жь, певно, на роз-
хватъ? Такъ въ тры—Грандъ-отель,—згода?

Ивань.

Добре.

Хвыля.

А ликаръ мій, Людмыла, де? Хотивъ бы бачытысь и іі заклыкать пообидать въ купи. Прыятна баба! Смилыва, весела, красыва—бой жинка! Жанръ, знаешъ, сучайный-нервно-кыпучый, Модернъ, що теперь въ моди.

Ванина. *(За дверыма).*

Спасыби за комплиментъ! Тилько я васъ боюся!

Хвыля.

Розумію, розумію, такъ якъ и той разъ?

Ванина.

Ха, ха, ха!

Хвыля.

Покажить ваше чаривне лычко!

Ванина. *(Одчыня двери, показуе голову).*

Доволи зъ васъ! *(Зачиняе смячысь).*

Иванъ.

Якъ же, це такъ Людмыла Павловна, я и не знавъ, що вы можете двери въ мою кимнату замыкать и одмыкать своимъ ключемъ. *(Чуть смыхъ Ваниной).* Отъ нахалка!

Хвыля.

Людмыла Павловна! Будемо сегодня обидать въ Грандъ-отелю?

Ванина.

А хто тамъ буде?

Хвыля.

Я, вашъ кумыръ, и вы.

Ванина.

Дуже рада.

Иванъ. (*Тыхо*).

Я не пиду, колы вона буде... Я терпить не можу жиначою кумпанію, особлыво Ваниною; я іи не переносю.

Хвыля.

Иванъ! Не лицемирь передъ другомъ. Я ще въ ти разы мого прыизду чувъ... Не будь страусомъ! Всеи, братъ, знаютъ, а ты граешъ роль прекраснаго Ёсыпа. Залышы!

Иванъ.

Що ты, Богъ зъ тобою! Подли плётки и переказы—тай бильшь ничего!.. Слухай, ты Маруси, гляды, не ляпны; я тебе знаю, у тебе языкъ слызжкый, а женщины, знаешъ... Та ще таки пуританкы, якъ моя Маруся... беда! Будь другъ, не говоры ни зъ кымъ того, чога й самъ не знаешъ певно. Брехни точыть тоби не прыстало.

Хвыля.

И якъ тоби не соромъ! Я николы не думавъ, що ты разомъ: и китъ и заецъ!

Ха, ха, ха! Колы боишся—не шкодь, а колы шкодышъ—це бійся!

Иванъ.

Я ничего не боюся, бо николы не шкодю.

Хвыля.

Ну, и край! Не вартъ про це балакать... Такъ я заверну. Прощай до трехъ!

Я В А І V.

Ти-жъ и Крамарюкъ.

Иванъ.

Старый. гришныкъ—Степа! Театральна шкапа—субъектъ цикавый въ часы розвагы.

Хвыля.

Я вчора познакомывся!

Крамарюкъ. (*Важно*).

Старый заслуженый артыстъ Крамарюкъ, а зовсимъ не шкапа! Иванъ Макаровичъ у насъ великый артыстъ, геній, а ображать старого артыста не слидъ.

Иванъ.

Ну, признайся, Степа, що ты шкапа, то пидешъ сегодня зо мною обидать въ Грандъ-отель.

Крамарюкъ.

Обидать, чи не обидать—байдуже... а колы поривнять мене и васъ, то звычайно—я шкапа!

Иванъ.

И выпить майстеръ. Тоби дасть десять
очкивъ упередъ.

Крамарюкъ.

Даремна ричь! Я, Иванъ Макаровычъ,
не пью...

Иванъ.

Зарикъ давъ?

Крамарюкъ.

Ни. *(Зитхасе)* Нема за що.

Хвыля.

А?.. *(Сміється)*.

Ванина. *(Зъ другой комнаты)*.

Слушайте, оригинальный мущина! Клы-
чте обидать и Стецу.

Крамарюкъ. *(Хаплюво. Бере Хвылю).
за руку)*.

Спасыби, спасыби! Буду, хлиба солы
не цураюсь.

Хвыля.

Будьте жъ готови! До побачення! *(Вый-
шовъ)*.

Я В А У.

Иванъ, Крамарюкъ и Ванина.

Крамарюкъ.

Ну, й перешлоху жъ я тамъ наробывъ.

Иванъ.

Де, якого перешолоху?

Крамарюкъ.

Кактусъ побигъ сповистыть Лупа, що вы не будете сегодня грать.

Иванъ.

Дурень.

Крамарюкъ.

Кактусъ? (*Входе Ванина*).

Иванъ.

И Кактусъ и ты! И ты те жъ розумна! Якого чорта, якъ бувъ Хвыля, ты обизвалась зъ-за дверей, потимъ видчыныла двери?

Ванина.

Ну отъ, ну отъ! Що за пытанья? Я—твоя сестра, другъ, маты... повожусь просто, натурально и никого не боюсь.

Иванъ.

Степа! А ты якъ думаешъ, хто вона?

Крамарюкъ.

Артистка Людмыла Павловна Ванпина!

Иванъ.

А для мене?

Крамарюкъ. [*Поглядае то на Ивана, то на Ванину*].

Людечка.

Иванъ.

Кажы яснiще!

Крамарюкъ.

Боюсь, що не попаду такъ сказать. якъ вы хотите. (*Ласкаво, тоненькымъ голосомъ*). Люд-мыла Павловна, хто вы?

Ванина. (*Заливается смехомъ*).

Иванъ.

Тоби якъ здається, тоби?

Крамарюкъ.

Якъ здається?.. Вы пытаете, якъ здається мени? А, зрозумивъ... Мени здається... такъ, якъ вамъ!

Иванъ.

Степа! Скажы жъ правду, свою правду! Ты жъ любишь правду?

Крамарюкъ.

Ка, ка, ка! Люблю, тилькы боюся говорить.

Ванина.

Говоры, Степа! чого боишься? тутъ ничего поганого нема.

Крамарюкъ. (*Цилуе йй руку. Иванови нижно*).

Фавориточка!

Иванъ.

Ну, отъ! Такъ здається Степи, Хвыли и всимъ.

Ванина.

А мени прыятно быть твоею...

Иванъ.

Не афишируйся!

Ванина.

Сестрою!..

Иванъ.

Чуешъ, Степа?

Крамарюкъ.

Я завжды всимъ говорю, що Людочка, якъ сестра ваша.

Иванъ.

Иды жъ одягайся, щобъ не задержать.

Ванина.

Я заразъ. Не сердься жъ, братику, на мене! *(Выйшла)*.

Иванъ.

Чувъ? А подли люде не розуміють благородныхъ видносынъ межъ женщиною и мужчиною...

Крамарюкъ.

Падлюкы! Благородни видносыны вы мазують въ багно! Твари!

Иванъ.

А ты, другъ; повинень, де тилько тр пыться, обмывать багно.

Крамарюкь.

Я божусь, прысягаю, плачу, доказуючы, што Людочка вамъ, якъ сестра, што видносыны чысты, — сміюцца!.. (*Вбіае Усай*).

Я В А VI.

Ти жъ и Усай.

Усай.

О, Господы, о Господы! Ху, ху, ху! И на што ты мене покаравъ, за яки гріхы прародытельски ты мене зробывъ антрепренеромъ? Краще быть воломъ, конемъ, собакою, осломъ, ніжъ антрепренеромъ! Зборивъ нема — жалування платы, а тилько хороший зборъ — самый кращый актеръ одказуецься гратъ, — вертай гроши! Стена, на тоби 20 копіекъ. (*Дае, Крамарюкь бере*) Иды купы хорошу бычовку, мы тутъ зъ тобою повисымся!

Иванъ.

Што зъ вами, Лупъ Лупычъ?

Усай.

Та якъ же? Сказалы заразъ, што вы сегодня не будете гратъ, а зборъ повный.

Иванъ.

Я пожартувавъ, а ослы заразъ донесли.

Крамарюкь.

Ка, ка, ка! Знаменыта рыфма.

Усай. (*Дыветься на Крамарюка*).

Такъ це ослы напуталы? (*Кланяется въ ноги Иванови*). Вы спаслы жыття мое! Степа, верны 20 копіекъ.

Крамарюкъ. (*Вертае*).

Слава Богу, пообидуаю въ Грандь-Отелю, а то мусивъ бы за кумпанію повисытысь.

Усай.

Другый разъ ты самъ повисышся зъ голоду! ослы безухи! Розтривожылы мени нервы вкрай! Одынъ осель, не розуміючы жарту, говоре другому ослови, другой би-жыть до третего!

Крамарюкъ.

Двохъ осливъ я знаю, а хто жъ третій осель, Лупъ Лупычъ?

Усай.

Личы: першый осель ты!

Крамарюкъ.

Знакомъ.

Усай.

Другый осель Кактусъ!

Крамарюкъ.

Прыатель. А третій? Кактусъ же побигъ до васъ...

Усай.

Не гостры языка, юродывый! Бигъ до мене и зустривъ на дорози третего осла, пьяныцю, твого прыятеля, газетного хроникера... И отъ вже литае по городу слухъ, що спектакля не буде. Ахъ, Иванъ Макаровичъ! Який я мученыкъ! Подумайте: за театръ платы Скареду-Бабицкій 183 рубли за вечиръ; топыво, авторськи, афыши, розклейка, розноска, нарядъ, освитлення, труппа 300,—итого 483 руб. треба мать въ касси, щобъ пиднять завису безъ убытку! Печи въ театри стари, дви завалылысь, въ трехъ перегорилы колосныкы. Скаредъ-Бабицка нехоче поправлять—самъ поправывъ. 17 печей зъидае въ день 15 рубливъ. Бигаю за пичныкамы, самъ топло, лазю въ трубы. Въ театри тепло, якъ у вуси; а въ газети «Лысычый хвистъ» пышуть: «холодно, въ партери дме по ногахъ»,—бодай тоби жывить роздуло! Бижу въ редакцію, бачу, що сердяться за те, що не у ныхъ афышу печатаю, але цёго сказать соромляться, и отъ—претензія, що матери редакціонного сторожа не дали миста въ партери. Насылу уладнавъ, обещавъ що дня ложу секретарю... Ху, ху! *(Вытера лице)* Дали, нова неприятнисть, забигаю въ аптекарській складъ—у мене хроничный бронхитъ,—пью Эмсъ. Знакомый аптекаръ пытае: простудылысь въ театри? У васъ холодно; актеръ вашъ зъ червонымъ носомъ—це ты, ско-

тына!—бравъ Эмсъ и сказавъ, що въ театри простудывся. Розуміете? Степа видъ перепую хрыпыть и пье Эмсъ, а звертае на простуду въ театри и въ кумпаніи зъ газетою розповсюджуе слухъ, що въ театри холодно.

Крамарюкь.

Я? Ей, ей, не говорывъ.

Усай.

Говорывъ, говорывъ! Винъ тебе знае—червоный нисъ! Ну, у кого ще есть такой червоный нисъ, у кого?

Крамарюкь.

Багато е. Я бачывъ у попечытеля народной трезвосты.

Усай.

Неправда! Ху, ху! дай воды! Охъ, задавить мене театръ, задавить! Кожный день неприятнисть... Вчора побылысь передъ спектаклемъ Ткачъ и Драчъ, и вже въ газети надрюковано. И що тутъ цикавого для громадського жыття? Драчъ—ламповщыкъ, Ткачъ—сторожь! А пышуть: былысь артысты... Чортъ батька зна що пышуть!

Крамарюкь.

Спріяють искусству. Ка, ка, ка!

Усай.

Прошу главного закройщыка газеты «Лысычый хвистъ»: напышить розумну

рецензію—моя вечера! „Сідайте“, каже: „и пышить самы; я все надрюкую“... А чортъ его знае, якъ пышать, я не журналысть и страшно: нароблю грамотычныхъ помылокъ,—будуть сміятысь...

Крамарюкъ.

И не пышить — Боже васъ сохрани! Одынъ мій знакомый купецъ, гласный думы, напысавъ въ газету статью: ветеринара назвавъ „веретынаръ“, а замисць сигналъ—напысавъ „сингалъ“. Такъ и надрюковалы: „веретынаръ“, „сингалъ“.

Иванъ. (*Сміється*).

Хороша коректа!

Крамарюкъ.

Язычныкы городськи підхопылы и пишло: «Сингалъ Веретенаровычъ!» повирете, куды, бувало, не повернется, скрызъ чуетъ: „Сингалъ Веретенаровычъ!“ Нарешти забулы, якъ ёго справжне имя; не выдержавъ: мусивъ все продать и тикать зъ ридного города.

Усай. (*Сміється*).

Отъ ты на сцени шкапа, а брехачка зъ тебе добра.

Крамарюкъ.

Я-бъ и на сцени себе показавъ, тилькы нема у мене ни одной роли по моему ампуа, а я самого себе добре граю! Ка, ка, ка!

Усай.

И сміяться не умієшь! Пора вже тобі на покой въ одынь зъ чайныхъ театривъ.

Крамарюкъ.

Устройте, благодитель! Теперь у нашимъ городи чайныхъ и тверезыхъ театривъ 15! Сами пидходящи мисця для одставныхъ актеривъ.

Усай. *(Сміється).*

Ну тебе! ты мени надоивъ, а я Ивану Макаровычу надоивъ зъ моими скаргами; а влизьте въ мою шкуру!

Иванъ.

Ха! Мени и въ свой шкури тисно. У васъ болыть карманъ, а у мене душа. Ныни у публычноты понызывся смакъ и выросла байдужисть до старого литературного репертуару. Иде хороша, строга кумедія—кажуть «скучно»; иде драма, кажутъ: „у насъ своя щоденна драма“! Давайте голыхъ женщынъ, давайте веселого, веселого!.. Ха, ха, ха! Нихто нехоче думать и страждать; ныни вси хочуть весело жыть и закрывають очи и затуляють уха, щобъ не бачыть и не чутъ стогину наболилон людської души!.. А на цему веселому грунти ростуть эгоизмъ, цинизмъ и байдужисть до прекрасного, и выганяють и выжынуть зъ людської души справедливисть и любовь!

Крамарюкъ. (*Вытира очи*).

Геній! отъ бы на театральнымъ зъизди
таку ричь сказаты!

Усай.

Ты жъ ничого не зрозумивъ, а плачешъ.

Крамарюкъ. (*Бъе себе у груди*).

Тутъ, Лупъ Лупычъ, артысть живе:
хочъ не розуміе, то почуваетъ.

Усай.

А мени усе одно: грай що попало, абы
зборъ! Помылуйте: 483 рубли вечерового
роходу! До зобачення. (*На дверяхъ*) Скалозубъ!
Гляды не напыйся сегодни! (*Выйшовъ*).

Я В А VII.

Иванъ и Крамарюкъ.

Крамарюкъ.

Кулакъ.

Иванъ.

Дуракъ!

Крамарюкъ.

И дуракъ! Я люблю правду!

Иванъ.

Ты, братъ, дурень!

Крамарюкъ.

Я? де моя шапка? (*Иде до дверей, а коли
Иванъ говоре, помалу вертається, кладе шапку и слуша*).

Иванъ.

Такого чоловіка, якъ Усай, треба шанувать. Винъ розумомъ живе и черезъ те всимъ намъ платить жалування въ строкъ. Це справжній антрепренеръ, а ты — «кулакъ»! Думаешъ, що можна быть антрепренеромъ и пидставлять свою кышеню иллюзіямъ и изъ за идеи чыстого искусства ходыть по шпаламъ? Тыжъ, та и вси, неподаруете ему мидного пятака! Давай! Артысты повинни сами чыстоту искусства поселыть на сцени, а для цего треба збиратысь въ товарыства! Ну, а скажы мени, що можна зробыть зъ такымы товарышамы, якъ отъ ты?

Крамарюкъ.

Ничого! Ке, ке, ке! Господы, твоя воля! И де у чоловіка стилькы розуму набралось? Геній! Слухаю и чую, що я справди дурень, и навить це мене теперь не ображае. Я люблю правду! *(Входе Хвыля, а за нымъ всидь Маруся пидъ густою спущенною вуалю. Иванъ зразу ии не пизнае).*

Я В А VIII.

Тижъ, Маруся, Хвыля и Ванина.

Хвыля.

Ну, отъ и я! Людмыла Павловна готова? Прощу!

Ванина. *(Выходыть).*

Давно, тилькы тутъ була не цыкава розмова, и я ждала васъ. *[Маруся пиднима вуаль].* Марія Даныловна!

Иванъ. *(Що обернувся бувъ до Крамарюка, раптожъ обернувся и, бачучи Марусю, остовпивъ, не може говорити и мовъ передъ призракомъ закрывае руками очи, а потимъ одкрывае зробивши ступинь назадъ).*

Ты? *(Протягае руки впередъ)* Марусечко!

Маруся.

Я въ поганій роли шпіона... *(Оглядае кимнату).* По симейному: тутъ приємна, тамъ опочывальня. *(Хытається, Хвыля ии пиддержуе и садовытъ на крисло, Ванина тикае въ другу кимнату).*

Хвыля. *(Вслидъ).*

Людмыла Павловна, тутъ симейне дило, а мы ходимъ обидать *(Пидходе до дверей. Чуть, якъ Ванина двери замыкае на замокъ).* Ну, отъ! *(Стоить въ кутку зъ Крамарюкомъ, тыжо розмовляе).*

Иванъ. *(Подавшы воду Маруси).*

Марусечко! Чомъ же ты не напысала?

Маруся. *(Опанувавши надъ собою встает).*

Прыихала навмысне невзначай!.. Теперь — каюсь! О, краще ослипнуть и оглухнуть, — нижъ потерять виру въ того, кого личыла найкращымъ мижъ людмы!..

Иванъ. *(Падае до нижъ).*

Марусечко, просты!..

Маруся. *(Стривожено).*

Я васъ ни въ чимъ и не выную... Встаньте и выслушайте мене. *(Иванъ встает и*

стоитъ, похлыывая голову). Очевидно вы не власни булы надъ своею душею и сердцемъ, якъ и я теперь не власна!.. Я не хочу прымусу робить надъ вами рады довгу, якый вы потоптала ногами, не робить же прымусу и вы надо мною; не вымагайте прощенія видъ мене: я на компромисы не пиду!

Иванъ.

Марусечко, Марусечко! Не розбивай моего жыття!

Маруся.

Мое розбыто вже на вибы!.. Ахъ, безумна я, божевильна женщына!..

Иванъ.

О-о-о! *(Пада на канату)*.

Маруся.

Для чого я послухала лукавого бездушного эгоиста!.. Я не повинна була знать вашихъ нызкихъ таемныхъ дилъ и довго не хотила пиднимать завису, яка ховала видъ мене ваши пороки.

Иванъ. *(Ламаетъ руки)*.

Просты!

Маруся.

И отъ зробыла нерозумно: забрудныла себе шпiонствомъ; теперь я знаю все и наказана за це знання жорстоко: вира моя, мій спокій и щастя симби розбылысь впрахъ!

Иванъ.

Не розбылысь! Ты, ты тилькы, ты одна пануешь надъ моимъ сердцемъ и душою! А те, що було, есть подлISTRY—признаю; але це хвылевый настрий, безуміе крови, хмилъ випадковой страсти; все це пройде, якъ неприятный сонъ, розвіеться, якъ туманъ—клянусь!..

Маруся.

Ни, ни, ни! Вы знали давно мои погляды, вы знали, що я компромисивъ не признаю!

(Плаче).

Крамарюкъ.

Вы—свята женщина! *(Стае на коліна).* Простить! Геніи и живутъ и гришатъ бильше, ніжъ мы, нещасни червякы... *(Остаеться до краю въ одной позѣ, зъ плаксывою мыною).*

Маруся.

Махметка! *(Входе Махметка. До Хвыли).* Вы выгралы закладъ! *(До Махметкы).* Ну, вирный сторожъ, идемъ! Прощайте, Иванъ Макаровычъ! *(Рыдаючи).* Край всему!

Хвыля.

Куды, нещасна? Вашу руку!

Маруся.

Причь, гадына! Я бачыть васъ не могу, я гыдую взять руку ката!.. *[Прудко йде за нею Махметка;—Махметка стае на дверяхъ, показуе кулакъ и выходе].*

Хвыля.

Божевильна пуританка, пидь обороною скаженою собаки, стала зовсимъ не—прыступна!.. Пропалы вси надїи!.. (*Выходе.* *Картина:* *Иванъ, взявши себе за волося, одкынувъ голову назадъ, стоить нерухо, Крамарюкъ пиднимастся и обтрусое платкомъ колѣна штанынъ).*

З А В И С А.

Ді я ІV.

Я В А І.

Иванъ и Крамарюкъ.

На столи нильно бутылонъ порожнихъ и дви повныхъ. Иванъ розпатланий, пьякуватый нурыть, ныда одну цыгарку, закурюе другу, ходыть по хати и стае. Крамарюкъ допывае малымы ковтками стаканъ.

Иванъ.

Хто-бъ ждавъ того, що сталося? (*Ходыть*).
Зненацька, якъ гримъ зъ чыстого неба, упала на мене прыгода! Мовъ выхоръ, могутнымъ подыхомъ витру, зруйнувавъ пятнадцатылитню мою будивлю—и зныкъ!.. Я наче сплю! (*Мовчыть*). Степа, ты твердо памьятаешъ, що тутъ була Маруся?

Крамарюкъ.

Якъ васъ бачу заразъ, такъ и ін бачывъ.

Иванъ.

И я бачывъ... Була и зныкла, якъ сонъ...

Крамарюкъ.

Скрызъ обѣхавъ: ни въ одній гостыни-
ныци не було и нема.

Иванъ.

И тилькы пять фылынъ прошло,
погы я опамьятався и кынувсь навздогинъ...

Крамарюкъ.

Меньше.

Иванъ.

Десять розсылныхъ шукалы,—не най-
шлы... Ни, це сонъ, прывыдя!.. Мозокъ мій
мовъ хто долотомъ довбае... Голова трищыть!
(Пауза. Ходыть). Степа, мени здається, що я
божевильный и що ты—не ты.

Крамарюкъ.

Я, ей Богу, я!

Иванъ. [Довго дыветься].

Такъ—ты: морда дурацька, нахальна
и пьяна—ты!

Крамарюкъ.

Хороши прымиты. Ка, ка, ка.

Иванъ. (Подумавъ).

И Хвыля бувъ зъ нею, зъ Марусею!
Другъ!.. Прыиздывъ два разы, вывидавъ
и пидвивъ все, якъ въ кумедіи,—падлюка,

шпыгъ! И Маруся зъ нымъ за одно! *[Беззумно].*
 Ха, ха, ха! О, Степа, Степа! *[Пада на диванъ и плаче. По хвилѣ поднимается].* Людмыла!

Крамарюкъ.

Нема. Выйшла кудысь.

Иванъ.

Куды? Ху! Видъ совисти, якъ и видъ
 своей тини, не втичешъ.

Крамарюкъ.

Не втичешъ!

Иванъ.

И якого чорта я живъ рядомъ зъ
 нею—номеръ зъ номеромъ? Ослипъ!

Крамарюкъ.

Такъ, такъ—помраченіе.

Иванъ. *(Довго дивыться на него,
 хытаючи головою).*

Ты!

Крамарюкъ.

Я.

Иванъ.

Налывай.

Крамарюкъ.

Иванъ Макаровычъ, сегодня спектакль.

Иванъ.

Уже скинчывся.

Крамарюкъ.

Якъ?

Иванъ.

А-а-а! (*Сміється нехотя*). Ху, ху, ху! Якъ? Такъ. Все жыття людське—спектакль: трагедія, кумедія, мелодрама и фарсь и оперетка—разомъ все; и мій спектакль—фарсь, скинчывся!

Крамарюкъ.

Вапъ? (*Зитха*). скинчывся! Строга женщына.

Иванъ.

И якъ протывно, якъ пусто на души, колы побачышъ кинець найкращому, що е въ жытти у чоловіка!.. а кинець е всему, всему...

Крамарюкъ.

Такъ, такъ! Всьому, всему!

Иванъ.

Що ты мени пидтакуешъ? [*Бишено*] Спрытчайся, скотына, моимъ думкамъ, доказуй, що я выненъ, що помыляюсь, розбый въ пенець все те, що я кажу!.. Не такай, дай щыросты мени!.. [*Мовчки ходе*]. Налывай!

Крамарюкъ. (*Суворо*).

Не дамъ вына! Гратъ сегодня треба.

Иванъ.

Я не буду гратъ! На чорта я ламатыму свою душу! Доволи, моя кумедія скинчылась..

Крамарюкъ.

Нищо не починається и нищо не кинчається... Такъ було, есть и буде.

Иванъ.

Шутъ! Говоры яснище; я туману не люблю! [*Самъ наливає*]. ПЫЙ и говоры свои думкы... Ну, говоры!.. Скотына ты, скотына,—все жыття тилько такаешъ! Побиливъ, зубы повыпадады, и доси не чоловікъ, а... Чортъ тебе знае, хто ты? [*Надпыва зъ стакана*]. Хто ты? Хто, пытаю?

Крамарюкъ. (*Зитхае*).

Шкапа.

Иванъ.

Брешешъ, лицемиръ! Ты мигъ бы мени опытну правду сказать, оберегты видъ порокивъ, а ты благословляешъ всіхъ на безпутство! Вонъ! [*Крамарюкъ встает*].

Крамарюкъ. (*Бере шапку*).

Де моя шапка?

Иванъ. (*Бере у него шапку*).

Сыды! [*Цылуе его*]. Просты! Ты не выненъ: и тебе и мене скалчыло жыття! ПЫЙ, Степа! [*Вытира слезы. Дали, въ протягъ монолога Крамарюка, Иванъ сидает, встает, ходет, куре цыгарку за цыгаркою, пьет*].

Крамарюкъ.

Ты правды хочешъ, правды?

Иванъ.

Правды, блазень.

Крамарюкъ.

Ну—на! Я шкапа, у мене все крыве, все гныле, мени не можна вирыть ни од-

ного слова, я—тварь! (*Выпивает*). Думаешь, легко сказать на себе такое слово, легко? (*Бьет себе в грудь, через слезы*). И у мене була душа, и я любывъ правду, пробувавъ говорить и говорывъ правду (*Стает в позицию*). прахвостамъ яки мотають и промотують зъ веселымы жинкамы батькивщину, яки для хвастовства запалюють сторублевкою цыгарку, а бидному и гривни не дадутъ; я говорывъ правду роспутнымъ мужамъ и жинкамъ, яки святость мудрыхъ заповитивъ личать умовнымы, абы догодить своимъ хотиннямъ... И що жъ? Вони сміялись надо мною, цуралысь, не любылы. Скучный чоловікъ, моралисть глупый, и, покиваху на мя головами, одверталысь и не хотили кумпаніи водыть зо мною!.. Я, червякъ, бездара, театральна шкапа, я не мавъ сылы само-стайно иты на боротьбу, а йисты хочу такъ само, якъ и таланты!.. Ну... и ставъ я всимъ годить, що-бъ быть любязнымъ, прыятнымъ чоловікомъ и напхать свое черево! И побачывъ я, що це добре, и прывыкъ, и блазнемъ ставъ, и низкнсть такъ до мене прыросла, якъ голова до шыи. Я не почувваю вже сорому, у мене нема честы и вси ради мать такого компаньона—зъ нимъ лекше жыть, винъ потура всьому... Отъ ты великій артысть, а я блазень, шуть; яка я тоби кумпанія? Одначе ты, якъ и вси, любышь мою кумпанію!.. Черезъ що? Черезъ то, що й ты падлець такой же, якъ усе!

Иванъ.

Браво, паяцъ! Дали, дали! Ну жъ, блазень, бычуй пороки короля, винъ у нещастя, не бійся, лый на его голову помыи!

Крамарюкъ.

Тоби треба мать пры соби блазня, надъ якимъ ты будешъ сміятысь, кепкувать, плювать ему у морду, а винъ—лызатыме у тебе руки! Ты и таки, якъ ты, сыльні таланты въ литератури и на сцени взагали—есть Божи выбранци! Вы повинни правдою жыть и правду говорыть усимъ; а вы боитесь правды, шукаете лыцемірної прыязни видъ усякои тли и усимъ неправдамъ потураете, топчыте мораль пидъ ноги—у васъ бракуе мудросты! Вы правду говорыте тилькы зъ сцены—и то чужу правду,—и хорошымы словамы ловыте душу слухача, щобъ славу тымъ соби здобуть, а самы не почуваеете и на макове зерно того, що солодко такъ льеться зъ вашого божественного горла! Вы проповидуете любовь, справедливисть, всепрощеніе, а сами розкрашени гробы, въ якихъ повно нечысти усякои... А?... Чувъ?... Я, братъ бувъ колысь, першымъ ораторомъ межъ дурнями!..

Иванъ.

Дали, дали! Крутысь, паяцъ, пускай заучени ядовыти слова, дай у волю наслухатысь пьянои твоеи правды! Дали!

Крамарюкъ.

Ага—пьянои! Вже нудыть видь правды и ты іи пьяною звешь. Слухай: ты забувь свое розбыте корыто и черезь те не думаешь надь тымъ, що робышь!.. абы тоби було прыятно! Ты заробляешь стилькы, що можешь издыть вь купи зь жинкою и дитьмы, але тоди треба моральну уздечку надить на свои прымхы, и ты кыдаешь жинку на шисть мисяцвѣ, а самъ тутъ догождаешь свой крови... Дуракъ!

Иванъ.

И падлюка!

Крамарюкъ.

Отъ баць! Фортуна вдарыла тебе по голови,—ты очмаривь и помнякшавь, бо побачывь, що и для велького артыста, и для блазня одынь кинець, колы воны нехтують справедливисть и догождають своему «я»! Отъ и вся моя правда! Колы хотивь ты іи знать—такъ знай!

Иванъ.

Браво, браво! Молодець, Степа! Справжній королевській шутъ изь клаеычної трагедіи! Ахъ ты, каналія! Та ты порядній актеръ, тебе не оцпнылы. А я циню. Я люблю благородни слова и говорыть и слухать, хочъ бы воны вылиталы зь гадючого горла, и отъ, заразы, лышній разъ упевняюсь, що хороши слова частинше всего го-

ворять послідни падлюкы. [*Подходе до него и дивиться довелько*]. Шуть, ты безъ сердца! Ты умієшь лызать руки, лицемирыть, обманывать и убытому судьбою чоловікови говорыть сувори слова, докорять его тымъ, що и безъ твоихъ докоривъ вогнемъ пекло и пече его немощну душу; тоби захотилось вылить свою жовчъ, яка накыпила у тебе давно,—и ты безъ жалю нанызавъ на свое жало тысячу, заученыхъ давно тобою, чужыхъ сливъ и коловъ мене у наболилу душу! А де жъ твоя мудристь, старый песь? А? Мылосердіе, прощеніе, любовь, порада старон мудрой головы, якымы бъ ты залывъ мою болочу рану и умастывъ елеємъ кротосты страждущу душу? Нема? Вонъ, паяцъ!

Крамарюкъ.

Ка, ка, ка! Иванъ Макаровычъ! и охота вамъ видъ шкапы ждаты елею? Колысь у Ныжнимъ я пьяному купцеви говорывъ таки жъ раціи, а винъ давъ мени два разы по морди, и мы зосталыся друзьякы. А вы стаєте на прю зо мною и ждете порады... (*Плаче*). Що жъ я можу вамъ пораять, колы я николы не мигъ соби ничого путнего пораять. (*Рыдае*).

Иванъ.

Чого ты плачешъ?

Крамарюкъ.

Я спочуваю вамъ всымъ сердцемъ!

Иванъ.

Щыро?

Крамарюкъ.

Клянусь моею смертію, а смерты я боюся бильше, нижъ гриха.

Иванъ.

Степа! Въ твоихъ ядовытыхъ словахъ було багато правды. Ты пьяный говорывъ те, що думаешъ тверезый. Иды сюда. *(Крамарюкъ пидходе, Иванъ его шилуе)*. Видъ ныни ты не шуть, а другъ! Одынь благородный другъ жинку однявъ; побачу, що зробить другый! Для першого разу, скажы, другъ! Можу я пьяный показатыся на сцени передъ публычностью, котру я люблю за ии любовь до мене?

Крамарюкъ. *(Думает)*.

Не можешъ, ты потерявъ все—оберегай имя!

Иванъ.

Благородно. Иды и скажы це саме антрепренеру. Не бійся, я беру тебе пидъ свою оборону. *(Входе посыльный)*.

Я В А П.

Ти-жъ и посыльный.

Посыльный.

Дозвольте знать: хто зъ васъ буде Иванъ Макаровычъ Барыльченко?

Иванъ.

Я.

Посыльный. *(Подает листъ).*

Пани прислала.

Иванъ.

Къ чорту!

Посыльный.

Я свое діло роблю. *(Кладет листъ на стол и выходитъ).*

Иванъ. *(Куда листъ).*

Къ чорту.

Крамарюкъ. *(Піднима и дывытсья на адресъ, чытае).*

Видь Маріи Барыльченко!

Иванъ.

Що? *(Выхоплюет листъ).* Почеркъ Маруси. *(Хаплюво розрывает листъ).* Боже, вона ще тутъ, вона пише. *(Чытае).* Иванъ Макаровычъ! Кобы вы получите цей листъ, я буду въ пути. Я знаю, що вы покынете усе и пойдете до дому, щобъ бачыты мене. Даремно! У насъ теперь нема своего дому. Дача—моя, вона за для безпечення дитей, зъ нею я зроблю, що схочу, потимъ, а заразы беру дитей и выиду далеко, де бъ ни мене, ни васъ никто не знавъ. Не шукайте мене! Я присвячую свое жыття дитямъ и остаюсь вирною клядъби, яку дала передъ алтаремъ. Вамъ же раю кримъ робочои дисциплины, яка помогла вамъ матеріально, выробыть нравственну, и вона поможе вамъ зостатысь

духовно чыстымъ чоловикомъ и колысь поцилувать своихъ дитей чыстыми устами. Дитямъ буду говорыть, що вы эмигрировали въ Амерыку. Марія Барыльченко *(Прочытавши, довог дывыться на Крамарюка, котрый вытирае очи)*.

Крамарюкъ. *(Шлаче)*.

Надзвычайна женщина. Я бѣ и самъ хотивъ выробыть нравственну дисциплину, та не знаю якъ.

Иванъ.

Я знаю! Проты всякои отруты е ликы! Я тебе й себе выличу... Тикать треба звидцила въ натуральну жыттеву прыстань: де стеля—небо, а диль—земля; де свиже повитря не надрыва грудей; де нервы, кровь и мозокъ уривноважени робочою дисциплиною; де я колысь у поли працювавъ; де крепкый сонъ обновляе сылы; де спочывокъ видъ тяжкою праці дае райській spokій и тилу и души. Розуміешъ?

Крамарюкъ.

Ничого не розумію.

Иванъ.

Я иду сегодня до дому и, колы Маруси тамъ вже не застану, тоди на хутирь до Карпа—и ты зо мною—спасать душу! Идемъ?

Крамарюкъ.

Що жъ я тамъ буду робыть?

Иванъ.

Стерегты огородъ, пасику, баштанъ, капусту поливать.

Крамарюкъ.

Скучно буде. А ресторанчыкъ тамъ е?

Иванъ.

А-а-а! Ха, ха, ха! Ресторанчыкъ, музыка, пьяна кумпанія бесесныкивъ, женщины... Старый чортъ! Треба очыстытысь видъ бруду, а то тебе Хоронъ утопыть въ Стыкси, и не побачышь ты, якъ выкыдень, ни пекла, а ни раю.

Крамарюкъ.

Трудно очыстытыся!... Я увесь багно... Можно всего мене розмыть на брудну воду, а вымыть вже не можна! Мене выличать тилькы гробаки въ могыли!...

Иванъ.

А мене?

Крамарюкъ.

И тебе!

Иванъ.

Брешешъ, паяцъ! Я не увесь ще брудъ, на мене лигъ гримъ брудный, я его змыю покутою и очыстюсь и стану достойнымъ достойной женщины! Сегодня я немощный, я пьяный, и не могу виддаты кровь пидъ владу мизку, а завтра я поклычу на

помичь всю энергію свою и поборю грихы, а ни,—такъ убью себе: на вищо така ганчирка здалася? щобъ выйшовъ потимъ Степкапаяць! *(Выпива выно)*. Ну, маршь до Усая зь докладомъ!

Я В А III.

Входе Ванина не смилу, стае била дверей и вытирае слезы. Крамарюхъ бере шапку, пидходе до Ваниноу, цилуе ии въ руку, пиднимае въ гору очи и руки, трясе рукамы и злытнувши, мовъ здержавъ плачь, выходе.

Иванъ и Ванина. *(Мовчать)*.

Ванина. *(Не перемѣняючи позиціи, плаче тыхо)*.

Иванъ.

Грихъ мій стоить передъ моими очыма и плаче... И я плачу... пьяный грихъ плаче! Ха, ха, ха! Гарна кумедія, чудови ньюансы... Людя! Ты—грихъ мій!

Ванина.

А ты—мій!

Иванъ.

Ты розбыла мою симью!

Ванина.

А ты—мою душу и сердце!

Иванъ.

Обое розбыти! А хто жь выненъ?

Ванина.

Не знаю.

Иванъ.

Ты. Рыба йде на удочку черезъ те, що на крючку прынада. А хто прынада? Ты! Хто рыба? Я! Ты закинула удочку; твои очи, усмишка, молодисть, краса, станъ, ласкавый голосъ, улеслыва любовна ричь— прынада! И я, якъ дурна рыбка, на крючокъ попавъ! Ты піймала, а Хвыля и Маруся засмажать и зъидять.

Ванина. *(Протяга до него руки).*

Не дамъ никому! Я тебе люблю, я зъума зйду безъ тебе!

Иванъ.

А я тебе ненавижу!.. Я черезъ тебе потерявъ мій тихый рай, мій прыютъ, мою безцинну Марусечку!

Ванина.

Холодну эгоистку, шпіона, що умовну прописыну мораль ставыть выще кохання, въ якимъ не властенъ чоловікъ спыныты свою кровъ. Вона мае право жинкы, ты їи любышь, ты їи не кыдаешъ, чого жъ ще їй? А я пожертвовала своимъ именемъ и честью, не маючы ніякихъ правъ, и завтра, може, я зостануся одна, покынута тобою, оплевана передъ цылымъ товариствомъ,—и все такы люблю тебе! Невже жъ твое шыроке, чуле сердце мене ни крыхты не жаліе?

Иванъ. *(Ласкаво).*

Дытя мое, мени жаль тебе!

Ванина. *(Идбма и стае быля
Ивана навколошкы).*

Жаль?

Иванъ.

Выпьемъ, Людя, зъ горя!

Ванина.

Я пьяна видъ горя, а ты— и видъ горя, и видъ вына. Буде зъ насъ, бильше не треба! Це лехкодухистъ; тоби не лычыть быть такимъ; перенесы, якъ слидъ мужчыни, свою прыгоду! Маруся не втиче видъ тебе! повирь! а я?..

Иванъ. *(встае, дывыться на неи,
бере за бороду).*

И ты!

Ванина.

Що Ванюша?

Иванъ.

Не втичешъ!

Ванина.

Я прыкована до тебе. *(Схылле голову ему на груды. Иванъ ласкае и цилуе їи въ голову).* А ты хочешъ, щобъ я зосталася твоею?

Иванъ. *(Дывыться на неи).*

Хочу, щобъ и ты и Маруся!.. У Маруси прекрасна душа, а ты нектаръ жыття! *(Обнима їи за станъ, потимъ одводить одъ себе и оддыхае).* Причь! Я обезумивъ видъ вына, а ты ко-

рыстуетеся моимъ станомъ и зновъ пьянышь мене дыханнямъ страсти!

Ванина. *(Тыхо, кротко, тихо и сорожливо).*

Ванюша... Я? Все я... А ты?

Иванъ.

А-а-а! И я, и я! Безуміе страсти, якъ и безуміе хмелю, проходе, остаетеся чадъ и биль въ души. На вищо все? Навищо жъ блыскуча, паляща кровъ, краса, колы у ній отрута для души? Не вже у цимъ жыття? Ахъ, Людя! Грихъ до гриха магнытомъ тягне не оборымо, и я не могу до тебе доторкнутысь, щобъ не почуть огню по нервахъ, якый палыть мою кровъ, и я теряю мизокъ!.. Просты!.. Дай, кыця, лапку! *(Ванина протягае му обыдеи руки).* Ну, мырь! *(Вбиае Усай, за нымъ Крамарюкъ).*

Я В А І V

Ти жъ, Усай и Крамарюкъ.

Усай. *(Захакавця).*

Иванъ Макаровычъ! Иванъ Макаровычъ! *(Хапаетея за серце).* Ахъ!.. Степа, дай воды! Иванъ Макаровычъ! що вы робыте? *(Пье воду)*

Иванъ.

Пью выно... Сидайте, выпьемо!

Усай.

Бога побійтесе! Два дни ледви ставало на вечерови росходы. Сегодня зборъ — нема

ни одного миста въ театри, все продано, а вы не хочете грать!...

Иванъ.

Не могу, я розбитый на голову!

Усай.

Я потеряю 1400 рубливъ.

Иванъ.

Я потерявъ усе: я пьяный и грать не могу.

Усай.

Вы хотите мене пустить зъ торбама, оставить безъ шматка хлиба мою семью? *(Кланяется ему въ ноги)*. Пожалійте будущихъ дитей моихъ! Ще зосталося пивгодыны до пидняття зависы, въ першимъ акти васъ нема, можна задержатъ початокъ спектакля и антрактъ, вы будете мать дви годыны: укусуъ на голову, сода, нашатырный спиртъ,— и хмилъ пройде!

Иванъ.

Въ другій годыни ночи я йиду до дому.

Усай. *(Пада на дыванъ)*.

Карауль, граблять! Степа, дай воды! Людмыла Павловно, рятуйте! Иванъ Макаровычъ, не робить мене банкротомъ! До пойизда шистъ годынь; вы поспіете, скинчывшы спектакль! *(Пидбига до Ванной)*. Скажить свое слово, поможить нещасному ан-

трепренеру, инакше я выизжаю разомъ зъ Ивановъ Макаровычемъ и жалованья не платю! (*Вбиае капельдинеръ*).

Я В А У.

Ти жъ и Капельдинеръ.

Капельдинеръ.

Лупъ Лупычъ!

Усай.

Що, пожаръ?

Капельдинеръ.

Кассиръ прислалы сказать вамъ, що электричества нема йдоси; публика збирається; требуютъ гроши назадъ, пожалуйте въ театръ...

Усай,

Заризалы, ограбылы! (*До Вакиноу*). Станція пьяна. (*До Крамарюка*). Иванъ Макаровычъ электричества не дае! (*Бье себе въ груди*). Спектакля нема! Виддавай грѣши,—и банкротъ! (*До капельдинера*). И яка падлюча тварь выдумала ще на мою голову электричество? (*До Вакиноу*). Инженеръ десь грае въ винтъ (*До Крамарюка*); механикъ, самоучка, пишовъ чаю пыть; кочегаръ—пьяный; перервався пасъ; проволока триснула; электричество погасло, поправыть никому, и ништо не... одновида за потерю! Ахъ, Боже мій! На вищо ты мене зробывъ электричествомъ? (*Достае хутко гроши зъ гаманця*). На 20 копѣекъ, забижы по дорози и купы вирѣвку.

Капельдинеръ.

Товсту чи тонку? (*Вбѣгаетъ другой капельдинеръ*).

Усай.

Що, що? Контромарочныкы кассу бьютъ, лопнула водопроводна труба, залива театр?.. Бабицка по контракту требуе гроши за спектакль?.. говоры, рижь!

Капельдинеръ.

Электричество далы, все благополучно, режиссеръ прислалы нагадать Ивану Макаровычу, що воны сегодня грають.

Усай.

Электричество есть?... Да благословить Богъ электричество! (*До капельдинера*) Початокъ спектакля задержать, нехай электричество грае тры разы, оркестръ на сцени прытушыть, щобъ даремно не горило!

Капельдинеръ.

Понялы! (*Выходятъ*)

Усай. (*До Ивана*)

Спасайте! повишусь, ей повишусь! хто жъ вамъ жалування буде платыть? (*Зъ слезами*) У музыкантивъ диточокъ багато, останутся бидни безъ молочка; пожалійте невынни тварючкы!

Иванъ.

А! Ха, ха, ха! Рады молочка для дитей музыкантивъ буду гратъ пьяный.

Усай. (*Робе земный поклонъ*).

Благодитель!! (*Хана за руку, Иванъ не дае.*

Иванъ.

Умова: десять день отпуску; я йиду
и Степу беру зъ собою.

Усай.

Согласенъ, согласенъ! Степа! Должны
капельдинера Вакулу, визьмы у него 20
коп. Поклычъ звощыка; Иванъ Макаро-
вычъ, послышайте!

Иванъ.

Я зъ Людею прыиду самъ.

Крамарюкъ. (*До Усая*).

А вамъ извощыка?

Усай.

Не треба, не треба,—я бигомъ скорище!
Иванъ Макаровычъ... (*Крамарюкъ выйшовъ*).

Иванъ. (*Крычить*).

Буду, буду, буду!

Усай.

Я певень, я певень! (*Тысо*) Людочка
мыла, привозьте его скорище! Боржомъ,
Нарзанъ, соду и нашатырный спиртъ визьму
у аптекаря за контромарку! (*Пишовъ*).

Я В А VI.

Иванъ и Ванина.

Иванъ.

Въ души пекло... въ печинци коты
деруть... въ мозку червы злосты и досады...

на серци жаль пекучий... голова пьяна,—
нды забавляй публичность! Ха, ха, ха!
(Бьет себе по лоби) Паяцъ, паяцъ!

Ванина.

А після ~~спектакля~~ спектакля я тебе вечерею ча-
стую на прощання, послідній разъ; самъ на
самъ зъ тобою погуляю!

Иванъ.

И выпьешь?

Ванина.

А?.. На ривни зъ тобою!

Иванъ.

Ну? Николы тебе въ хмелю не бачывъ.
Пикантна ричь! Пикантна ричь! Після
спектакля ты даешь спектакль для мене!
[Бере її за бороду и цилуе въ уста]. А потимъ я
тебе убью, прокляту чаривныцю, щобъ не
доставалася никому!

Ванина.

О, яка бъ я була щаслыва умерты на
твоихъ грудяхъ! Ваня! Давай повечеряемъ,
уьемось отрутою ласкы и прыймемо тру-
тызну разомъ, щобъ не прокыдатыся николы.
Отрута у мене е!

Иванъ.

Послідній спектакль?

Ванина.

И послідній день мукъ!

Иванъ.

Адски эффектна сцена! Маруси телеграмма: умираю! Эффекты! Эффектъ надзвычайный! Газетамъ тема, публичности розвага! Гвалтъ! Знаменитый артистъ зъ любовницею своею отруились разомъ! Все сонне царство захвылюется. Драмы воны не люблять и вси прыйдутъ подывытысь на гыдку сцену самогубства... Ха, ха, ха!... Фи! Якъ протывно! Брр!... Ни, въ смерти красоты нема! красота—жыття! И я хочу жыть, жыть, по правди жыть! Розуміешъ? По правди, а правды у мене самого нема... Дай же мени правды, правды, правды мени дай!

Ванина.

На! (*Цилуе его пылко*). Мое кохання—правда!

Иванъ.

Кохання—правда? Ха! И тамъ десь Хвыля зъ Марусею, може, правду знайшлы въ коханни!.. Охъ, яка страшна думка пронеслась въ голови! Винъ завладіе чыстымъ тиломъ херувима,—и це все-правда! О-о-о! Прокляття! (*Въ пози Отело*). Я бъ краще хотивъ быть жабою и годуватысь темнычнымъ смородомъ, нпжъ отдаваты куточокъ въ серци женщины другому! Ни, ни, ни! Тутъ правды нема! Нема, нема, и душа моя пережыва невымовни муки, шукаючы іи; а вона е!.. е!.. Тилько не тутъ, не тутъ! порай же мени, скажы мени, де правда?

Ванина.

Жыття мое, радисть моя, мое ты щастя!
ты—моя правда! другои я не знаю!

Иванъ.

Ни, Людя! Чыстота жыття—правда, симбья—правда, диты—правда, и я цю правду потерявъ!.. 15 литъ я будувавъ гнздо свое и самъ розвалывъ его, а теперь крутюсь, якъ гадъ, я боюся правды—вона сувора! Ахъ, Людя!.. Правда тамъ, де свята прырода, де землю поливають кривавымъ потомъ пращи, де я здобувъ колысь робочу дисциплину и теперь чую въ замученій души нижный, тихый голось матери: вона клыче мене до своего лона! Туды, туды лечу думкамы, тамъ я здобуду дисциплину нравственну!

Ванина.

Це мриі. Не обманюй себе: никуды ты не пойдешъ, повирь мени, що... (*Вбиге Крамарюкъ*).

Я В А VII.

Ти жъ и Крамарюкъ.

Крамарюкъ.

Рады Бога! Бога рады! Иванъ Макаровычъ, Людечка!—Идить въ театр! Спектакль задержалы, партеръ стука, галерка крычить, свыстыть, полиція требуе почынатъ; Лупъ бига, лається, бьється объ кулисы головою, Кактусъ и портный поховалысь видъ него на колосныкы,—прямо свитопредставлення!

Иванъ.

А!.. Суета! Ходимъ! (*Бере шапку*). Сегодня,
 Степа писля спектакля—йидемо!

Крамарюкъ. (*Потыраючи руки*).

Вечерять?

Иванъ.

На по-ку-ту!

Ванина.

Ахъ, Ваня, не обманюй себе: никуды
 ты не пойдешь!..

Иванъ.

Ни, ни, ни! Я не обманюю себе! Эго-
 измъ, суетни бажання хмарою навислы надо
 мною, оповылы мене ласошамы, якъ дытя
 сповывачемъ, отруилы мій мозокъ, я учадивъ,
 виддався на волю жытейського моря и по-
 терявъ свою волю, а девятый валъ, голублячы,
 нисъ мене до скели, щобъ розбыть!.. Теперъ
 у мене чадъ пройшовъ, скеля ще далеко, я
 поборюсь усимы сыламы души, выплыву и
 въ тыхій ясній пристани обновлюсь душею!

Ванина.

И твій кумыръ—театръ покинешь?

Иванъ. [*Торжественно*].

Обмывшысь самъ, и въ храмъ искусства
 я чыстоту внесу!

З А В И С А.

НАЙВАЖНІЙШИ ЗАМІЧЕНІ ДРУКАРСЬКІ ПОМИЛКИ.

<i>Надруковано:</i>	<i>Повинно бути:</i>	<i>На якій сторони:</i>
Грыцко	Грыцько	25
здвохъ	зъ двохъ	32
покалычывъ	покаличывъ	"
дядку	дядьку	"
припавъ	прыпавъ	"
·бижить	бижыть	40
же	вже	41
Чигрынъ	Чыгрынъ	46
любить	любыть	52
нешасня	нешасна	70
переходить	переходыть	71
приклавшы	прыклавшы	78
ця	ся	80 и 81
лыцарськы, мы	лыцарськымы	81
уважить	уважыть	87
мучить	мучыть	100
побачить	побачыть	102
·сдається	здається	115
Дымеры	Дымери	122
·тылькы	тылькы	124
омусь	чомусь	133
життя	жыття	137
Щиро	Шчыро	174
пидкрысмоючи	пидкрысляючы	219
вины	винъ	220
·таки	такы	247
не журыться	не журиться	248
·идемо	Йидемо	250
·идемъ	йидемъ	"
повинни	повынни	257
·коли	колы	272
·спрыготовыть	прыготовыть	275
·знакомаго	знакомого	276
·офиціантъ	офиціантъ	284
·ничого	ничого	298
·звятую	святую	306
·кондитерську	кондитерську	310
·Иду	Йиду	332
·иде	йиде	"
·рабочихъ	робочыхъ	364
·такимъ	такымъ	381
·залисну	зализну	388
·недоризате	недоризане	390
·имъ	йимъ	393
·опанувавшы	опанувавшы	427
·иду	йиду	437
·Идемъ	Йидемъ	"
·пожертвовала	пожертвовала	440

Оглавъ V т.

Передне слово. Сергій Ефремовъ	I—VIII.
Гандзя, драма зъ часивъ Руины [1663—1687. . .	1—140.
Суета, комедія въ 4-хъ діяхъ (картыны) . . .	141—302..
Жытейське море, комедія у 4-хъ діяхъ (протягъ „Суеты“)	303—450.

Acme

Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210

Digitized by Google

Dramy i komedii /

Widener Library

007027867

3 2044 080 738 149